

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ОКТЯБРЬ

2010

ТИШРЕЙ

5771

N 10(222)

Рамбам, помимо великих познаний в Торе и общепризнанной святости, был интеллектуальным гением и отличался энциклопедическими познаниями в философии и естественных науках. Хотя главный и ценнейший его труд, «Мишне Тора», посвящен Торе, Рамбам счел необходимым написать после него «Путеводитель растерянных», посвященный философии и науке: он хотел употребить свои знания на служение Б-гу и Его Торе.

Таким образом, Рамбам возвеличивает философию и науку, используя их как инструмент для достижения высшей цели. И объяснить это можно так.

Заповеди Торы – откровение воли Б-жьей, поэтому наполнены духовным смыслом и значением, но требуют в первую очередь практической, материальной подготовки.

Например, применительно к тфилин, Б-г заповедал нам возлагать их на голову и на руку каждый день. Можно было бы ожидать, что Б-г сам создал уже готовый полный комплект тфилин, и нам остается лишь возложить их на себя – как Он хотел от нас.

Однако все происходит иначе. Мастер сначала изготавливает коробочки, ремни, кусочки пергамента; на этом пергаменте переписчик записывает соответствующие стихи из Торы; еврей, которому нужны тфилин, должен купить их за деньги, заработанные своим трудом.

Другой пример – этрог, который мы используем при благословениях в Суккот. Можно было бы ожидать, что утром первого дня праздника Суккот этрог окажется у каждого еврея, и это позволит ему выполнить мицву. Однако на самом деле еврей должен работать до наступления праздника и искать красивый этрог. И порой, чтобы найти такой этрог, нужно потратить много усилий, времени и денег.

Приготовление к Торе и мицвот

Иными словами, для того, чтобы выполнить заповеди Б-га, необходима материальная подготовка: она позволяет оптимальным образом осуществить Его цели, воплощенные в заповедях. В этом контексте можно рассматривать и естественные науки по отношению к Торе: для части людей они служат средством подготовки к тому, чтобы принять на себя бремя Торы и мицвот.

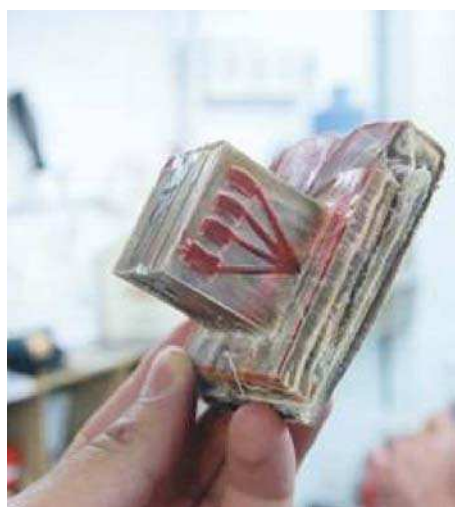
Таким образом, науки – не только «рабочая лопата, то есть инструмент, позволяющий заработать на жизнь и тем самым получить возможность служить Б-гу». Основная ценность науки в том, чтобы «человек сознательно использовал ее на служение Б-гу и Его Торе» (Танья, гл. 8): тогда наука преображается, становясь частью Торы.

Между прочим, отметим любопытный факт: Рамбам начинает свой главный труд «Мишне Тора» (фактически первый еврейский законодательный кодекс) с книги «Мада» («Знание»). В этой книге показано, каким образом и в какой мере можно охватить и постичь Б-жественное бытие посредством человеческого разума.

Вводная книга Рамбама дает понять, как следует использовать естественные науки в качестве материальной подготовки для изучения мицвот и конкретных законов, которым посвящены остальные страницы «Мишне Тора».

Наш материальный мир вместе с миром внеземным, духовным, черпает жизненную силу из Торы. Его можно и нужно в полной мере использовать для более глубокого постижения Торы и более тесной связи с ней. Крайне опасно рассматривать Тору, подобно некоторым профессорам из Иерусалима, как нечто отдельное, обособленное от мира и повседневной жизни.

Тот аргумент, что Тора – это высокий идеал, из которого нельзя вывести практические указания для повседневной жизни, а также и то, что повседневная жизнь не может научить нас глубже понимать Тору, – на самом деле попытка принизить Тору и умалить ее значение.

צִיָּוִי עֵלֵי אִיִּיאִד

אִיִּיאִד Многие из тех, кто сегодня начинает изучать Тору, сталкиваются с трудной проблемой совмещения двух основных идей еврейского мировоззрения: о Б-жественном всеведении и свободе воли человека. На первый взгляд все представляется так: Б-г несомненно знает будущее, и это лишает людей

свободного выбора, то есть им приходится совершать поступки, predeterminedенные

Б-гом. Что можно сказать в связи с этим?

יִוָּאִד: Неудивительно, что такой вопрос смущает новичков. Но печально, что даже тех, кто считает себя сведущим в Торе, этот вопрос тоже озадачивает. Однако ответ на него очень прост и может быть сформулирован в нескольких коротких фразах.

Давайте предположим: «А» знает, что собирается сделать «Б». Заставляет ли это «Б» вести себя каким-то особым образом? Определенно, нет. Разумеется, Б-жественное знание отлично от человеческого, поскольку Б-жественное знание должно конкретизироваться и актуализироваться (как и все в мире пришло через слово Б-жье). Но поскольку Б-г решил дать человеку свободный выбор, Он не

осуществляет принудительно Своего знания: в противном случае, Он заставил бы человека действовать в соответствии со Своим знанием.

Если этого объяснения недостаточно, то следует упомянуть еще об одном моменте. Никого не беспокоит вопрос, как согласуется со свободой воли то, что Б-г знает предшествующие события. Но ведь Б-г существует вне всяких ограничений и пределов времени. Для Него нет различия между «завтра» и «вчера». Все, что верно по отношению ко «вчера», остается верным и по отношению к «завтра».

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПОМОГИ БЛИЖНЕМУ

Аадэ Ёацад

В предыдущей беседе мы говорили о том, что, допуская бедствия и природные катастрофы, Б-г дает нам важный урок, мобилизуя на помощь людям, оказавшимся в трудной ситуации. Благотворительность, помощь ближнему – одна из важнейших заповедей Б-жьих: она выявляет лучшие стороны человеческой души и позволяет благотворителю добиться духовного роста. Как сказано в наших святых книгах: «Ты должен дать десятину, чтобы Б-г вернул тебе вдесятеро». Или: «Принесите все десятины в дом Мой и испытайте Меня: не открою ли Я для вас отверстий небесных и не изолью ли на вас благословения до избытка». Из этой последней цитаты видно, что здесь мы не просто можем испытывать Б-га – Он сам требует от нас испытать Его.

Поэтому не следует удивляться, что Тора и Талмуд дают нам подробные разъяснения, как именно мы должны помогать ближнему. Первым делом надо помочь ближним родственникам; затем наступает очередь родственников дальних; после них надо начать помогать нуждающимся в своем городе. Только когда жители твоего города получили необходимую помощь, можно переходить к нуждающимся в масштабах всей страны. О «всемирном масштабе» святые книги умалчивают – обо всем мире реально позаботиться может только Б-г.

Такой подход не слишком сочетается с модными в последние полтора века общественными тенденциями. В нынешнем светском обществе принято решать проблемы «в глобальном масштабе»: помогать, к примеру, «мировому пролетариату» или «народам развивающихся стран». Правда, проблемы не слишком решаются, но идеологи, пропагандирующие подобного рода подход, приобретают имидж великих благодетелей человечества.

Почему «ближние» в нашей традиции считаются более достойными помощи, нежели «дальние»? На этот счет есть хасидская притча. Однажды к раввину пришел богатый еврей и дал пятьсот рублей на помощь нуждающимся. Дело было в царской России, так что 500 рублей – очень большие деньги. Раввин, конечно же, обрадовался неожиданной помощи: решил отправиться в синагогу, а по пути подумать, как лучше истратить деньги. На улице он встретил соседа, который шел и плакал. «Что случилось?» – спросил раввин. Сосед рассказал о своих бедах: ему надо выдавать замуж двух дочерей, а все имущество – одни долги. Тогда раввин поинтересовался, сколько денег нужно этому еврею, чтобы решить его

проблемы: подсчитали, оказалось – как раз 500 рублей. Раввин задумался, а потом отдал соседу все деньги, полученные от мецената.

Когда об этом узнали ученики, они не сразу поняли логику его поступка. «Разве это справедливо? – недоумевали они. – Надо было разделить деньги поровну среди всех бедняков! Ведь даже если дать каждому десять рублей, 50 семей смогли бы купить себе самое необходимое! А так все деньги достались одному...» В какой-то момент у меня тоже возникла такая мысль, сказал раввин. Но когда это произошло? Когда тот человек уже попросил о помощи. И тогда я понял, что во мне говорит йецер а-ра, злое начало, которое всегда ищет причин, чтобы не сделать доброго поступка – не помочь человеку, который об этом просит. Ведь что получилось? Неожиданно пришли деньги, неожиданно выяснилось, что эти деньги могут решить проблемы семьи, попавшей в беду. Это был явно знак от Б-га: деньги пришли в общину именно для решения проблем этой семьи.

Сходным образом объясняет приоритет помощи ближнему известный комментарий к Торе «Ор а-хаим»: «Если Б-г сделал так, что именно этот нуждающийся оказался рядом с тобой, значит, именно тебе предназначено ему помогать». Если ты видишь, что некто рядом с тобой страдает – это не случайность. Это Б-г показал тебе страдающего человека, дав тем самым понять, что именно ты должен ему помочь.

А помогать «во всемирном масштабе» в любом случае бессмысленно: ведь нуждаются в помощи всегда конкретные люди! Боюсь, очень многие разговоры о необходимости помогать народам дальних стран и континентов продиктованы не столько соображениями гуманности, сколько тем же йецер а-ра: злое начало всегда ищет поводов, чтобы не помогать тому, кто рядом. Ближнему отказать легче: ты знаешь все его обстоятельства, твой йецер а-ра обязательно подыщет оправдания отказу. Но именно потому Тора и мудрецы Талмуда напоминают нам, что в первую очередь надо помочь ближнему. Своим детям, своим родным, своим соседям, школе, в которой ты учился...

Вспоминается известный анекдот о богаче, который просит Б-га за своего знакомого. «Б-же, почему Ты ему не поможешь? Ведь он совсем обнищал, ему нечем даже кормить детей!» И раздается глас с небес: «Я помог – сделал тебя богатым! Именно чтобы ты, находящийся рядом, мог ему помочь!»

Помочь на самом деле, а не просто создать себе имидж на чужих горестях и бедах, – надо четко знать, кому что нужно, и приходиться к конкретному человеку именно с тем, что необходимо ему и его семье. Именно поэтому у нашего народа принято оказывать помощь через общину. Ведь община для того и существует, чтобы знать положение каждого своего члена. Именно в общину приходят евреи со своими проблемами, со своими бедами. И община гарантирует, что помощь придет по адресу и окажется целенаправленной.

Традиционно в дни осенних праздников евреи перечисляют пожертвования на свою общину, чтобы помочь ближним, столкнувшимся с жизненными трудностями. И я воспользуюсь возможностью, чтобы выразить благодарность тем благородным людям в разных городах, которые, несмотря на нелегкую экономическую ситуацию в стране, пришли на помощь своим нуждающимся единоверцам. Большое вам спасибо – и уверен, что Б-г воздаст вам стократ. И не только вам – но, благодаря вашей заслуге, всему еврейскому народу.

Как сказано в Талмуде: «Благословенна цдака, приближающая конечное искупление».

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

ГОРЬКИЙ МЕСЯЦ ХЕШВАН

Евгений Левин

Изначальное название восьмого (считая, как принято, в соответствии с указанием Торы [\[1\]](#), от нисана) месяца еврейского календаря – буль. Именно так он назван в Танахе: «На одиннадцатый год, в месяце буль, – это восьмой месяц...» (Млахим I, 6:38). Согласно Иерусалимскому Талмуду (Рош а-Шана, 1:2), он назван так по трем причинам: в этом месяце увядают травы и листва на деревьях (слово «буль» возводят здесь к глаголу «либоль» – «увядать»); из-за дождей на почве образуются комья земли («буль» означает также «ком»); в этот месяц начинают замешивать корм для животных из заготовленного силоса, так как на лугах уже нет трав (здесь «буль» происходит от глагола «ливлоль» – «замешивать»). Некоторые комментаторы связывают название этого месяца с завершающим этапом сбора плодов с садовых деревьев («буль» они производят от «йевуль» – «урожай»). Каббалисты отмечают, что название месяца «буль» намекает на Тору: оно состоит из буквы «бейт» – первой буквы в Пятикнижии, «вав» – буквы, занимающей место в самом его центре, в слове «гахон» (Ваикра, 11:42), и «ламед» – последней буквы в нем.

Иеровоам поклоняется идолам.

Жан-Оноре Фрагонар.

1752 год.

Академия изящных искусств. Париж

Однако после Вавилонского изгнания старые еврейские названия месяцев были забыты, и евреи стали пользоваться теми, что принесли из плена. В результате «буль» превратился в «хешван». Или, точнее сказать, «мархешван» – это название взято из аккадского языка и означает «восьмой месяц», именно так он назван и в Мишне: «Третьего мархешвана просят о дождях...» (Таанит, 1:3-4), и в Вавилонском Талмуде (см. Псахим, 94б, Рош а-Шана, 7а). Название «хешван» тоже прижилось и применялось столь широко, что рав Эпштейн (Арух а-Шульхан, Эвен Эзер, 127:17) писал: «Хотя формально оно является неправильным, его можно использовать даже при написании юридических документов».

Желая понять, что означает название этого месяца, мудрецы Талмуда, естественно, пытались вычленить в нем знакомые ивритские или арамейские корни. Слово «маар» в обоих языках имеет значение «горький, горечь» – помните в книге Рут: «Она сказала им: не называйте меня Ноэми (“приятная”), а называйте меня Мара (“горькая”), потому что Всесильный послал мне великую горесть» (Рут, 1:20)? Оставалось только выяснить: что же такого горького и печального произошло в этом месяце?

Нетрудно догадаться, что евреи довольно быстро нашли несколько ответов на этот вопрос. Тем более что одно из горестных событий, произошедших в этом месяце, упоминается в Писании: «И установил Иеровоам праздник в восьмой месяц, в пятнадцатый день месяца, подобный тому празднику, какой был в Иудее, и приносил жертвы на жертвеннике; то же сделал он в Бейт-Эле, чтобы приносить жертву тельцам, которых сделал. И поставил в Бейт-Эле священников высот, которые устроил, и принес жертвы на жертвеннике, который он сделал в Бейт-Эле, в пятнадцатый день восьмого месяца, месяца, который он произвольно назначил; и установил праздник для сынов Израилевых, и подошел к жертвеннику, чтобы совершить курение» (Млахим I, 12:32-33).

Напомним, о каких именно событиях идет речь. После смерти царя Шломо военачальник Иеровоам из колена Эфраима поднял мятеж против законного царя – преемника Рехавама и объявил царем себя. В результате единое еврейское государство распалось на два царства – Северное (Израиль) и Южное (Иудея). Изначально раскол был административно-политический: жители Северного царства регулярно отправлялись паломниками в Иерусалимский Храм, в Иудею, дабы совершать там положенные жертвоприношения. Разумеется, царю Израиля это казалось невыгодным и даже опасным. Поэтому он, вопреки прямому указанию Горы, запретил своим подданным восходить в Иерусалим, построив на своей земле альтернативное «святилище». Тем самым политический раскол превратился в религиозный. С точки зрения пророков, поступок Иеровоама – то же, что поклонение идолам.

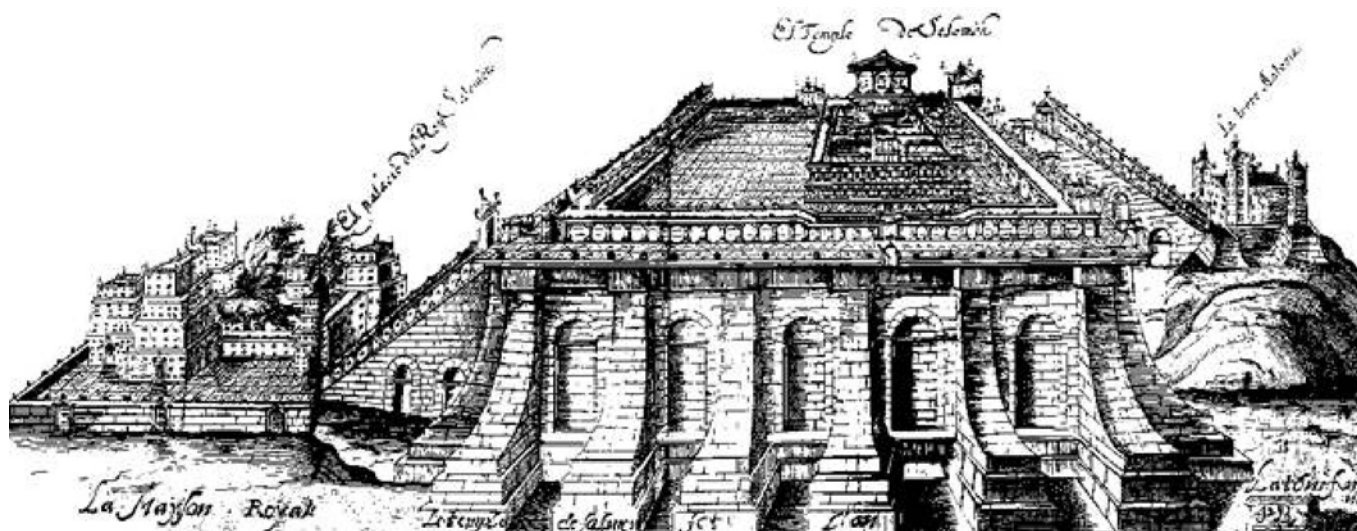
Еще одна причина «горечи» мархешвана состоит в том, что именно в этом месяце, согласно одному из мнений, приведенных в Талмуде (см. Рош а-Шана, 11б), начался Потоп. Как сказано: «В шестисотый год жизни Ноаха, во второй месяц <...> разверзлись все родники <...> и небесные [хранилища воды] распахнулись» (Берешит, 7:11).

По традиции считается, что 6 мархешвана произошло еще одно трагическое событие. В этот день вавилонский царь Невухаднецар, разрушивший Иерусалимский Храм, приказал убить пятерых сыновей Цидкияу, последнего царя Иудеи, на глазах у их отца. Сам царь был после этого ослеплен и сослан в Вавилон, где и умер.

11 мархешвана годовщина смерти праматери Рахели, скончавшейся «на дороге в Эфрат, то есть Бейт-Лехем» (Берешит, 35:19). В этот день сотни евреев посещают ее могилу, расположенную неподалеку от иерусалимского района Гило. Согласно мидрашу Эстер раба (7:13), в месяце мархешван умерла и праматерь Сара. Однако мидраш «Пиркей де-рабби Элиэзер» и великий комментатор Танаха Раши считают, что Сара умерла, услышав о том, что ее сына Ицхака едва не принесли в жертву. Восхождение же Авраама и Ицхака на гору Мория было, согласно традиции, в месяце нисан.

Немало трагических событий произошло в месяце мархешван и после разрушения Храма (как, впрочем, и в любом другом месяце еврейского календаря): в IX веке евреи были изгнаны из Александрии Египетской, что нанесло смертельный удар по одной из наиболее древних и славных еврейских диаспор мира; в XVI веке инквизиция устроила в Риме сожжение огромного количества еврейских священных книг и т. д. Поэтому неудивительно, что в некоторых общинах существовал обычай не вступать в брак в месяце мархешван (автор книги «Сдей хемед» называет этот обычай иерусалимским).

Однако главная «горечь» мархешвана в том, что в этот месяц нет ни одного праздника, поста или иной значимой даты. На тишрей приходится Рош а-Шана, Йом Кипур, Суккот, Шмини ацерет. В кислеме есть Ханука, в швате – Ту бшват, в адаре – Пурим, в нисане – Песах, в ияре – Лаг ба-омер. Сиван отмечает праздник Шавуот. В месяце ав был разрушен Храм, тевету и тамузу достались общенациональные посты. Наконец, весь месяц элул посвящен подготовке к предстоящим Дням трепета. И только мархешван совсем ничем не отмечен.

Иерусалимский Храм, дворец царя Шломо и крепость Антония.
Иллюстрация из книги Яакова-Йеуды Леона «Retrato del Templo de Selomoh».

1642 год

Правда, в какой-то момент казалось, что и мархешван получит свою памятную дату: «на одиннадцатом году, в месяце буль, – это восьмой месяц, – он [Шломо] окончил Храм со всеми его принадлежностями и по всем его предназначениям; он строил его семь лет» (Млахим I, 6:38). Шломо, наделенному пророческим даром предвидения, было открыто, что торжество в честь начала храмовой службы следует отложить до следующего года – до месяца тишрей, и он именно так и поступил (Млахим I, гл. 8).

Впрочем, неверно утверждать, что в месяце хешван не произошло ничего хорошего. В этом месяце случались и радостные события. К примеру, 20 хешвана 5624 (1860) года родился пятый Любавичский Ребе Шолом-Дов-Бер Шнеерсон (Рашаб), основатель ешивы «Томхей тмимим», положившей начало организованному и эффективному образованию хасидов. Кроме того, 7 хешвана 1878 года началось строительство города Петах-Тиквы, одного из первых еврейских поселений Земли Израиля в Новейшее время. А 10 хешвана 1840 года турецкий султан официально запретил обвинять евреев в ритуальном использовании крови и т. д.

Не стоит забывать о том, что в еврейской традиции есть и не столь печальная этимология слова «мархешван». В Писании слово «маар» один раз употребляется в значении «капля»: «Вот народы – как капля (ке-мар) из ведра» (Йешаяу, 40:15). По мнению некоторых комментаторов, название мархешван намекает на то, что именно в этот месяц, с его седьмого дня, в Стране Израиля – Эрец-Исраэль – начинают молиться о дождях, ибо от них зависит урожай будущего года. Нет худа без добра: мидраш рассказывает, что, поскольку Всемирный потоп начался именно в этом месяце, ему было определено и впредь оставаться дождливым.

Ну и, наконец, самое главное. Судя по всему, мудрецы чувствовали, что с месяцем мархешван обошлись несправедливо. Поэтому в мидраше «Ялькут Шимони» мы находим обещание: «Так же как и месяцу кислев [в котором изначально не было праздников, но Хасмонеи возобновили служение в Храме, и

мудрецы ввели праздник Ханука], Всевышний воздаст в будущем должное месяцу мархешван». По мнению одного из комментаторов, эти слова означают, что именно в хешван, некогда горький месяц, произойдет освящение Третьего храма.

Добавим к этому только одно: пусть, как сказано в молитве, это произойдет «скоро, в наши дни».

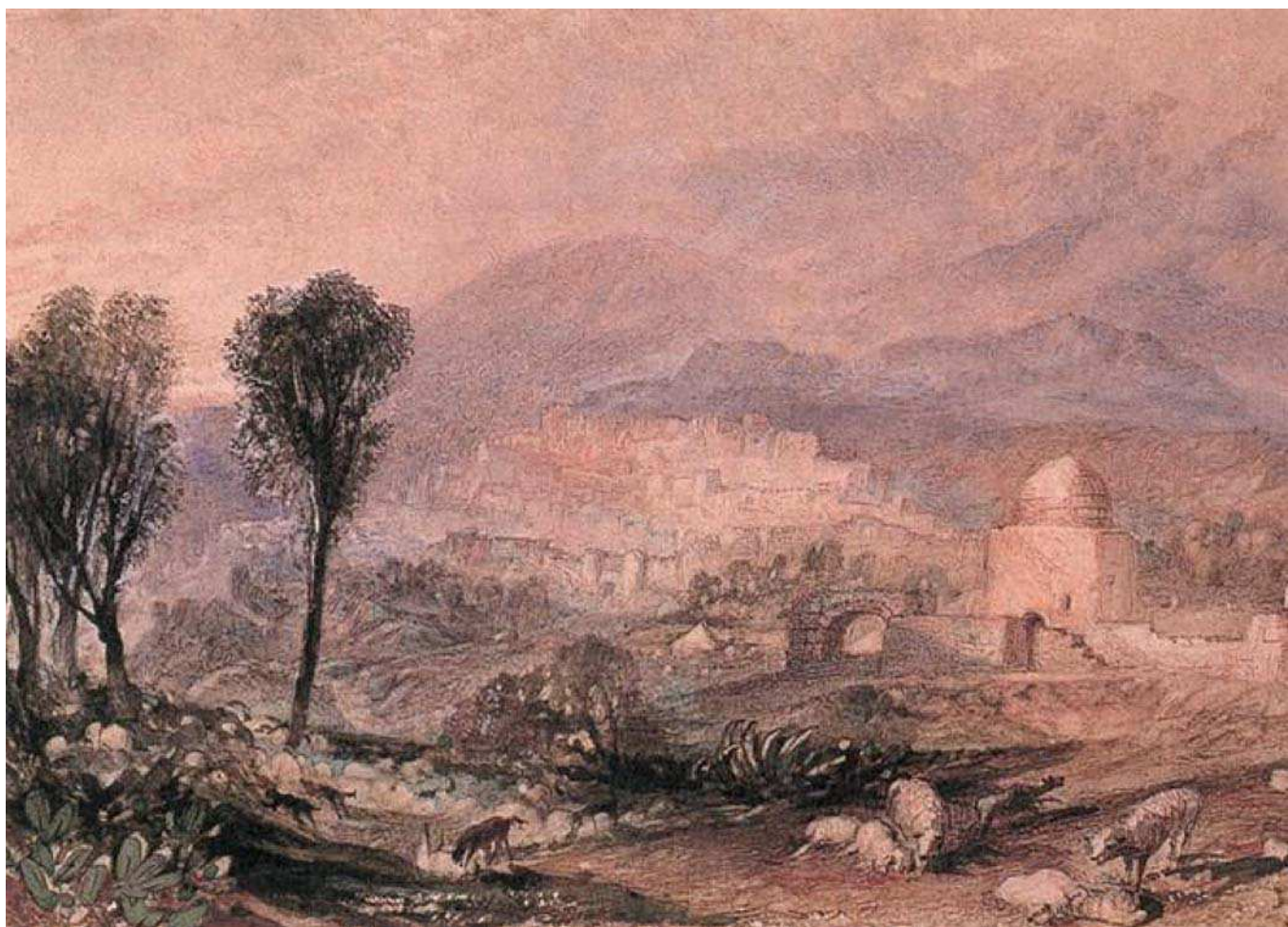
Ц *«I ayö yotö äyü ään - ääää i ayöää i adäé lí ó ään äyü i ayöää äää»*
(Oí tò, 12:2). *Èç yoté oðayü i adäou ääëpò älää (Äääëííëëë òäëí ää, Mè à-Oäíä, 7a):*
«Ó-ëëë ó-éòäëé íäöé: íäüüä íëüüä ííäé ää äyü i ayöää...»

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

ЗАСТУПНИЦА СЫНОВ ИЗРАИЛЯ

Èöäë Nò ääöëííëëé

11 хешвана еврейский народ отмечает годовщину смерти праматери Рахели, заступницы еврейского народа. Благодаря ее мольбам и слезам Всевышний готов вернуть евреев из изгнания.

Гробница Рахели. Джозеф Тернер.

1835 год.

Blackburn Museum and Art Gallery,

Lancashire.

Bridgeman Art Library

Праматерь Рахель была второй женой праотца Якова, матерью двух из его сыновей, Йосефа и Биньямина. В книге Берешит рассказано о том, как Яков работал за Рахель семь лет, но ее отец Лаван обманул его и подменил Рахель своей старшей дочерью Леей. Лаван объяснил этот обман тем, что не выдают младшую дочь замуж раньше старшей, и предложил отдать Рахель Якову, если тот согласится работать на него еще семь лет. Якову пришлось принять это условие Лавана. Рахель была отдана ему в жены, и он работал еще семь лет. После того как Лея и Рахель стали женами Якова, Лаван дал в служанки Лее рабыню Зильпу, а Рахель – рабыню Бильгу.

В Торе говорится, что Рахель была «красива станом и лицом» и Яков любил ее больше, чем Лею. Однако Лея родила Якову четырех сыновей, а Рахель была бесплодной. По обычаю того времени Рахель, чтобы тоже иметь сына, предложила Якову свою служанку, Бильгу. Та родила ему двух сыновей, и Рахель дала им имена Дан и Нафтали. После того как Лея родила Якову шесть сыновей и дочь, Рахель тоже забеременела и родила сына, которого назвала Йосеф. Рахель умерла во время родов второго сына – на пути из Бейт-Эля в Эфрат. Умирая, она

назвала своего второго сына Бен-Они («сын моего страдания»), но Яков дал ему имя Биньямин.

В книге Берешит (35:19-20) сказано, что Яков похоронил Рахель на дороге в Эфрат (он же Бейт-Лехем) и воздвиг над ее могилой памятный знак. Отметим, что в книге Шмуэль I, 10:2 пророк Шмуэль, после помазания на царство потомка Рахели, Шауля из колена Биньямина, говорит ему: «Когда пойдешь ты от меня сегодня, найдешь двух людей у могилы Рахели на границе Биньямина в Цельцахех...» Мудрецы спрашивали, как может быть, что могила Рахели находится «на границе Биньямина в Цельцахех»? Ведь согласно книге Берешит, Рахель погребена на дороге в Эфрат, в пределах колена Йеуды. Они объясняют этот стих так: в то время, когда Шмуэль говорил с Шаулем, те два человека были возле могилы Рахели. Шмуэль имел в виду, что и они, и Шауль пойдут навстречу друг другу и он найдет их на границе колена Биньямина (Тосефта Сота, 11:11). Комментаторы и исследователи Танаха, как обычно, расходились в понимании стихов о могиле Рахели, но не это тема данной статьи.

Если книга Берешит рассказывает в основном о частной, семейной жизни Рахели, то другие упоминания в Танахе подчеркивают, что она сыграла роль матери всего народа Израиля. Так, в книге Рут народ благословляет Боаза, который берет Рут в жены: «Пусть сделает Б-г жену, входящую в твой дом, подобной Рахели и Лее, которые вдвоем построили дом Израиля...» (Рут, 4:11). Можно отметить, что, хотя речь идет о жителях Бейт-Лехема из колена Йеуды, потомках Леи, народ вначале упоминает Рахель, а затем уже Лею, и этим определено значение Рахели. После разделения объединенного царства на северное Израильское и южное Иудейское потомки Рахели оказались по обе стороны границы. Потомки сыновей Йосефа, Эфраима и Менаше оказались в Израильском царстве, а потомки Биньямина связали свою судьбу с потомками Йеуды и Иудейским царством.

Очень важно упоминание Рахели в пророчестве Ирмеяу, пророка времен разрушения Первого храма и начала Вавилонского изгнания: «Так сказал Б-г: “Голос слышится в Раме (другой вариант перевода – „в выси“. – И. С.), рыдание, горестный плач: Рахель оплакивает своих сыновей; отказывается утешиться из-за сыновей своих, потому что нет их”. Так сказал Б-г: “Удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез, потому что есть воздаяние за труд твой, – слово Б-га, – вернутся они из вражьей страны. И есть надежда будущему твоему, – слово Б-га, – вернутся сыновья к своим пределам”» (Ирмеяу, 31:14-16). В пророчестве Ирмеяу подчеркнута связь Рахели с ее сыновьями в широком смысле этого слова, то есть со всем народом Израиля, и историческая роль Рахели в процессе Избавления еврейского народа.

Мысль о том, что Рахель – заступница народа Израиля в изгнании, получила развитие в словах мудрецов в мидрашах. Так, в мидраше «Берешит раба» сказано: «По какой причине праотец Яков решил похоронить Рахель на дороге в Эфрат? Потому что праотец Яков предвидел, что изгнанники пройдут там и Рахель будет просить смилостивиться над ними» (Берешит раба, 82:10). В мидраше «Психта рабати» (3, 11б) приводится диалог между Яковом и Йосефом, в котором Яков объясняет сыну, по какой причине он не похоронил Рахель в семейной гробнице в Пещере праотцев, в Хевроне. Согласно этому тексту, Всевышний не дал Якову похоронить Рахель в Пещере праотцев, поскольку знал, что Храм будет разрушен и евреи пойдут в изгнание. Изгнанники будут просить праотцев, чтобы

те молились за них, но это им не поможет. По дороге они припадут к могиле Рахели, и она попросит Всевышнего о милости и скажет Ему: «Властелин мира, прислушайся к голосу моего плача и смилуйся над моими сыновьями». Всевышний услышит ее молитву.

В мидраше «Эйха рабати» (Петихта, 24) приводится диалог Рахели со Всевышним, основанный на сообщении книги Берешит о том, что Лаван подменил Рахель Леей после того, как Яаков отработал за Рахель семь лет. Рахель так обращается к Всевышнему: «Властелин мира, известно Тебе, что раб Твой Яаков сильно любил меня и работал за меня на моего отца семь лет. И когда закончились те семь лет и пришло время моей свадьбы с моим мужем, задумал мой отец подменить меня моей сестрой. Это было мне очень тяжело. Так как стало известно мне об этом замысле, я сообщила моему мужу и передала ему приметы, чтобы он различал между мной и моей сестрой, чтобы не мог отец подменить меня. После этого я передумала, стерпела и смилостивилась над моей сестрой, чтобы та не опозорилась. Вечером я передала своей сестре все тайные знаки, о которых я договорилась с моим мужем, чтобы он считал, что она – Рахель». Затем, согласно этому мидрашу, Рахель обратилась ко Всевышнему и сказала, что если она, обычный человек, не завидовала своей сестре и не опозорила ее, то почему милостивый Всевышний возревновал из-за идолопоклонства и изгнал ее сыновей, и враги убивали их и делали с ними все, что хотели. В мидраше сообщается, что Всевышний смилостивился и сказал: «Ради тебя, Рахель, я возвращаю народ Израиля на его место». И как подтверждение этому приводятся слова пророчества Ирмеяу.

Почему именно Рахель стала заступницей еврейского народа в изгнании? Можно указать несколько причин этого, опираясь на то, что рассказано о ее судьбе в книге Берешит. Рахель, умирая, дала жизнь своему сыну Биньямину, и в этом можно увидеть символ материнского самопожертвования. А то, что Рахель была похоронена при дороге у Бейт-Лехема, а не в Пещере праотцев в Хевроне, как остальные праотцы и праматери, – знак своего рода «изгнания». В соответствии с этим именно Рахели подобает сопровождать своих сыновей-изгнанников, и она утешится, когда сыновья вернуться в свою страну и на пути туда посетят ее могилу.

На протяжении веков праматерь Рахель упоминалась в молитвах евреев. Например, известный хасидский мудрец рабби Нахман из Брацлава составил молитву, которую следует читать возле могилы Рахели. Рахель постоянно упоминается в еврейской литургической поэзии, а также в ивритоязычной поэзии XX века. Образ Рахели, оплакивающей своих сыновей, использовался в литературе и произведениях пластического искусства, посвященных страшнейшим событиям в истории еврейского народа – уничтожению евреев в годы второй мировой войны. После Шестидневной войны, когда могила Рахели вместе со всей Иудеей и Самарией, а также Газой, Голанскими высотами и Синаем была возвращена еврейскому народу, в Израиле стала популярна песня с такими словами: «Смотри, Рахель, смотри, они вернулись к своим пределам».

МЛАДШИЙ ПРЕЖДЕ СТАРШЕГО?

И אָדוּר אֶל עֲדוּר יָאָן

С изумлением обнаружив после первой брачной ночи на своем ложе не Рахель, а ее старшую сестру Лею, праотец Яков отправился к тестю и потребовал от него объяснений. В ответ на упреки он услышал от Лавана: «Не делается так в нашем месте, чтобы младшую выдать прежде старшей» (Берешит, 29:26). В тексте Торы не сообщается, как отреагировал Яков на слова Лавана. Однако, согласно мидрашу, он признал правоту тестя и дальнейших объяснений не требовал (Мидраш а-гадоль, Берешит, 29:28). И действительно, в патриархальном обществе дети почти всегда вступали в брак именно так, как сказал Лаван, – по старшинству, то есть сначала старшие, затем младшие. Эта практика была в равной степени характерна как для евреев, так и для неевреев. Так что Хатам Софер был совершенно прав, назвав ее в одном из посланий «обычаем, существовавшим еще до Синайского откровения».

Лея, Рахель, Лаван и Яков.

В.А. Фостер.
Книга библейских иллюстраций.

1897 год

Тора дважды перечисляет дочерей Целофхада из колена Менаше. Первый раз – когда упоминает о том, что они обратились к Моше и попросили дать им надел в Стране Израиля: «И подошли дочери Целофхада, сына Хефера, сына Гильада, сына Махира, сына Менаше, из семейств Менаше, сына Йосефа; и вот имена его дочерей: Махла, Ноа, Хогла, Милка и Тирца» (Бемидбар, 27:1). А второй – когда рассказывает об их замужестве: «И вышли Махла, Тирца и Хогла, и Милка, и Ноа, дочери Целофхада, за сыновей своих дядей» (Бемидбар, 36:11). Заметим, что порядок перечисления не совпадает. С чем же это связано? В Талмуде высказано предположение, что в первом случае девушки перечислены в соответствии с их мудростью и познаниями в Торе, а во втором – по старшинству, поскольку «именно

так вступают в брак еврейские женщины – сначала старшие, и только потом младшие» (Вавилонский Талмуд, Бава батра, 120а).

Чем вызван подобный обычай, на наш взгляд, вполне очевидно. Женильба Якова, который сам познакомился со своей будущей супругой и сам попросил ее руки, была исключением, а не правилом. Обычно браки заключались так, как в случае Ицхака и Ривки, – две семьи договаривались между собой, исходя из соображений богатства, престижа, политики и т. д. Что же до молодых, то их просто уведомляли о достигнутой договоренности, поэтому они нередко впервые видели друг друга лишь во время брачной церемонии.

Впрочем, так обстояли дела не только в библейские времена, но и гораздо позже. К примеру, Полина (Песя) Венгерова, оставившая интересные воспоминания о еврейской жизни XIX века, писала, что ее старшая сестра впервые увидела своего жениха только под хупой. Сама Полина росла уже в более либеральное время. Поэтому ей и ее будущему супругу все же позволили один раз поговорить перед свадьбой. Однако решение о браке (кстати сказать, удивительно счастливым) и в этом случае было принято родителями без участия молодых^[1].

Браки не в таком уж давнем прошлом обычно были очень ранними. Детей женили, как правило, по достижении ими половой зрелости, а обручали порой и вовсе в младенчестве. Так что Джульетта, которая не нашла себе мужа к четырнадцати годам и поэтому считалась почти старой девой^[2], не удивила бы еврейских читателей того времени. В этой ситуации было вполне естественно, что родители устраивали судьбу своих детей по мере достижения ими зрелости, то есть по старшинству.

Разумеется, случалось, что младшие дети вступали в брак раньше старших. Однако чаще всего это объяснялось тем, что старший почему-либо не мог создать семью – например, из-за душевного или телесного недуга. Поэтому, узнав о том, что в какой-то семье младшие дети вступили в брак раньше старших, окружающие подозревали серьезную проблему у старших. Это резко уменьшало их шансы когда-либо создать семью.

Исходя из этих соображений, раввины настаивали, чтобы родители женили/выдавали замуж своих детей строго по старшинству (Бейт Хадаш на Тур, Йоре деа, 245). Это правило касалось даже сирот, чьей судьбой занимались не родители, а община – сначала предписывалось женить или выдать замуж старших и только затем младших (Шульхан а-Эзер, 1:40).

Все это полностью соответствовало реалиям патриархального общества. Однако с тех пор, как известно, ситуация несколько изменилась. При этом возникает вопрос, как в таком случае поступить, чтобы не нарушить еврейский закон. Может ли младший вступить в брак со своей избранницей, не дожидаясь, пока старший создаст семью? Или же его долг – ждать до тех пор, пока старшие обретут свое счастье?

Хотя известные и авторитетные раввины, например рав Шломо-Мордехай Швадрон (Галиция, XIX – начало XX века), считают подобный порядок заключения браков по старшинству всего-навсего распространенным обычаем, однако в еврейской юриспруденции обычай нередко обретает силу закона, особенно если в его основе прецедент из Торы. Кроме того, как мы уже сказали,

одной из целей подобной практики была защита репутации и интересов старших детей. А это слишком серьезные соображения, чтобы пренебречь ими. Поэтому, чтобы разрешить младшим вступать в брак прежде, чем старшим, нужны очень веские основания.

К счастью, имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют это сделать: изменение социального климата привело к тому, что многие ведущие раввины не раз высказывали отношение к данной проблеме.

Первое важное уточнение сделал рав Ицхак-Цви Лейбович, автор «Шульхан а-эзер» – сборника респонсов, посвященного правилам заключения брака. Говоря о том, что родители не должны выдавать замуж младших дочерей прежде старших, он внес одно весьма важное уточнение: за исключением тех случаев, когда старшая дочь добровольно согласилась на подобный брак. Логика этого уточнения вполне очевидна. Если старшая из сестер не возражает против замужества младшей, значит, она не считает, что этот брак нанесет ей серьезный ущерб. Следовательно, можно не откладывать брак, опасаясь ущемить ее интересы.

XIX век стал эпохой массовой еврейской миграции. Поэтому однажды раву Лейбовичу был задан вопрос: как поступать, если старшая сестра живет далеко (например, в Америке), и у семьи, оставшейся в Галиции или Бессарабии, нет возможности связаться с ней и получить ее согласие. Рав Лейбович ответил, что в этом случае можно не откладывать свадьбу: поскольку старшая сестра живет в другой стране, ее репутации замужество младшей сестры не повредит.

Еще одну важную поправку сделал рав Ицхак Брейш, один из известнейших европейских раввинов прошлого века. По его мнению, если младшая из сестер не просто нашла себе жениха, но и успела заключить официальную помолвку, не следует ее расторгать независимо от того, замужем ее старшие сестры или нет. Подобный поступок нанесет младшей сестре несправедливую обиду, а тем самым вступит в противоречие со словами пророка: «Остаток Израиля не сделает несправедливости» (Цфанья, 3:13; Хелькат Яков, 1:125).

Следует принимать во внимание еще один важный фактор – возраст. Упомянутого выше раввина Швадрона как-то спросили, что делать двадцатидвухлетней девушке, если ее двадцатисемилетняя сестра все еще не замужем. Тот ответил, что она может создать семью, не дожидаясь старшей, ибо в противном случае рискует остаться старой девой. Не исключено, что на решение рава Швадрона повлияло еще одно важное соображение. Судя по тексту респонса, жених младшей сестры был достойным Б-гобоязненным евреем. И раввин прекрасно понимал, что в эпоху массовой секуляризации и ассимиляции найти второго такого кандидата будет очень и очень непросто (Мишна Йевамот, 6:6).

Во всех предыдущих случаях речь шла об однополых детях. Как же следует поступать, если младший брат захочет жениться раньше, чем его старшая сестра? Мнения раввинов в этом вопросе разделились. Рав Швадрон полагал, что в этом случае брат может жениться, поскольку ради обычая не следует откладывать исполнение заповеди из Торы «плодиться и размножаться» (согласно Талмуду, эта заповедь возложена только на мужчин, но не на женщин: Мишна Йевамот, 6:6). Однако рав Лейбович с этим не согласился. По его мнению, женитьба младшего брата может стать слишком тяжелым ударом для его старшей незамужней сестры.

А для того чтобы не причинить боль человеку, можно и даже нужно отложить исполнение заповеди.

Наконец, радикально новый подход к упомянутому обычаю предложил рав Моше Файнштейн, один из величайших мудрецов прошлого столетия. По его мнению, данное правило в принципе относится только к тем случаям, когда два брата или две сестры уже обручены и вопрос лишь в том, в каком порядке играть свадьбу. В этом случае действительно недопустимо, чтобы младшие отпраздновали бракосочетание раньше, чем старшие. Но если старший еще не обручен, то младшие не обязаны откладывать устройство своей личной жизни, пока он определится (Игрот Моше, Эвен эзер, 2:1).

Обосновывая свое решение, рав Файнштейн высказал еще два соображения. Во-первых, поскольку прежде евреи женились довольно рано, то если младшие дети вступали в брак раньше старших, окружающие могли подумать, что это связано с какой-либо проблемой. Однако в наши дни многие сознательно откладывают создание семьи – ради изучения Торы, овладения специальностью, из карьерных соображений и т. д. Следовательно, если и будет нанесен ущерб репутации старших, то не слишком значительный. Во-вторых, многие в наше время остаются холостяками, не находя того, кого считают достойными себя. Как же можно, спрашивал рав Файнштейн, требовать, чтобы человек пожертвовал своим счастьем ради самовлюбленного гордеца?

Итак, ныне осталось немало общин, где вопросы создания семьи решаются примерно так же, как сто, двести или триста лет назад, и молодые могут встретиться только по предварительному сговору между семьями. Члены этих общин по-прежнему вступают в брак довольно рано и, за исключением чрезвычайных случаев, по старшинству. Если человек хочет жить в такой общине, ему, по возможности, следует придерживаться этого правила и не спешить создавать семью, пока не вступили в брак старшие братья и сестры. Ибо в противном случае шансы старших найти достойную пару резко снизятся.

Если же еврей живет в соответствии с современными представлениями и считает, что сам человек – кузнец своего счастья, он может смело вступать в брак независимо от братьев и сестер. При этом ему незачем опасаться, что его поведение противоречит еврейскому закону. Ибо единственное, чего в этом случае требует Алаха, – чтобы это был брак «по закону Моше и Израиля».

[1] *יְתֵעִי אֲבִי אֲדִירָא. אִתְּמַר עִי אֵיךְ אֲבִי אֲדִירָא. אֲבִי אֲדִירָא / יְתֵעִי אֲבִי אֲדִירָא, עִי אֲדִירָא - י., 2003*

[2] *אֲבִי אֲדִירָא אֲבִי אֲדִירָא: אֲבִי אֲדִירָא אֲבִי אֲדִירָא,*

וְאֵי אֲבִי אֲדִירָא, עִי אֲבִי אֲדִירָא

אֲבִי אֲדִירָא, אֲבִי אֲדִירָא: אֲבִי אֲדִירָא

אֲבִי אֲדִירָא אֲבִי אֲדִירָא וְאֵי אֲבִי אֲדִירָא

אֲבִי אֲדִירָא וְאֵי אֲבִי אֲדִירָא וְאֵי אֲבִי אֲדִירָא.

(וְ. אֲבִי אֲדִירָא «אֲבִי אֲדִירָא אֲבִי אֲדִירָא»)

«ЭЙН ЯКОВ»:

АНТОЛОГИЯ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ АГАДЫ

איא עין יאקוב

Продолжение. Начало в № 9, 2010

УЖАС ИЗГНАНИЯ

Королевский указ, оглашенный 31 марта 1492 года, предписывал всем евреям, которые не согласятся принять христианство, покинуть страну до конца июля. Безуспешными оказались попытки еврейских сановников, все еще остававшихся при дворе в Толедо или сохранивших там какие-то связи, добиться отмены этого указа. Одним из тех, кто пытался тогда отвести от евреев Испании страшную беду, был дон Ицхак Абарбанель, знаменитый ученый, философ и комментатор Писания, бывший королевский казначей в Португалии, поступивший затем на службу к Фердинанду и Изабелле. Отчаявшись в своих усилиях, он покинул Испанию и прибыл в Неаполь летом 1492 года.

Быть беженцем трудно во все времена, но в конце XV века участь изгнанных из Испании евреев была поистине ужасной. Поставленные перед необходимостью срочно избавиться от своего имущества, они продавали его за бесценок. Вырученные деньги растрчивались очень быстро, и их часто недоставало даже на то, чтобы оплатить место для семьи на уходящем из Испании корабле. При этом собственность еврейских общин отходила в королевскую казну, которая передавала ее, как правило, муниципалитетам, церквям и монастырям. Еврейские кладбища превращались в выгоны для скота, надгробия сносились. Во многих случаях бежать из Испании евреям было буквально некуда, но тем не менее страну покинуло тогда около 200 тыс. человек – огромное число по меркам того времени.

Рабби Яков Ибн-Хабиб родился в городе Самора, в испанской Кастилии, на берегах реки Дуэро, около 1450 года. Там он получил начальное еврейское образование и затем изучал Талмуд под руководством р. Шмуэля Валенси. Его учитель умер совсем молодым, в возрасте 23 лет, и нам неизвестно, был ли после этого у р. Якова Ибн-Хабиба другой постоянный учитель. О полученном им образовании мы можем судить по его сочинениям, будь то «Комментарий пишущего», которым он сопроводил первые части «Эйн Яков», или примечания к кодексу «Арбаа турим», составленному р. Яковом бен Ашером в первой трети XIV века. Примечания Ибн-Хабиба цитирует р. Йосеф Каро в своем сочинении «Бейт Йосеф»; позже на основе этого сочинения им был составлен важнейший свод еврейских законов «Шульхан арух»[\[1\]](#). Кроме того, суждения р. Якова Ибн-

Хабиба по различным алахическим вопросам приводятся в респонсах стамбульских и салоницких раввинов.

Упомянутые источники свидетельствуют о весьма основательном талмудическом образовании р. Якова и о его глубоком знакомстве с современной ему традицией испанского еврейства, будь то знаменитая школа комментаторов Писания и Талмуда, философия Рамбама (Маймонида) и р. Хасдая Крескаса или даже каббала. Во всяком случае, р. Яков Ибн-Хабиб был знаком с некоторыми частями книги «Зоар», получившей распространение в Испании в конце XIII – начале XIV века. Нельзя сказать, что ссылки на «Зоар» часто встречаются в его сочинениях, но он приводит небольшие фрагменты из этой книги в «Комментарии пишущего» – в тех случаях, когда полагает, что сказанное в «Зоаре» позволяет понять агаду Талмуда полнее, чем рациональная философская школа, подходу которой он, как правило, следует.

Опираясь на некоторые замечания в авторском предисловии к «Эйн Яков» и на другие, косвенные свидетельства, мы можем заключить, что р. Яков жил бедно и трудно даже в Кастилии, до обрушившихся на евреев Испании бедствий. По крайней мере, один исторический документ свидетельствует о том, что в последний период перед изгнанием евреев из Испании р. Яков Ибн-Хабиб возглавлял ешиву в Саламанке, в 60 километрах к югу от своего родного города. В 1492 году он, вместе с большинством испанских изгнанников, обрел временное пристанище в Португалии.

Советники короля Кастилии убеждают его изгнать евреев из страны.

Книжная миниатюра.

Начало XIV века

Считается, что туда прибыло тогда порядка 120 тыс. еврейских беженцев. Почти все они были расселены в небольших городах вдоль границы с Испанией. Разрешение поселиться в Порте получили лишь тридцать еврейских семей во главе с р. Ицхаком Абоавом Вторым – известным талмудистом, автором важных примечаний к кодексу «Мишне Тора», интерпретатором Раши и Рамбана. В последующие века его часто путали с р. Ицхаком Абоавом Первым, автором популярного нравоучительного труда «Менорат а-Маор», жившим в Испании в начале XIV столетия. Можно даже сказать, что образы этих людей надолго слились до неразличимости – настолько, что старая синагога в Цфате, носящая имя Ицхака

Абоава, часто связывается с лицом, в личной судьбе которого прослеживаются детали из биографий обоих раввинов.

При этом мы достоверно знаем, что р. Ицхак Абоав Второй умер в 1493 году, почти сразу же после того, как изгнанники из Испании обрели в Португалии временное убежище. Условия их существования были во многих случаях совершенно невыносимыми: нищета, предельная скученность, связанные с этим болезни, отсутствие минимальной уверенности в завтрашнем дне. По прошествии недолгого времени в перенаселенных еврейских кварталах – жудиариас – вспыхнула эпидемия чумы. Это побудило португальского короля Жоао II издать указ, предписывавший испанским евреям срочно покинуть страну. Многие не сумели выполнить это распоряжение в установленный срок, поскольку португальские судовладельцы требовали с обездоленных беженцев непомерно высокую плату. Наказанием для испанских евреев, оставшихся в Португалии в нарушение королевского указа, стала продажа в рабство. Их детей отделяли от родителей и отправляли на острова в Гвинейском заливе с целью последующего обращения в христианство. Но и тех, кто, собрав последние средства, успел выехать из Португалии, во многих случаях ожидала страшная участь. Португальские моряки часто обманывали беженцев и высаживали их на пустынном побережье Африки, где те погибали от голода. Лишь 600 наиболее состоятельных семей из числа испанских евреев смогли купить себе право остаться в Португалии.

Час испытаний для них и для 80 тыс. португальских евреев настал в декабре 1496 года, когда новый король Мануэл Счастливый, взявший в жены наследницу испанского престола, дочь Фердинанда и Изабеллы, последовал примеру своих фанатичных родственников и распорядился об изгнании всех португальских евреев, которые не согласятся креститься в течение десяти месяцев. В отличие от Фердинанда и Изабеллы, Мануэл отнюдь не стремился к тому, чтобы вовсе избавиться от образованного и экономически активного еврейского населения. Напротив, он был заинтересован в том, чтобы по крайней мере часть евреев в Португалии осталась. С этой целью Мануэл распорядился о насильственном крещении еврейских детей в возрасте от четырех до четырнадцати, а затем и до двадцати лет, но этот предприимчивый шаг лишь ускорил бегство евреев из Португалии.

Одиннадцатилетний Леви, сын р. Яакова Ибн-Хабиба, оказался жертвой охоты на еврейских детей, производившейся в 1497 году по повелению Мануэла Счастливого. Его схватили и подвергли насильственному крещению. С немалым риском для жизни р. Яаков сумел разыскать и вернуть себе сына. Сорок лет спустя, когда р. Леви Ибн-Хабиб уже был одним из виднейших иерусалимских раввинов, его оппоненты припомнили ему тот факт, что в детстве он был крещен и оставался какое-то время во власти своих христианских «наставников». Это произошло в связи со спором о возможности возобновления древней традиции рукоположения раввинов (смиха или смихат зкеним, т. е. «рукоположение старцев»), прервавшейся еще во времена Талмуда[2]. Не вдаваясь в сущность связанных с этим проблем, мы можем отметить, что попытка возобновить рукоположение была предпринята в Цфате в 1538 году р. Яаковом Беравом, беженцем из кастильского Толедо, в юности – учеником р. Ицхака Абоава Второго. Движимый, как и многие в то время, надеждами на скорый приход Машиаха[3] и опираясь на мнение Рамбама, в соответствии с которым «рукоположение старцев» может быть восстановлено с согласия всех мудрецов Земли Израиля, р. Яаков Берав рукоположил четырех

известных раввинов: р. Йосефа Каро, его постоянного оппонента в цфатском суде р. Моше из Трани, знаменитых каббалистов р. Моше Кордоверо и р. Йосефа Сагиса.

Попытка возобновить рукоположение в Цфате вызвала протест иерусалимских раввинов, среди которых выделялся р. Леви Ибн-Хабиб. Именно ему предложили из Цфата первым принять рукоположение в Иерусалиме, но он, полагая принципиально невозможным возобновить смихат зкеним, ответил отказом и даже опубликовал брошюру, в которой оспаривал алахическую правомерность цфатской инициативы. Считается, что именно позиция р. Леви Ибн-Хабиба привела к тому, что начинание р. Яакова Берава не получило продолжения. В ходе связанного с этим конфликта р. Леви Ибн-Хабибу припомнили события сорокалетней давности, и он с горечью отвечал своим критикам:

*Īā ī nāāī āīnōīēīnōāā ŷīāēōīī īīī ēēōē Ā-ā īī ī āīnōīēīnōāā āīāō
ōāō īāī-āīnōīūō, ēōī, āōō-ē īāīēēīnōāīīī īōēīōēāīī [ē ēōāūāīēp] ā ōī
nōōāōīīā ādāī ŷ, āāēāē [ēç ēīīāīēē ē īīōōāāēēē], īōāīāāōāāī ŷpāūī ē
īīāīī nōōī ē. Ē īā āēāāēē ŷōē ēpāē ā nāāē ēēçīē āīāōā āī ōāō īīō, īīēā īā
ōāāēīīī ēī āāōīōōūī ŷē āāōēīnōāā, ā ī īīāā ēç īēō ē īīāāēē. Ē āīēē ēōī-ōī
ēçī āīēē īīā ēī ŷ, ōī nāī ŷ āī īā ī āī ŷē; Āāāpūāī ō nāōōā ē īōōōī
-āēīā-āēīā īōēōīōī, ÷ōī āīāā nōōāōēēīī ŷ Ā-īīāā. Ā ēç-çā ōīā, ÷ōī īā
ōāīnōīēēīī ŷ īīāŷōēōūĀā ēī ŷ [ī ō-āīē-āīēīē īī āōōīp], āī nēō īīō ōōāī āūāō
nāōōā īīā īāōā āāāī Āā, ōīōŷ ē īā āīnōēā ŷ ōīāā āūā āīōāīnōā,
īīāēāēāūāā īāēāçāī ēp īī nūō Āā... Ōāīnōīēē Īī ī āī ŷ āūōāāōūīī ēç ŷōīā
īāōāūāīēŷ ē īōēāē ī āī ŷ ā āīnōīēāāī ŷē āōīā [Nāēīīēēē] ā ōā-āīēā īāīīā
āāā, ÷ōīāū īīā ŷ-ēōūōāī çāēīī āēāīīāāī, ēāē āāēāp ē īīīūīā*

Ицхак Абарбанель.
Современный рисунок

Но вернемся теперь к страшным событиям 1497 года. Мануэл Счастливый обнаружил, что результатом его решения о насильственном крещении еврейских детей стало массовое, отчаянное бегство евреев из Португалии. Тогда, осознав допущенную им ошибку, король объявил лиссабонский порт единственным пунктом, через который отказавшиеся креститься евреи могут покинуть страну.

Высокая оценка экономической роли еврейского населения королем Мануэлом сыграла с евреями Португалии жестокую шутку. Даже ужас изгнания из Испании меркнет в сравнении с тем, что выпало на их долю. 19 марта 1497 года около двадцати тысяч евреев, собравшихся в Лиссабоне в ожидании кораблей, которые вывезут их из обезумевшей страны, были согнаны в одно место и после безуспешных увещаний креститься «по собственной воле» подвергнуты насильственному крещению. Окружившие площадь монахи кропили толпу водой, после чего всех находившихся там евреев объявили крещеными. Вслед за тем были насильственно крещены все оставшиеся в Португалии евреи, включая беженцев из Испании. Сравнительно немногие предпочли навязанному отступничеству пытки и мученическую смерть. И уж совсем немногим удалось, избежав крещения, покинуть страну. В их числе был р. Яков Ибн-Хабиб, сумевший спасти и своего сына.

ВСТРЕЧА РАЗНЫХ ВЕТВЕЙ

Бежавшие с Пиренейского полуострова евреи направлялись в мусульманскую Северную Африку, во французское графство Наварра, в Авиньон и папские владения в Италии. Небольшие группы изгнанников сумели обосноваться в портовых городах Европы, но единственной крупной державой, предоставившей беженцам из Испании и Португалии почти неограниченный доступ на свою территорию, была Османская империя, правившая в то время на Ближнем Востоке и на Балканах.

Оставшуюся часть своей жизни р. Яков Ибн-Хабиб, покинувший Португалию уже немолодым человеком, провел в Салониках, где он возглавил общину сефардов^[4] – беженцев из Испании. Непосредственная встреча различных ветвей еврейства, прежде почти не знавших друг друга, явилась для иудаизма определенной исторической компенсацией за катастрофу 1492 года. Так, поразительный расцвет еврейской общины Цфата в XVI веке был во многом обусловлен прибытием туда значительной группы изгнанников с Пиренейского полуострова. Знаменитый комментатор Мишны р. Овадьа Бертиноро (его фамилию часто произносят как Бертанура), посетивший Землю Израиля за несколько лет до изгнания евреев из Испании, написал о евреях Цфата, что живут они спокойно, но «большинство из них – бедняки, занимающиеся торговлей вразнос по деревням». Экономические условия существования в городе заметно изменились в XVI веке, с включением Эрец-Исраэль в состав Османской империи (1516 год), но только этого было бы недостаточно для того, чтобы Цфат превратился вдруг в один из важнейших духовных центров еврейства. Последнее явилось прямым результатом исключительно плодотворной встречи выходцев из Испании и Португалии с местными евреями, принадлежавшими по преимуществу к этнолингвистической группе мустаараби (ее разговорным языком был арабский), и с прибывавшими в Землю Израиля ашкеназами. Небольшие группы сефардов и бежавших от инквизиции марранов селились в Иерусалиме, Хевроне и Цфате с 1391 года, но основная масса изгнанников оказалась в Эрец-Исраэль значительно позже – в результате случившейся сто лет спустя катастрофы на Пиренеях.

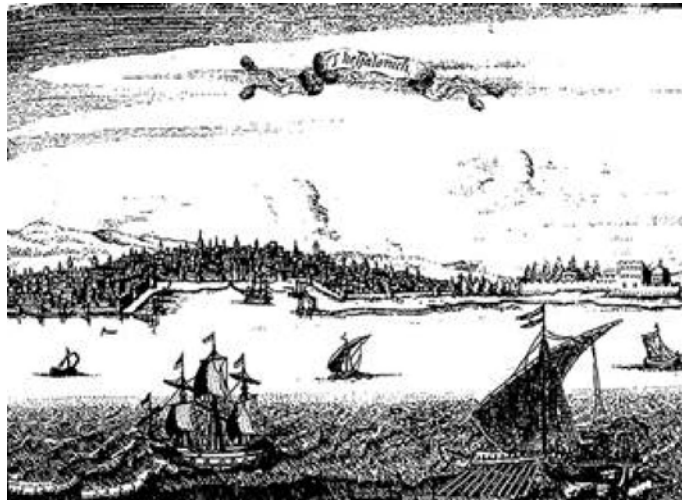
Нечто подобное имело место тогда во многих еврейских общинах и, в частности, в Салониках, где поселился р. Яков Ибн-Хабиб. В этот портовый город на севере Греции со второй половины XIV века стали приезжать евреи из Центральной и Западной Европы. В большинстве случаев они достаточно быстро сближались и даже сливались с местными евреями-романиотами, усваивали их

обычай, начинали говорить на их языке – особом диалекте греческого, с многочисленными вкраплениями иврита и арамейского. В других случаях приезжие создавали в городе собственные общины. Таковые имелись в Салониках у выходцев из Апулии и Сицилии. В первой трети XV века город, относившийся прежде к восстановленной Византийской империи, оказался на несколько лет во власти Венецианской республики, а затем, в 1430 году, он отошел к Османам и на протяжении последующих веков, вплоть до 1-й Балканской войны 1912–1913 годов, оставался частью Турции.

В этот период на евреев (как и на христиан) города распространялся статус зимми, связанный, с одной стороны, со многими дискриминационными ограничениями, но обеспечивавший им, с другой, общинную автономию, свободу вероисповедания и достаточно широкие возможности экономической деятельности. Сравнительно с христианской Европой положение евреев в веротерпимой Османской империи было в то время благополучным, и в Салоники прибывали одна за другой группы еврейских переселенцев. На рубеже XV и XVI веков в город стали во множестве прибывать изгнанники из Испании, Португалии, Прованса и различных областей современной Италии. Этот период, в отличие от прежнего времени, когда относительно немногочисленные еврейские иммигранты сливались, как правило, с романиотами, ознаменовался появлением многих общин, каждая из которых сохраняла свои обычаи в литургии и выполнении заповедей, имела свои учреждения – синагогу, дом учения (бейт мидраш), суд, школу, ешиву, микву^[5], благотворительное общество, похоронное братство и т. д. Лишь в относительно немногих случаях такие учреждения были общими для двух и более общин.

К середине XVI века Салоники стали единственным городом средневековой Европы, в котором евреи составили большинство населения. При этом единой общинной организации у евреев в Салониках до середины XVII века не было. Во главе каждой общины стояли выборные лица, именовавшиеся по-разному: аншей маамад, парнасим, мемуним и т. п. Из них формировался городской совет, производивший распределение государственных налогов по общинам в зависимости от их численности и материального положения. Экономическую основу еврейской жизни в Салониках составляли различные ремесла (ткачество, крашение шелка и шерсти, ювелирное дело, изготовление скобяных изделий) и торговля, включая международные коммерческие операции. Но в то же время многие салоницкие евреи кормили себя и свои семьи тяжелым физическим трудом, работая грузчиками в порту, носильщиками или старателями на расположенных вблизи города приисках.

По прибытии в Салоники р. Яков Ибн-Хабиб сначала преподавал в калабрийской общине, состоявшей из выходцев с юга Италии, но вскоре он был поставлен во главе общины «Геруш», само название которой в достаточной мере красноречиво: на иврите слово геруш означает «изгнание». Это была одна из общин, созданных в Салониках беженцами с Пиренейского полуострова. Таких общин было несколько. В определенный момент (видимо, уже после смерти р. Якова Ибн-Хабиба) в городе насчитывалось до тридцати самостоятельных еврейских общин, из которых лишь одна – романиотская, одна – ашкеназская, несколько итальянских (анконская, апулийская, сардинийская, сицилианская, калабрийская), а остальные – сефардские. Как и в Цфате, встреча различных ветвей еврейства оказалась в Салониках весьма плодотворной, и в XVI веке этот город стал одним из важнейших центров изучения Торы.

Вид на Салоники. Гравюра.

1688 год

В ешивы Салоник стекались учащиеся со всех частей Османской империи и из многих других стран, а духовное влияние наиболее авторитетных раввинов этого города распространялось на многие общины Европы и Северной Африки. Так, в XVI веке в Салониках в разное время жили каббалисты р. Йосеф бен Шломо Тайтацак и р. Шломо Алькабец (автор знаменитого субботнего гимна «Леха доди»), крупные алахические авторитеты р. Ицхак Каро и его племянник р. Йосеф Каро, р. Ицхак бен Шмуэль Адарби, р. Шмуэль бен Моше де-Медина, р. Йосеф бен Давид Ибн-Лев, р. Шломо Авраам а-Кoen. В городе действовали два уникальных для средневековых еврейских общин бейт мидраша, в одном из которых изучались пийот^[6] и литургическая музыка, в другом – естественные науки, астрономия и медицина. Около 1515 года дон Йеуда Гедаля, руководивший ранее лиссабонской книгопечатней Элизера Толедано, основал в Салониках еврейскую типографию; с этого времени и до начала второй мировой войны в городе регулярно издавались книги на иврите, включая труды местных раввинов. Некоторые из законоучителей, живших в Салониках в XVI веке, переселились со временем в Землю Израиля и составили гордость общины в Цфате.

С начала XVI века в Салониках селились также марраны, бежавшие главным образом из Португалии. В 1514 году три раввина Салоник приняли алахическое постановление (аскама) о них, признав, что при решении всех вопросов, связанных с семейно-брачными отношениями, марраны должны рассматриваться как евреи. В дальнейшем это постановление использовалось рядом общин как юридическое основание для определения личного статуса марранов, которым разрешалось возвращаться в еврейскую среду без прохождения гиора^[7]. В 1555 году, когда власти Папской области начали преследовать марранов Анконы, еврейские коммерсанты Салоник предложили своим единоверцам из других частей Османской империи объявить этому городу бойкот.

Итак, нам известно, что р. Яков Ибн-Хабиб возглавил общину «Геруш», созданную в Салониках беженцами с Пиренейского полуострова. Выше было отмечено, что с массовым притоком еврейских иммигрантов в Салоники прежняя практика, при которой новоприбывшие сливались с местными евреями-романиотами, ушла в прошлое; в городе появилось множество общин, каждая из которых сохраняла свои обычаи и имела свои учреждения. До какого-то момента

ясности в этом вопросе не было, и р. Яков Ибн-Хабиб принадлежал к числу тех, кто полагал правильным для сефардов принять обычаи и установления того города, в котором они оказались. Его личный интерес диктовал, казалось бы, совершенно другую линию поведения: ведь своим положением руководителя одной из общин он был в значительной мере обязан тому, что эта община сохраняла свою самобытность. Но, будучи человеком прямым и честным, р. Яков не скрывал своей точки зрения. Лишь тот факт, что в Салониках уже жили авторитетные законоучители, настаивавшие на сохранении кастильского обычая (р. Шмуэль Франко, р. Йеуда Бенвенисте и др.), заставил его согласиться с подходом, согласно которому новоприбывшие, если они поселяются на новом месте не поодиночке, а целой общиной, «считаются как будто живущими в своем прежнем городе».

Община испанских и португальских евреев, которую возглавил р. Яков Ибн-Хабиб, обеспечила ему скромное содержание и дом, в котором он проживал бесплатно до самой своей смерти. К этому дому примыкал большой двор с верандой, и р. Яков впервые, наверное, за свою жизнь мог насладиться спокойным, безбедным существованием. В доме у состоятельного и образованного торговца дона Шмуэля Бенвенисте, предоставившего в его распоряжение свою богатую библиотеку, он взялся за составление книги «Эйн Яков» («Источник Якова»), снискавшей в последующие века огромную популярность во многих еврейских общинах.

ЗАМЫСЕЛ СОСТАВИТЕЛЯ

Замысел составления сборника, в который войдет агада из различных трактатов Вавилонского и Иерусалимского Талмудов, возник у р. Якова еще в Кастилии. Позже, в написанном уже в Салониках предисловии к «Эйн Яков», р. Яков объяснит свой замысел так. Рамбам перечисляет четыре задачи, которые ставил перед собой рав Аши, один из последних вавилонских амораев, работая над составлением Талмуда. Во-первых, разъяснить сказанное в Мишне. Во-вторых, установить алаху по одному из мнений, приведенных в Мишне, или по одному из мнений, которые высказывались амораями при ее обсуждении. В-третьих, собрать новые установления мудрецов, введенные после того, как рабби Йеуда а-Наси завершил работу по составлению Мишны. В-четвертых, собрать толкования мудрецов, не имеющие прямого отношения к алахе как таковой, но связанные тем или иным образом с содержанием различных глав Мишны.

По поводу этого последнего пункта, не имеющего прямого отношения к процессу установления алахи, Рамбам пространно высказывается в предисловии к своему комментарию к Мишне, и р. Яков Ибн-Хабиб приводит его слова в предисловии к собственному труду:

È yòà :àòáàðòáÿ áàùü òí àíòüí ðèááááí í úá á ðàèì óáá òíèèíááí èÿ, í òíòüí íá èááèòíÿ òááá èááèíááííè è ááíííèááííè, èáí ííá ííá:èíáíá ááèèèèè òáèè. Áèèð:áíú íá òáèíò ðàèì óáá íáèíòíðüá] èç áóóáíèèð íàí áèíá è áèáíúð ááíáé, ááóí ááèèèíí á èíòíðüá ííáèíí íííðè:ü íá:òí èç ááííèðòííá è íáèáííèòáá áèáá. Ðáíèðüááðòíÿ á íèð Á-ááíòááííúá è èíòèííúá áííðííí, èíòíðüá ííèðüòü ò:áíúí è è íáá èíòíðüí è èçíáí íááèè ðèèííòü áí áííð ííèèèáíèÿü. Áíííðèíèè áÿ [yòè íàí áèè] áéèááèüíí, òü íáíáðúáèèòü ááüè, èíòíðüá íðíòèáíðá:àð ðáçí òíáí úí ÿáíúí íáðáçí... Í í áíèè áíí íòðèòüíÿ á yòè ááüè áóóáíèèí áçíðí, íáíáðúáèèòü á íèð áèáí ðð í óáðííòü è íáíáðúáèèòü :òí ííè ííáá è ííáá èç íííðèáèè íá ðáçí íí.

литерами в конце 30-х годов XV века; латинская грамматика Элия Доната была напечатана Гуттенбергом около 1453 года, и тогда же началось печатание так называемой «Библии Мазарини». Вскоре новое изобретение было освоено римскими евреями, доказательством чего стало издание в 1470 году первых книг на иврите: комментария Ральбага (Герсонида) к книге Даниэля, комментария Рамбана (Нахманида) к Пятикнижию и грамматики р. Давида Кимхи. До конца XV века было учреждено не менее 22 еврейских типографий: двенадцать из них находились в Италии, девять – на Пиренейском полуострове, одна – в Стамбуле. При этом тиражи еврейских книг часто бывали больше, чем тиражи христианских инкунабул. Например, комментарий р. Давида Кимхи к книгам Малых пророков был напечатан в 1482 году в Гвадалахаре тиражом 400 экземпляров, что считалось в то время очень крупным изданием.

Тем не менее лишь немногие и очень богатые люди могли позволить себе такую роскошь, как владение частной библиотекой. Если бы не катастрофа 1492–1497 годов, Пиренейский полуостров закрепил бы за собой положение важнейшего центра еврейского книгопечатания, но в тот недолгий период, когда в Испании и Португалии издавались еврейские книги, полностью обеспечить спрос на них было, увы, невозможно. Типографское дело было в то время весьма дорогим; продукция книгоиздателей требовала не просто спроса, но обеспеченного спроса. И разумеется, наряду с печатными еще использовались во множестве рукописные книги, стоимость которых была особенно велика. Мы уже отмечали, что р. Яков Ибн-Хабиб жил в Кастилии бедно и трудно. В связи с этим понятно его замечание в предисловии к «Эйн Яков», говорящем о замысле составления этого важного сборника и написания комментария к нему:

B i dēšāē ešānōēōū :ōī šēā i īīāā āī ē dāqī ūšēyē īā ēmī īēīāī ēē yōīē dāāīōū, īī šāādēāēīy nī īāē āī mīā ādāī āī ē eš-šā ōīā, :ōī īā āūēī ō ī āīy ānō šānōē dāqāēīā ī ēōīū ē ōāēī šāā mī ānī ē ēīī ī āīōādēyī ē ē īēī ē īā ēī āē y āqī īāēīnōē mādāōū ān yōē ēīēē. Ēēōū ōāīādū, ēīāā Ā-mīīāū Āēāānēīāīūē īīī īāī īā ē īdēāē ī āīy āyōīō ādā, Nāēīīēēē, - šāāū īāšāē y ī īīāēānōāī ēīēāā āīī ā ō mādōāī īīā ē āīnōīnēāīīā ī šādāā āīīā Ēāāū, mīīā āēīū īāēīā ē āēāā :ānōēāīā āīīā Āādāāī ā Āāī āūēīnōā <...> ān ēīēē ī ēōīū ē ōāēī šāā āī ī īīāēānōāā yēqāī īēyōīā, āā āāāō šāōīāīā āī ō āādīāy īāādāā <...> Ā ēīēē ēīī ī āīōādēāā Dāōāū, Dēōāū, Dāīā[9] ē īīāīāūā ēī īāšāē y ā āīīā ō āīnōīnēāīīā ē ī šādāā āīīā [Ōī šēyē] Āāī āūēīnōā, īdāīēēāpūāā āāēī mīēō īōōīā <...> ē ēāēāīāīāī ōdāōyūāā ēdōīūā nāānōāā īā īādāīēnīāāīēā ēō <...> Ē īāā īīē āūēē āīādū ēī īīā ē īōīōīī īāāēēāēē īšēīūā ī īā ēīēē.

Собранная доном Шмуэлем Бенвенисте библиотека погибла в результате большого пожара, случившегося в Салониках в 1545 году. Этому событию, ставшему настоящей трагедией для еврейских ученых города, посвящена элегия, написанная р. Биньямином а-Леви и включенная в сборник траурных молитв на Девятое ава, изданный во второй половине XVI века ашкеназской общиной Салоник.

Но вернемся к приведенной выше цитате. Уже из этого замечания мы видим, что замысел р. Якова Ибн-Хабиба не сводился к составлению сборника, в который войдет агада из обоих Талмудов. И действительно, р. Яков пишет в другом месте, что он намерен сопроводить талмудическую агаду комментарием, включающим «слова Раши и добавления к ним наших французских учителей»

(здесь имеются в виду Тосафот[10]), объяснения Рамбана, Рашбы, Ритбы, р. Нисима Геронди, в некоторых случаях – суждения Рамбама и р. Ашера бен Йехиэля[11]. Наконец, в этом комментарии должны были найти выражение и собственные идеи р. Якова Ибн-Хабиба. Так, например, им была предпринята интересная попытка классификации агады посредством выделения двенадцати общих тем, вокруг которых так или иначе строится весь агадический материал.

За основу этой классификации р. Яков взял несколько известных талмудических высказываний: о трех вещах, на которых стоит мир; о семи вещах, сотворенных прежде сотворения мира; о боязни греха и о прочной мудрости; о стихе в Писании, выражающем содержание Торы наиболее полным образом. Проанализировав эти высказывания с учетом частичных совпадений между ними, он пришел к выводу о том, что весь корпус агады зиждется на «двенадцати столпах», т. е. поддается распределению по следующим двенадцати темам: 1) Тора, ее изучение и достоинство изучающих ее; 2) храмовое служение и молитвенное служение сердца; 3) дела милости, т. е. участие человека в судьбе ближнего; 4) правосудие, правила поведения судей и их достоинство; 5) истина и правдолюбие; 6) миролюбие, мир человека с другими людьми и с самим собой; 7) покаяние и связанные с ним действия; 8) Ган Эден и геенна, т. е. награда и наказание в посмертии; 9) память о вещах, вселяющих в сердце человека любовь к Б-гу и страх перед Ним; 10) престол Славы, т. е. агадот о том, как Царь вселенной проявляет Себя в сотворенном мире; 11) Храм, его разрушение, сопутствовавшие этому войны и восстановление Храма в будущем; 12) имя Машиаха, т. е. агадот, связанные с приходом Машиаха, характером мессианских времен, воскресением мертвых и миром грядущим.

Текст своего комментария р. Яков Ибн-Хабиб начал словами «Сказал пишуший», и поэтому за ним закрепилось название «Перуш а-котев», т. е. «Комментарий пишущего». Но завершить свой замысел полностью р. Яков не успел. В последний год его жизни в Салониках была издана в двух томах первая часть «Эйн Яков», которая включила агадический материал, содержащийся в двух из шести разделов Талмуда, «Зраим» («Посевы») и «Моэд» («Срок»). При этом «Комментарий пишущего» не был равномерно составлен ко всему тексту: весьма обстоятельный в первых главах трактата «Брахот», он становится лаконичным и местами исчезает совсем в заключительной части этого трактата, затем снова становится обстоятельным, сопровождая некоторые агадот Иерусалимского Талмуда, и постепенно превращается в подборку цитат из чужих комментариев, все реже перемежаемых собственными суждениями р. Якова Ибн-Хабиба.

Титульная страница книги «Эйн Яаков».

Амстердам. 1725 год

СУДЬБА КНИГИ

Издание «Эйн Яаков» завершило в последующие годы сын составителя, р. Леви Ибн-Яаков, давший второй части этого сборника название «Бейт Яаков» («Дом Яакова»). Он также дополнил местами «Комментарий пишущего», но так и не привел его к состоянию, при котором этот труд мог бы считаться завершенным. Тем не менее на «Комментарий пишущего» часто ссылаются при обсуждении охваченных им фрагментов талмудической агады. А уж сам сборник «Эйн Яаков» (здесь и далее это название употребляется для обеих его частей) удостоился такой популярности, которая редко выпадает на долю какой-либо книги.

До середины XX века «Эйн Яаков» выдержал более ста изданий, в ряде случаев меняя свое название из-за проблем с цензурой, о которых будет сказано ниже. К нему было составлено около двадцати комментариев, причем некоторые из них принадлежат перу чрезвычайно авторитетных раввинов. Назовем здесь лишь тех комментаторов «Эйн Яаков», имена которых пользуются наибольшей известностью: иерусалимский и затем дамасский раввин Йошиау Пинто, венецианский раввин Йеуда-Арье ди-Модина, рав Шломо-Йекутиэль Залман, возглавлявший общину города Глогау в Силезии, галицийский раввин Яаков Райшер. Наконец, уже в самом конце XIX века составил свой комментарий к «Эйн Яаков» рав Авраам-Ицхак а-Коен Кук, ставший впоследствии раввином Яффо и

новых еврейских поселений, главой ашкеназской общины Иерусалима и, с учреждением Главного раввината, первым занявший пост главного ашкеназского раввина Земли Израиля.

Во многих синагогах существовал обычай ежедневного изучения «Эйн Яаков» между послеполуденной молитвой минха и вечерней молитвой маарив (заметим в скобках, что упоминания об этом обычае часто встречаются в художественных произведениях и в мемуарах, посвященных жизни восточноевропейского еврейства). Основное значение «Эйн Яаков» имел, конечно, для тех, кто не мог изучать Талмуд систематическим образом, вникая в суть сложных правовых споров, перемежаемых фрагментами агады. Как собрание притч, сказаний о праведниках, толкований Письменной Торы, нравоучительных высказываний и рассуждений философско-теологического характера «Эйн Яаков» стал поистине народной книгой. Ее изучение часто рассматривалось в связи со сказанным в древнем мидраше «Сифрей»: «Если ты хочешь познать Того, по чьему слову создан мир, изучай агаду». При этом важно отметить, что и знатоки Торы, знакомые с большинством агадот по тексту Талмуда, находили в «Эйн Яаков» важные для себя вещи – во-первых, в «Комментарии пишущего» и, во-вторых, в сохранившейся в этой книге версии талмудического текста.

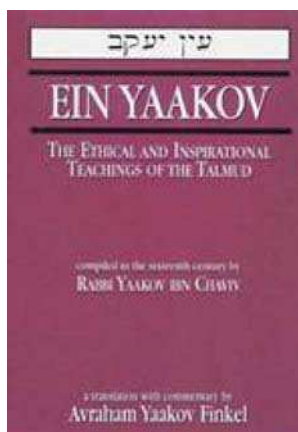
Здесь необходимо упомянуть о том, что с появлением книгопечатания политика гонений на Талмуд, периодически проводившаяся католической церковью начиная с XIII века, заметно активизировалась. Главным инициатором этой политики был Доминиканский орден, умело использовавший евреев-выкрестов в целях дискредитации Талмуда и лоббирования постановлений, объявлявших Талмуд вредной книгой. В 1509–1510 годах изъятие и сожжение Талмуда производилось церковными властями во Франкфурте, Майнце и Бингене. Тем не менее в 1520 году в Венеции было дозволено произвести подцензурное издание полного текста Вавилонского и в 1523 году – Иерусалимского Талмуда. Гонения возобновились в 1553 году, когда в Риме было сожжено множество рукописей и печатных томов Талмуда. Публичные сожжения Талмуда и других еврейских книг производились в различных городах Италии до 1559 года, причем в одной только Кремоне инквизиция доложила о сожжении 12 тыс. томов. После этого ряд еврейских учебных центров в Италии были полностью парализованы; острая нехватка печатных томов Талмуда ощущалась и в других странах, поскольку Италия была в то время важнейшим центром еврейского книгопечатания.

Отменить запрет на издание Талмуда удалось лишь в 1564 году – при условии дополнительной проверки и исправления его текста римской цензурой и в случае замены прежних названий еврейских книг. Однако Папа Римский Пий IV, давший это дозволение, умер в конце следующего, 1565, года, а сменивший его Пий V счел решение своего предшественника неосмотрительным. Издание Талмуда отложилось еще на четырнадцать лет и было произведено уже не в Италии, а в швейцарском Базеле. В силу малопонятных сегодня причин иной участи удостоился «Эйн Яаков»: эту книгу удалось издать в Венеции в 1566 году под новым названием «Эйн Исраэль» (и, соответственно, под названием «Бейт Исраэль» вышла вторая ее часть). Заметим попутно, что и базельское издание Талмуда вышло в 1578–1581 годах без упоминания названия этой книги: на титульных листах ее томов значатся только названия трактатов, а в самом тексте Талмуда и в комментариях к нему вместо крамольного слова Талмуд используется слово Гемара или акроним ШАС, указывающий на шесть разделов Мишны и Талмуда.

В силу указанных обстоятельств «Эйн Яаков» оставался в течение длительного срока единственным доступным источником талмудического текста для многих еврейских общин. В предисловии к венецианскому изданию 1566 года об этом говорится эзоповым языком, использующим цитаты из Писания, смысл которых в данном контексте был непонятен римской цензуре:

*Doce iacoe netaiutu iutia i aaitue eiaiaaeai e n Aaaeeitnee
[Oaei oai], e ia ideduaad ii iacoi o neou, ii eeou yoa [eiean] auea
i adare ec adieea, io iaa noaiaa :aadu aeaaiea, io iaa iteiaata auaa
im iaa e edaaaeiue [eai ai], aau yoi aeiaiy, maiaiaay ec iay ad
cai daieaeae*

И хотя текст «Эйн Яаков» также подвергался цензурной правке, произвольно выискивавшей намеки на критику в адрес христианства, он претерпел менее грубые искажения, чем текст базельского издания Талмуда. С этим был связан отмеченный выше интерес многих знатоков Торы к версии талмудического текста, сохранившейся в «Эйн Яаков». Сегодня, когда исследователям и издателям доступны древние рукописи Талмуда, это менее актуально, чем в прежние времена, но ссылки на версию текста, сохранившуюся в «Эйн Яаков», до сих пор приводятся на полях печатных изданий Талмуда.

Обложка современного издания «Эйн Яаков» в переводе на английский язык

ОБ ЭТОМ ПЕРЕВОДЕ

«Эйн Яаков» переводился в прошлом, полностью и частично, на идиш. В 1999 году книга вышла в почти полном переводе на английский язык под названием «Ein Yaakov: The Ethical and Inspirational Teachings of the Talmud» (не включает вошедший в «Эйн Яаков» материал Иерусалимского Талмуда и небольшое число фрагментов, содержащих элементы усложненной внеконтекстной игры с языком оригинала). Этот перевод был выполнен Авраамом-Яаковом Финкелем, известным исследователем и популяризатором раввинистической литературы, выпустившим прежде на английском языке сборники «Великие комментаторы Торы», «Великие хасидские учителя», «Великие каббалисты», «Избранные каббалистические тексты от книги “Разиэль а-малбах” до наших дней» и переводы многих классических трудов иудаизма, среди которых можно отметить «Ховот а-леватот», или «Обязанности сердца», р. Бахьи Ибн-Пакуды (вторая половина XI века), «Сефер а-хасидим», или «Книгу благочестивых», р. Йеуды Хасида (1150?–1217), «Кузари» р. Йеуды Галеви (1075–1141), «Предисловие к Мишне» р. Моше бен Маймона.

Прежде чем приступить к работе над русским переводом «Эйн Яков», я счел нужным просмотреть английский перевод А.-Я. Финкеля. По результатам этого знакомства общая концепция английского перевода была мною отвергнута, несмотря на наличие в ней определенных достоинств. Здесь трудно перечислить конкретные причины этого решения, лежащие, главным образом, в области личных и профессиональных представлений о том, каким образом следует переводить древние классические тексты. В частности, я считал правильным для себя существенно менее вольное обращение с текстом оригинала – даже в тех случаях, когда это не могло обернуться известным ущербом для стилистической стороны перевода. Когда текст оригинала многозначен в силу своей лапидарности или намеренного стремления к некоторой недосказанности, я полагал правильным стремиться к отражению этой многозначности в переводе, вынося в примечания все, что может так или иначе оказаться полезным читателю для понимания тех смыслов, которыми наделен данный фрагмент талмудического текста.

Этот подход диктовал необходимость пространственных примечаний и, кроме того, побуждал меня постоянно использовать квадратные скобки для выделения поясняющих слов и выражений в тексте перевода. Их использование не означает, что каждое невыделенное слово имеет точный и однозначный аналог во фразе оригинала; такое в переводе вообще невозможно, и я по необходимости оставлял за скобками лексические конструкции, не имеющие прямого аналога в оригинальном выражении Талмуда, но передающие его несомненный смысл. При этом в целом я видел свою задачу в том, чтобы дать читателю представление об особой природе талмудического текста, с присущим ему минимализмом выразительных средств и, если мы рискнем приписать тексту известную долю субъектности, восприятием своего читателя как участника давней, нескончаемой беседы о заповедях, словах и буквах Торы – беседы живой и устной, доверяющей себя перу весьма неохотно, в стенографических записях и конспектных набросках.

Наиболее полезной в английском переводе Авраама-Якова Финкеля мне показалась идея дать названия каждому из фрагментов, на которые делится текст «Эйн Яков». Традиционно единицы талмудического текста мельче главы не имеют названий или, в редких случаях, именуются по первым словам отдельной мишны [12], к которой относится соответствующий материал в Гемаре. Работая над своей книгой, р. Яков Ибн-Хабиб ввел деление собранной им агады на пронумерованные фрагменты, каждый из которых представляет собой отдельный сюжет или ряд связанных между собой сюжетов. Финкель существенно облегчил английским читателям знакомство с «Эйн Яков», заменив номера на названия. Он также отказался от последовательного соблюдения предложенного Ибн-Хабибом деления на фрагменты, поскольку таковые часто бывают в «Эйн Яков» слишком велики и лишены очевидного тематического единства. Оба этих решения я счел правильным использовать в русском переводе «Эйн Яков», позволив себе, во-первых, разделить текст на фрагменты по собственному усмотрению и, во-вторых, дать этим фрагментам названия, не оглядываясь на конкретный опыт английского переводчика в указанной области.

В отличие от английского перевода, обходящего иногда – редко, но все же – некоторые фрагменты текста, не поддающиеся передаче на другом языке без подробных технических пояснений, данный перевод последовательно передает весь текст «Эйн Яков». В этом также одно из отличий предлагаемого перевода от издававшихся по-русски сборников агады, будь то известная книга Х.-Н. Бялика и Й. Равницкого или публикуемая в последние годы Институтом изучения иудаизма в

СНГ «Антология агады». Для сравнения отметим, что из трактата «Брахот» в указанную антологию вошел материал, составляющий примерно двадцатую часть от того, что было переведено из того же трактата для данного издания. Помимо разницы в объеме, существует, конечно, и разница в общей методологии перевода: в ряду легитимных профессиональных подходов каждый из переводчиков выбирает свой. Изучив с уважением и интересом опыт коллег, я следовал собственным предпочтениям, общий характер которых был обрисован выше.

Для полноты картины здесь следует упомянуть русский перевод Мишны и Тосефты, выполненный Н.А. Переферковичем и изданный в Санкт-Петербурге в 1897–1911 годах. Работая над переводом первого тома «Эйн Яков», я не имел перед собой ни этого издания, ни его новой репринтной версии, выпущенной недавно в Москве. Соответственно, у меня не было возможности оценить опыт Переферковича в плане применимости используемых им решений для моей работы. Однако, уже вычитывая подготовленный к передаче в издательство первый том «Эйн Яков», я просмотрел перевод Переферковича и в одном случае решил последовать его удачному и нетривиальному решению, специально оговорив это в примечании к соответствующему месту в тексте.

Составитель «Эйн Яков» не ставил перед собой задачу привести в собрании агады всю Мишну, однако в трактате «Брахот» агады так много и она в большинстве случаев так тесно связана с соответствующими фрагментами Мишны, что почти весь текст «Мишны Брахот» вошел в «Эйн Яков» – если не в полном виде, то в сокращенных цитатах. Мне показалось правильным перевести именно в этом трактате всю Мишну целиком, чтобы дать читателю более полное представление о месте агады в талмудическом тексте. Это оправдано еще и тем, что «Брахот» принадлежит к числу наиболее известных трактатов, и поэтому р. Яков Ибн-Хабиб мог положиться на способность своего читателя восстановить по памяти те фрагменты «Мишны Брахот», которые он опускал в своей книге или давал сокращенной цитатой. В работе над следующими томами я не имею намерения переводить всю Мишну, но ограничусь переводом лишь тех ее фрагментов, которые были включены составителем в текст «Эйн Яков».

Вопрос о целесообразности полного перевода «Комментария пишущего» был, после долгих колебаний, решен переводчиком и издательством отрицательно. Главная причина этого решения состоит в том, что работа над переводом «Комментария пишущего» потребовала бы отложить начало издания «Эйн Яков» на значительный срок. В то же время перевод «Комментария пишущего» не отменил бы необходимости в многочисленных примечаниях, адресованных русскоязычному читателю и составляющих в своей совокупности комментарий переводчика. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в своей работе по разъяснению агады р. Яков Ибн-Хабиб ориентировался на уровень еврейской образованности своего читателя, с одной стороны, и на его интеллектуальные запросы – с другой. И то и другое существенно изменилось за пять веков, прошедших со времени составления «Эйн Яков», причем в случае с русскоязычной аудиторией, не получившей традиционного еврейского образования, эти изменения ощутимы особым образом.

Современный комментатор должен компенсировать читателю слабое знакомство с еврейской традицией и, в частности, с текстом Писания и методами его толкования в Талмуде. В XVI веке, как и теперь, существовал ощутимый «зазор» между мыслящим еврейским читателем, с одной стороны, и талмудическим

текстом – с другой. Составитель «Эйн Яков» пытался преодолеть этот зазор в «Комментарии пишущего», демонстрирующем основательное знакомство с философскими идеями своего времени. Но если пятьсот лет назад указанный зазор был равнозначен интеллектуальному смущению, то сегодняшнему комментатору, еще до столкновения с этой сложной проблемой, приходится учитывать элементарное непонимание талмудического текста читателем – и прикладывать основные усилия к решению связанных с этим задач.

Наконец, в пользу принятого переводчиком и издательством решения отказаться от полного перевода «Комментария пишущего» можно привести следующий аргумент. «Эйн Яков» воспринимается традиционным еврейским сознанием как, прежде всего, собрание агады. При изучении этой книги пользовались разными комментариями, от Раши до составленных уже в XIX веке, причем «Комментарий пишущего» не относился к числу наиболее популярных и изучаемых – как в силу своей неполноты, так и по причине часто характеризующей его вторичности. Он не переводился ни на идиш, ни на английский в иноязычных изданиях «Эйн Яков», и все эти причины, взятые и оцененные вместе, позволили нам отказаться от полного перевода «Комментария пишущего» на русский язык.

В то же время мы сочли нужным познакомить читателя с этим произведением, дающим возможность погрузиться в духовную атмосферу эпохи, которая отстоит от нас почти так же далеко, как и от времени завершения дискуссий в знаменитых вавилонских ешивах. Компромиссным решением стала публикация пространного фрагмента из «Комментария пишущего» в качестве приложения к первому тому настоящего издания «Эйн Яков». Этот фрагмент охватывает агадический материал первых листов Талмуда, и его публикация в переводе на русский язык станет своего рода памятником р. Якову Ибн-Хабибу и его времени, поставившему перед еврейским народом многие мучительные проблемы.

Ī ēlī :-ai ēā nēāāāā

[1] *Ī ā ōīī ēīāā ūō çāāī ēīēāō ī. īēāā ā āāāā «Ī āēīōīōāā īāāāāēī ūā nēāāā ēy».*

[2] *Ī āēōēēā «ōēīīēīēāēēy nōāōāā», īīnāāāāī ēīōīōāā ō-ēōāēī īāāāāāē nāē īīēīī ī-ēy ō-āīēēō āīçāīāēōīy ē nēāçāīīī ō ā Ōīāī Ī īōā ē Eāīōā āēī Ī ōīā ī. Āāī ēāāā, 27:18-20. Nīāēāāī ōāāēōēē, īōāī nōāāīīnōū yōīā ōēīīēīēāēēy īōāīyēāī āī āāī āīā Nōāē, īōīōēīā Āāēēīā nāīōā (Eīāāō ā-āīēā), Nāīāāēīā ē ā āāīēē ōāēī ōāē-āīēē īāēīā Īīēō-ēāēēā ī ēōāō çāīēī īīnēē ōēōōē «ōāāē» ē ēīāē āīēā ōēōīēē ēōāīīēīī ī-ēē, :-ai īāū-īūā ō-ēōāēy, īīnēāēā ōēōōē «ōāā». Ōēīīēīēāēēā īīāī nāāōōāōīy ōīēūēī ā çāīēā Eçāēēy; īōē āēāāīōēyōīūō īānōīyōāēūnōāāō ōēīīēīēāēēā nāāōāēīīī ōāī y çāēīīō-ēōāēyī ē, īī ā ōēīāēyō āīāīēē, ēīāā ōēīnēēā āēāāōē īūōāēēīī ēēīōāīēōū āōīāīā ōēīīāāōāī āāōāā, īāāāā-ā ī ēōāō çāīēī īīāā īōēçāīāēōīy āāēā īāīēī ō-ēōāēāī, ī. Nāīāāēī, 13ā-14ā. Ōāī āēā īīāūāāōīy, :-ōī īōāī nōāāīīnōū ōēīīēīēāēēy āāā īā īōāāēāāī āī āāī āīā ēī īāāōīōā Āāēēāīā, ēīāā ōāāē Eāīāā āāī Āāāā ōāīē ēē-īīā īūī īīāēāōāīāāēēy īūī āē ōēīīēīēāēōū īyōāāīō īōāōīā Ōāī īā īāāā ā īīnēāāçpueē īāēīā īōāī nōāāīīnōū «ōēīīēīēāēēy nōāōāā» āāī āē āīēā ōōāā-āīā N yōēī nāyçāīī, ā -ānōīīnōē, ē ōī īānōīyōāēūnōāī, :-ōī īāīē ēç çāēīīō-ēōāēāē Ōāēī ōāā ēī āīçōīy «ōāāē», ā āōāēā- āāāī ūī īāōāçīī, āāēēīīnēēā āī īōāē-īīnōō ōēōōē «ōāā». Ī çāēīī, īāīāēī, ō-ēōūāāōū īōnōōāēā īīēīēē yīīīnōē ā āīōīāī ī ōīī, ēōī ēç īōāōīā Ōāēī ōāā āīē ōēīīēīēāēī n nāēçāīēāī ōēāçāīūō āīōā īōāāē ē, īīōāāōnōāīīī, īīā īīnēōū ōēōōē «ōāāē» n īīēīūī īā ōī īīīāāēāī. Ā īōāēāāāī īī īāāāīāā ōāçē-āīēā īāēāō «ōāāē» ē «ōāā» nēāāāō ā āīēūōēīīnōāā nēō-āāā ōīō ēāē īōēāīāēōīy ēīy ōīā ēēē ēīīā ōāāēīā ā ōāēnōā Ōāēī ōāā, āīīōāīīī ēçāōāēūnōāī «Āōōīēōīēē-Ī āīōā» (ēçāīēā «Ōīōōāī ōōāēī»).*

[3] *Ì aoeàò (ÇeùNÁiÈ) - aoeàeùí: «ííì àçáííèè», èèè í àííèý. Á òáííèèè ýçúè ýòí ñèíàí àíòèí ÷àðç àñá-àíèèè, ñíàíù-ííè àèý íàá çàì àííè «ø» íá «ñ» (juáòòá).*

[4] *Óíííèí Nòáðáà àèííàèáí òííí èíààòíý á Íèíáíèè: «È èçáíííá àíèíèí ýòí ñíííá Èçòáèèý, ÷òí ñíáèè òáíáíèòýí àí Òáðòáò, è èçáííííá èç Èáðííàèèí á, ÷òí á Nòáðáàà òíàíèààòò àíòí Íáááá» (Íáááý, 1:20; àíçí íàèí òáèèá íáðáíá «àíòí ðáííá»). Íí í íáíèç ñáðáí àííúò èííèáííáòáèè, Nòáðáà í íàèò áúòí íòíàèáíòáèáí ñí àèíáçèíèèí àíòíàí Nàðáú èèè ñíàòíàèàèèíý ñá-òí á Í èàèèíèíí òáðíòáá íá òáðòèòíðèè ñááíý ýòíàá Èðáíá, àíòíàí Shaparda (òííí èíààòíý á èèèííèíí ùò íááíèíýò Nàðáíá II). Á òáèí òáè-àíèèá àðáí àí à íðèíýòíí ó ááðáá íàçáíèáí Èííáíèè áúèí Àííáí ùý, íò áðá- Èðáííá è/èèè èáò. Hispania, íí òéá á VIII áàèá àèèàèéá á Èííáíèè ááðáè íòíííèè è ñáá ñèíáí Íáááè íá «èçáíííúò èç Èáðííàèèí á, ÷òí á Nòáðáà». Íðè ýòíí íáðáíí èíòí-íèèíí, íòíàèáíòáèàèèí Èííáíèèç è Nòáðáà, ñ-èòáàòíý «Òáðáí Èííáòéíá», íáðáíáòéè Nòáðáà èàè Àííáí ùý. Ííííáíèè ýòííí íòíàèáíòáèáíèý í íáíí íííèèèòíí ñçá-èá èííííáíòííá ðýáá -NODÁ- ñ Hesperia èèè Hesperides, ò. á ñ àíèí-èáòèííèèí è íàçáíèýí è Èááðè. Óííí ýíòóòé á íðèáááíííí àíòéá ñèòéá Òáðòáò àíòíí òèíèèèèèèèè àíòíá Nàðáíòá (íí àéá Nàðáòáíá), íàòíàèàèèèíý íá òáðòèòíðèè ñááíý ýòíàá Èèèáíá, í àèáò òèðíí è Nàèáíè, íí á Nòáííèá áèèá ýòíò òíííèíí ñòáè òííòáèèýòííý èàè àáðáèíèíá íàçáíèá Óðáíòèè. Áííáíá í íáííí íòíí àèòóò ÷òí ó ááðááá áúèí íðèíýòíí áááòíí íáííí çáí èýí, á èíòíòóò ííè íèáçíáèèííí íàçáíèý òííí èíááí ùò á Í èíáíèè ñòðáí è íáðíáá Òáè, òííí èíááí ùè á Ááðáèò, 10:13 Àèèáíáç òéá á ýííòó Èòí òáíá íòíàèáíòáèèèíí ñí ñèèòáí è, çàòáí ñíííðááèáííèè í àíòíííòííç á Áíáòíèèè, è, íáèííáá, ýòí ñèíáí ñòáèí àáðáèíèèí íàçáíèáí Ááðíáíèè. Ñ àíðíàèáíèáí òáçáíáíòííá èáðèòá íò èíííèýíáíèý ñèíáí Àèèáíáç á èá-àíòáí íàçáíèý ñáðáí àíííè ñòðáí ù íòèáçèèííè è ííí ñòáèí òéáçáíèáí íá íáíáí í àíòí íðíàèáíèý ááðííáèèèòó ááðáá. Á òí àéá àáú ý Nòáðáà è Òáðòáò íí-íðáèíáí ó èíííèýòííý á èáðèòá èàè íàçáíèý àèý Èííáíèè è Óðáíòèè.*

[5] *Ì èèá (íò áÈá-ÁíÁ - í èèá, aoeàeùí: «íèííèáíèá [áíáú]») - áíáííèè òáçáíááð àèý òèòáèèííá íí íáííèý. Ííííáííí íàçáí-áíèáí í èèáí á íàòá àáú ý ýáèýòííý áí èíííèýíáíèá àéáííèáí è àèý í-èúáíèý íí íèíí-áíèè è áííòðáèèííá òèèèá è íííèá òíáíá Èðíí á òíá, á í èèáò íèòáòòííý íðçáèòóò, íðèíèí áý èóáèçí. Ó í òé-èí íí íáííèá á í èèáí íðáèòèèèòííý íáèííòíí è íáííèáí è èàè íáíí èç ñááíòá àòííáííá í-èúáíèý, á ÷áíòíííòè, á èáíòí ñááíòí, íðáçáíèèá è íííòíá, ñíááííí á èáíòí Èíí Èèíòá. Áí àáú áíá ñíááíòáíáíèý Òðáí á íðáíèíáííúò ñèò-ááí-èúáíèý á í èèáá áúèí çíá-èòáèèíí áíèúáá Í èíèí àèíííèè íáííí í èèáí ñííòáèèýò 40 ííá áíàèáíèè áíáú èèè áíáú, íííòíáòíáè íáííííáíòáííí èç àíòáíòáíííáí èíòí-íèèá; ýòí ñííòáèèýò, ñáèáííí òáçè-íúí ñèíòáí àí èíí-èíèáíèý, íò 332 áí 573 èèòðíá È òéáçáííííó èíèè-àíòáò áíàèáíèè èèè òíáíèèáíèè áíáú í íàèò áúòíí áíááèáíí èðáíá èíèè-àíòáí «íá-áðíáííèè áíáú», ò. á áííòáèèáííèè ñíííí íúííç òáð èèè èíúò ñííáíá Íáèáíèáí òáíí òííòðáíáí íáý á íàòá àáú ý èíííòðèèèý í èèáí àèèç-áàò áíáííáíòíèè è ñááíòáííí òáçáíááð àèý íí íáííèý; á áíáííáíòíèè íííòíáòò ñèòóèè íí òðááí íáíáòíáèí íá èíèè-àíòáí áíàèáíèè áíáú, è òóáá àéá áíááèèýòííý áíáá èç àíòíáíèíá áíáíí òíáíá; ñí àòáí íáý òáèèí íáðáçíí áíáá íííòíáòò á òáçáíááð àèý íí íáííèý ÷áðç íòááðíòéá á ñòáíá, íòáèèýòííáè áíá íò áíáííáíòíèèá*

[6] *Ì èòò (íò áðá- òíçòò) - íáíáíáííá íàçáíèá ðýáá àáíòíá àáðáèíèè èèòóðáè-áíèíè ííýèè, ñèíàèàèèèíý á Ýðáò-Èííáýèíí á íáðáíá áèèá ííáíèè ýòí è ííèò-èáèèè çàòáí òáíí òííòðáíáíèá á íáèííòííòò ñòðáíáò àèáíííòí. Ááòíòíá íèíáèèè á íáííí èç àáíòíá íèòóá, íàçáíáòò ñèíáíí íàèòáí. Ðáííèè íáèíá á èíííðèè íèòóá òáðáèòáðèçáíòíý áííèíí íúí òáíð-àíòáíí; íáðáíí èç íàèòáííá ÷áí èí ý áíòèí áí íáí, áúè Èíí ááí Èííá, àèáèèè, íí áííè àèáèííòè, á VI áàèá í. ý. Á íííèááòííèè íáèíá íàèáíèèòò èçáíòíííòííí ñíèíèáèè òáèèá ááòíòí, èàè Ðíáè, Øèíí íí ááí Í ááú è ñíááííí Ýèíáçáð Èáèèð, íí èí áíè èíòíòíáí íáèí èç íáèáíèáá òáíí òííòðáíáí íúò ñòèèáè íèòóá íàçáíáòò èàèèðèáííèèí.*

[7] *Áèòð - íáðýá íáðáíáíèý á èóáèçí, ñííòíýèè á íðèíýòèè íðçáèòóòíí íáýçàòáèííòáá áíííèíýòíí çáííááè Óíòí, íáðáçáíèè (àèý í òé-èí) è íèòáíèè á í èèáí Íáðýá èí ááò ñèòó òíèúèí á òíí ñèò-áá áíèè íí íðèçáááí ááòíðèòáòíííí ááðáèíèèí ñáííí, òááèèàèèíý á èíèòáí íííòè íáí ááíèèè íðçáèèòá.*

[8] *Èíííòáíòéíá - íáèí èç ááðèáíòíá íðèíýòííá ó ááðáá íàçáíèý Èíííòáíòéííèý.*

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

ЗЕМНОЕ ЦАРСТВО В ИЗРАИЛЕ: ГРЕХ ИЛИ ЗАВЕТ?

אי עוֹדֵעַ עִירָאֵיִלֵּאֵ-

Надлежит ли народу Израиля иметь царя? На этот, казалось бы, простой вопрос нелегко дать однозначный ответ. Все зависит от того, к каким источникам мы обратимся за ответом. В рамках настоящей статьи читателю будет предложен обзор библейских текстов, затрагивающих тему царства в Израиле. Иными словами, мы попытаемся проследить за истоками проблемы.

Давид и Шауль (фрагмент).
Эрнст Юсефсон.

1878 год

Исследователи Библии[1], интересовавшиеся поставленным вопросом, пришли к выводу о том, что в ней можно найти различные, порой противоречащие друг другу воззрения и концепции касательно легитимности царской власти. Что, в сущности, неудивительно, учитывая тот факт, что Библия создавалась на протяжении тысячи лет (самые древние библейские тексты датируются примерно XII веком до н. э., а самые поздние – II веком до н. э.). В фокусе научного исследования, посвященного теме царства, оказались, главным образом, книга Дварим (Второзаконие, пятая книга Пятикнижия Моисея) и так называемые книги Ранних пророков, или ранняя библейская историография. Именно в этих книгах вопрос о царстве поставлен с предельной остротой и именно здесь внутрибиблейская полемика достигает своего апогея. Содержательная и стилистическая близость между Дварим и Ранними пророками (вследствие чего в библеистике за последними закрепилось название «девторономистическая литература», от греч. Deuteronomion через лат. Deuteronomium – «Второзаконие») делает выбор текстов, предназначенных для анализа, особенно осмысленным и плодотворным[2].

Откроем Тору и вчитаемся в закон о царе, появляющийся в Дварим, 17:14-20[3]:

Êîããà ò ù ï ðåããòù á çàì èð, èí ò ï ðòð Æ-ñîããù Æ-ã òãé, äããò òããã è òí äéãããòù äã è ï ï ï ðåòù ï ï á ï áé, ò ï ï ðæãòù «Ï ï ï òããèð-èà ÿ ï äã ï ï áé òãð, èãé ÿ ò ï ï ðé ÿ ò ï ò äããò ï äð ï ï áã äé òãã ï á ï ÿ». Ï ï ï òããù æá ï äã ï ï áé òãð, èí ò ï ðòã è çããããò Æ-ñîããù Æ-ã òãé; èç ï ï äãù äããò ï ï áã òãé ò ï áé è ï áé è ï ï äã òãð, ï á ï ï ï æãòù ò ù ï ï ï òãè ò ù ï äã ï ï áé èí ï ðòããà, èí ò ï ðòé ï á èç äããò ï ï áã òãé è»

Í úúú òíéúéí íá óí ííæááò ííáá éííáé <...> é íá ááááò ííáá í ííáá æáí, ÷òíáú íá íòééííééíííí ííááóá áá <íò Á-áá>, é ííááóí é çíéíòí áá íá óí ííæááò ííáá ÷óáçí ááíí. È áúúáò, éíááá áíííááò íí íá íðááòíéá óáðñòáá ííááá, íúúúú íáíéóáò ííáá íá íæòéá íéííé ñ ó:áíéý ýòíá íáááá æóáááí é-éááéòáí é. È íðááóááò ííí ííéí, é íúúúú÷éóááò áá ááá áí é æéçí é ííááé, áááú íáò:ééíý íí áíýòúíý Á-ííáá, Á-áá ííááá, íáéíááòú ááá íéíáá ó:áíéý ýòíá é çáéííú ýòé éíííéíýòú ×òíáú íá áíçíáéííí ííááóá áá íáá áááòúýí é áá, é ÷òíáú íá íòééííééíý íí íò çáííááé áíááá ééé áéáá, áááú íðíáééééííí áíé óáðñòáíáíéý áá é ííííáé áá ííááé Èçóáééý.

Этот закон стоит особняком среди законов Торы в целом и книги Дварим в частности. И дело здесь не только в том, что он сформулирован как реакция Б-га на будущее (так сказать, предугаданное) желание народа, а не как непосредственная директива свыше (подобные прецеденты встречаются и в других законах Торы). Проблематично само желание, которое Б-г готов удовлетворить: «Поставлю-ка я над собой царя, как это принято у всех народов вокруг меня» (17:14). Трудно найти формулировку, которая бы вступала в столь резкое противоречие с общим пафосом Торы, утверждающей уникальность и обособленность народа Израиля, его отделенность от других народов. В Вавилонском Талмуде (Сангедрин, 20б) приведен спор двух мудрецов по вопросу о необходимости царя в Израиле: рабби Йеуда считает, что Тора заповедовала поставить царя, в то время как рабби Неорай утверждает, что закон о царе есть не что иное, как своего рода уступка Б-га требованию народа, причем закон связывается с рассказом о просьбе народа поставить над собой царя во времена пророка Шмуэля (Шмуэль I, 8).

Мы вернемся к закону о царе несколько ниже, пока же обратимся к текстам книг Ранних пророков, затрагивающим данную тему. Прежде всего, представляет большой интерес позиция, выраженная в Шофтим (книге Судей). Позиция эта сложна и неоднозначна. С одной стороны, мы встречаемся здесь с такой фигурой, как судья Гидон, отказавшийся от предложенного ему царства после чудесной победы над мидьянителями (Шофтим, 8:22-23). Гидон мотивирует свой отказ тем, что только Б-г может править Израилем. Один из сыновей Гидона, Авимелех, захватывает власть после смерти отца, предательски убив своих братьев, и провозглашает себя царем. Единственный оставшийся в живых брат по имени Йотам обращается к Авимелеху с обличительной речью, в которой со всей силой своего сарказма порицает институт царской власти, привлекающий лишь пустых и негодных людей, жаждущих тирании (Шофтим, 9). Ясно, что история Авимелеха иллюстрирует порочность царской власти, ее антибожеский, греховный характер. Следует помнить, что Авимелех был, судя по всему, сыном Гидона от ханаанейки, уроженки Шхема, и, стало быть, привнес в Израиль ханаанские представления о власти, поскольку ханаанские города-государства – в отличие от племен Израиля эпохи Судей – управлялись царями. Таким образом, автор книги Судей относится к земному царству резко отрицательно, предпочитая ему царство Б-жие. Однако, с другой стороны, в конце книги, в историях о Михе из колена Эфраима, о странствиях колена Дана и о преступлении, совершенном в Гиве Биньяминовой и приведшем в результате к гражданской войне, четырежды – дважды полностью и дважды в сокращенном виде – повторяется как рефрен фраза: «В те дни не было царя в Израиле, каждый делал то, что ему заблагорассудится» (Шофтим, 17:6; 18:1; 19:1; 21:25). Иными словами, беспредел, охвативший древнее израильское общество, объясняется здесь отсутствием царской власти, олицетворяющей закон и

порядок. Как можно объяснить такую непоследовательность автора книги Судей? Оставим пока и этот вопрос без ответа и перейдем к книге Шмуэля.

Помазание Шауля на царство Шмуэлем.
Библия Мациевского.

1250 год

Отношение автора книги Шмуэля к царству не менее сложно, но оно иначе выражено. В рассказе о том, как народ просил себе царя, тесно связанном – как по содержанию, так и по языку – с законом о царе, земное царство явно не приветствуется. Б-г говорит Шмуэлю, что, испросив себе царя, народ фактически отверг Его – Б-га – царство. Связь между рассказом и законом из Торы подтверждает, таким образом, правоту рабби Неорая, видевшего в законе о царе уступку Б-га неблагодарному народу. Вслед за тем Шмуэль предупреждает людей о том, что, избрав себе царя, они станут рабами, полностью зависящими от милостей и прихотей своего повелителя. Картина тиранической власти не оставляет места для сомнений: царская власть есть зло. В то же время правление первого царя Шауля из колена Биньямина не выглядит поначалу столь отталкивающим: царь достаточно демократичен в отношениях с народом и бесстрашно защищает его от врагов. Но очень скоро выясняется, что «эксперимент» действительно провалился и Шауль не справился с возложенной на него миссией, не исполнив Б-жьей заповеди полностью уничтожить Амалека (впрочем, еще и до этого в его поведении обнаруживаются серьезные изъяны). Б-г объявляет о том, что Он лишает Шауля царства. Казалось бы, здесь можно было покончить с самой идеей земного царства и, доказав народу ее несостоятельность, вернуться к прежней форме правления. Однако Б-г судит иначе и велит пророку Шмуэлю назначить нового царя, который не только внешне, но и внутренне будет соответствовать своей высокой роли. Выбор падает на Давида из Бейт-Лехема Иудейского. Давид, как известно, делается полководцем Шауля, и тот, подозревая молодого избранника в притязаниях на трон, преследует его и неоднократно пытается убить, постепенно превращаясь в тирана, обуянного манией

преследования. Но вот Шауль мертв, и Давид вступает на трон. Он делает своей столицей Иерусалим, переносит туда ковчег, и Б-г заключает с ним завет, обещая Давиду, что его династия будет существовать вечно. Нельзя сказать, что Давид безгрешен: он совершает страшное преступление, завладев замужней женщиной и уничтожив затем ее мужа (история с Бат-Шевой и Урией, см. Шмуэль II, 11), за что Б-г сурово карает его, однако... не лишает царства. Давиду наследует его сын Шломо, который строит в Иерусалиме Храм Б-гу Израиля – аналог скинии, построенной в пустыне после исхода из Египта. Ясно, что построение Храма – апофеоз близости между Б-гом и Его народом, и это сделалось возможным благодаря царю.

Как можно объяснить дихотомию в отношении к царству в книгах Ранних пророков? Предлагаемое ниже объяснение является одним из возможных и ни в коем случае не претендует на полноту и всеохватность. Нетрудно заметить, что противники земного царства в книгах Ранних пророков являются, как правило, представителями северных колен Израиля: так, Гидон и его сын Йотам принадлежат к колону Менаше, а Шмуэль, по всей видимости, происходит из колена Эфраима (хотя, согласно Диврей а-ямим, Шмуэль относится к левитам). Из истории Северного царства мы можем понять, что слишком большого почтения к царям там не питали, поскольку эта история пестрит дворцовыми переворотами и постоянной сменой династий. Более того: мы находим там убежденных противников института царства, среди которых числится пророк Ошеа, живший в VIII веке до н. э. Вот что говорит Ошеа: «Я Г-сподь, Б-г твой, [еще] в земле Египетской, и других богов ты не должен знать, и нет спасителя, кроме Меня. <...> Согрешил ты, Израиль, а помощь твоя только во Мне. Где царь твой, чтобы спас тебя в твоих городах <...> когда ты говорил: дай мне царя и правителей. Я дал тебе царя в гневе Своем и заберу в ярости Своей» (Ошеа, 13:4, 9-10). Земной царь здесь явно противопоставлен Б-гу. Израиль согрешил, попросив себе царя, заменив истинного Спасителя на мнимого, и Б-г негодует на это. В каком-то смысле избрание царя обозначает уход от Б-га, и политическое уподобление окрестным народам приобретает угрожающие черты впадения в грех идолопоклонства, включающего в себя элемент обожествления земной царской власти (как это было принято, например, в Древнем Египте). Таким образом, на севере существовала сильная идеологическая оппозиция земному царству. А как обстояли дела на юге? Там, в Иудее, правила в течение столетий династия Давида, воспринимавшаяся как избранная Б-гом. Некоторое – пусть и метафорическое – обожествление царя не смущало умы в колоне Йеуды. Б-г объявляет Давиду в момент заключения с ним завета, что сын царя будет «усыновлен» Б-гом (Шмуэль II, 7:14). В унисон этому обещанию звучат слова Б-га в псалме: «Я помазал Своего царя над Сионом, горой Моей святой <...> Ты Мой сын, Я тебя сегодня породил» (Теилим, 2:6-7). Вечный завет, заключенный между Б-гом и Давидом, напоминает подобный завет между Б-гом и народом Израиля в Торе (к слову сказать, Израиль в Торе тоже называется сыном Б-га^[4]).

Вернемся к книге Судей. В ней можно заметить одну интересную особенность: почти все герои-Судьи (Эхуд, Двора, Гидон, Ифтах, Шимшон) принадлежат опять-таки к северным коленам, в то время как во вступлении к книге (Шофтим, 1) прославляется колена Йеуды, единственное из всех успешно воюющее с ханаанеями – в отличие от колен севера, не способных или не желающих довести войну до конца и смиряющихся с соседством врагов. Правда, первый из упомянутых в Шофтим Судей – это Отниэль, сын Кеназа из колена Йеуды (Шофтим, 3:7-11), но он, впрочем, появляется и во вступлении (Шофтим, 1:13). В

эпilogue (главы 17–21), где, как мы помним, рассказываются ужасающие истории преступлений, основные преступники – опять-таки северяне (Эфраим, Дан, Биньямин). Как объяснить этот разительный диссонанс между основной частью книги (рассказы о Судьях), с одной стороны, и вступлением и эпилогом – с другой? Можно предположить, что автор-редактор Шофтим, происходивший из колена Йеуды, имел в своем распоряжении северные предания об эпохе Судей, которые он скомпоновал, «обрамил» вступлением и эпилогом (вероятно, рассказ об Отниэле – тоже плод его пера, на что указывает ряд косвенных признаков^[5]), таким образом сильно изменив акценты и общую концепцию истории (если так, то его сочинение следует датировать той эпохой, когда Северное царство было разрушено Ассирией и беженцы с севера наводнили Иудею, т. е. концом VIII – началом VII века до н. э.). Предложенное объяснение позволяет разрешить идеологическое противоречие между антимонархической направленностью рассказов о Гидоне и Авимелехе и концепцией «спасительного» царства, заявленной в эпилоге. На какого царя намекает здесь автор-редактор книги Судей? Уж, конечно, не на Шауля, происходившего из северного колена Биньямина и из той самой Гивы, жители которой уподобились содомитянам в своем ненасытном разврате. Надо полагать, что перед глазами автора-редактора книги Судей стояли такие образы, как Давид и Шломо, а также их славные потомки Хизкияу и Йошиау^[6].

Что касается книги Шмуэля, то история Шауля и Давида послужила ее автору своеобразным мостом, соединяющим два противоположных полюса: отрицание земного царя на севере и его восторженное приятие на юге. Да, избрание царя было актом изначально предосудительным, и тому подтверждение печальная история царствования Шауля, северного царя; Давид же – южный царь – оказался угоден Б-гу, в результате чего институт царства в Израиле был узаконен навеки и удостоился благословения Г-сподня.

Нечто подобное мы обнаруживаем и в законе о царе в Торе. Исходное желание народа поставить над собой царя, чтобы быть как все народы, вряд ли приветствуется Торой. Но уж если народ Израиля столь упрям, что не хочет отказаться от мысли о земном царе, то пусть по крайней мере этот царь не будет похож на обычных царей (все-таки Израилю не удастся уподобиться другим народам!): он непременно должен происходить из народа Израиля («варяжский» вариант не допускается), он не имеет права умножать богатства, армию и жен (ведь все это признаки мнимого земного могущества). Взамен ему следует переписать себе книгу Торы, изучать ее всю жизнь, дабы наполняться страхом перед Г-сподом и исполнять Его законы, смиряя гордыню своего сердца. Только в этом случае правление его будет успешным и династия не прервется. Другого царя, кроме как раба Б-жия, Тора не приемлет.

Царь Давид.

Геррит ван Хонтхорст.

1611 год

Центральный музей.

Утрехт, Голландия

Именно в таком духе написан портрет Давида в Диврей а-ямим (книге Хроник) – произведении, создававшемся в после пленную эпоху, в персидской сатрапии Иудее. В то время Давид превратился в сознании вернувшихся из Вавилонского плена в национально-религиозный символ, в абсолютно идеальный образ, у которого нет и не может быть никаких недостатков. Рассказы о «преступлении и наказании» Давида исчезают из Диврей а-ямим, и их место занимают обширные описания того, как Давид подготовил всю материальную и духовную базу будущего Храма, построенного впоследствии его сыном Шломо. В каком-то смысле Давид уподобляется здесь Моше, который подвел народ Израиля к границам Земли обетованной, но сам войти туда не смог. Нечего и говорить, что законность и необходимость такого царства и такого царя не ставится автором Диврей а-ямим под сомнение, а царство Шауля, равно как и Северное царство, образовавшееся после смерти Шломо, воспринимаются этим автором как преступление и бунт против Б-га (посему он их почти не упоминает). Таким образом, дихотомия царства претерпевает здесь заметную трансформацию^[7].

В заключение несколько слов о Моше. В Торе он никогда не называется царем. Он раб и посланник Б-жий, великий пророк, царь же только сам Б-г (см., например, Песнь на море в Шмот, 15:18: «Г-сподь будет царствовать навеки»). Однако более поздняя традиция порой склонна видеть в Моше царя. Так называет его Филон Александрийский в своем произведении «Жизнь Моисея». По поводу стиха «И был в Йешуруне царь, когда собирались главы народа, вместе

О ПОТОМКАХ РОССИЙСКОГО «ЧАЙНОГО КОРОЛЯ» И ЕВРЕЙСКИХ ДЕНЬГАХ

Документальное повествование

Аֵיִשֵׁי עוֹלָם

Российский «чайный король» Калонимос-Зеэв (Вульф) Высоцкий (1824–1904) вошел в историю не только как один из известнейших и богатейших магнатов и поставщиков чая, не только как отец-основатель чаеоторговой фирмы «В. Высоцкий и К^о», но и – уже не в метафорическом, а в прямом смысле – как глава фамилии, большого и разветвленного семейства, интереснейшая и драматическая история которого, быть может, когда-нибудь будет написана. В документах, которые я намереваюсь ниже привести и рассмотреть, главное внимание сосредоточено на двух ближайших отпрысках Вульфа Высоцкого: его внуках Михаиле Цетлине (1882–1945) и Абраме Гоце (1882–1940), представлять которых подробно вряд ли есть особенная нужда – жизнь и судьба того и другого уготовили им заметное место в российской истории.

Слева направо. Мария Цетлина, Шурочка (дочь Марии от брака с Н. Авксентьевым), Анна Цетлина (урожденная Высоцкая), Осип Цетлин (сидит), Валентин (сын Марии и Михаила), Михаил Цетлин.

1917 год

Михаил Цетлин, поэт (писавший стихи под псевдонимом Амари), критик, исторический романист, издатель, переводчик, родился в семье Анны Вульфовны Высоцкой (1860–1935), дочери чаепромышленника, и купца Еселя (Осипа) Шмерковича (Семеновича, Сергеевича) Цетлина (1856–1933), который был одним из компаньонов тестя. Как почти все его родственное и дружеское окружение: Гоцы, Гавронские, брат и сестра Фондаминские (Илюша и Рая), будущая жена Маня (Мария Эмилия) Тумаркина и другие – Миша Цетлин с юных лет разделял революционно-демократические убеждения, причем в их наиболее решительной и энергичной по тем временам форме – эсеровской идеологии. Судя по всему, у мягкого и интеллигентного юноши, к тому же не отличавшегося богатырским здоровьем (в детстве он перенес костный туберкулез, отчего всю жизнь заметно хромал), эсеровский экстремизм не имел столь агрессивного характера, как, скажем, у его кузена боевика Абрама Гоца, одного из апостолов российского террора. Однако в общую идею отречения от старого мира Миша Цетлин верил полно и всецело. Будучи замешан в революционных событиях 1905–1907 годов, он затем скрывался от полиции за границей как политический эмигрант, поскольку на родине его неминуемо ждал арест и судебное разбирательство. По существу, об этом и идет речь в публикуемых ниже документах полицейского ведомства, где далеко не новая тема щедрой оплаты эсеровского террора нажитыми

на чайной торговле финансами обретает лапидарную и едва ли не детективную форму.

В дальнейшем, не порывая связи – идейной и в особенности человеческо-приятельской – с эсеровскими кругами, Цетлин прямого и активного участия в политической жизни не принимал. Его интересы сосредоточились на том, что ему было более близко и интересно, – на изящных искусствах, поэзии, меценатстве, библиофильстве, литературной критике, исторической беллетристике, переводах. Хорошо известно, что позднее, когда пришлось бежать от большевиков, он стал редактором отдела поэзии в самом крупном русском эмигрантском журнале «Современные записки» (1920–1940), издававшемся в Париже. Хорошо известно и то, что квартира Цетлиных (в 1910 году Михаил Осипович женился на Марии Самойловне Тумаркиной, в первом браке Авксентьевой) в разные годы и в разных странах была популярным местом встреч интеллигенции и, если угодно, представляла художественно-литературно-политический салон, где перебивали многие известные люди: от художников и поэтов – П. Пикассо, Д. Риверы, В. Серова, Л. Бакста, Б. Пастернака, М. Цветаевой, А. Белого, В. Маяковского до политических деятелей – А. Керенского, П. Милюкова, Б. Савинкова... Список этот можно пополнять и пополнять. О дружбе Цетлиных с М. Волошиным или Н. Гончаровой и М. Ларионовым, Буниными и В. Ходасевичем, А. Толстым и И. Эренбургом, о помощи нуждавшимся писателям, об организации их изданий и учреждении фактических стипендий, т. е. о меценатстве в чистом виде, требуется особый разговор. Впрочем, об этом много писалось, как и о том, что гостеприимный салон Цетлиных кочевал вместе с хозяевами из Парижа, где они находились в первой эмиграции, в Москву, куда вернулись после Февральской революции, затем вновь в Париж, когда бежали от большевиков в свое второе изгнание, и далее – в Нью-Йорк от немцев, пережив уже третью по счету эмиграцию. Воспоминания о цетлинском салоне оставили многие посещавшие его: Д. Бурлюк и Б. Пастернак, И. Эренбург и П. Антокольский, Б. Зайцев и С. Поляков-Литовцев, М. Вишняк и А. Бахрах. О том же свидетельствует сохранившийся альбом Марии Самойловны, который несколько лет назад увидел свет благодаря стараниям Н. Винокур^[1]. Все это, повторяем, хорошо известно. Гораздо меньше освещен эпизод из политической биографии Михаила Цетлина: о том, как полицейским ищейкам долго не удавалось сообразить, где именно за границей он отсиживается, дабы избежать наказания; как Цетлин-отец, хлопоча за сына, обратился к царю; как к его просьбе о помиловании были привлечены влиятельные лица; как засуетились агенты охраны, выполняя распоряжение верховного начальства представить полную информацию, куда исчез внук Высоцкого, где он сейчас и какую опасность представляет для отечества; и, наконец, почему ходатайство на августейшее имя осталось неудовлетворенным и добиться прощения попавшего на родине в «проскрипционные списки» Цетлина так и не удалось. Этому и посвящен первый рассказ.

Во втором речь пойдет об упомянутом выше цетлинском кузене Абраме Гоце, матерью которого была другая дочь «чайного короля» – Рахель. Одиссея Абрама Рафаиловича, в советские времена фактического или потенциального обитателя ГУЛАГа, развивалась по хорошо накатанному сценарию: регулярные отсидки чередовались с короткими «отпусками» на свободу – с поражением в правах; после этого следовал новый виток: приговор и возвращение в лагерный барак или на поселение. Подобно старшему брату Михаилу (1866–1906), одному из основателей эсеровской партии, Абрам был с молодости болен революционной утопией. Он стал эсером, учась на философском факультете Берлинского

университета, в 1905 году вступил в ряды Боевой организации и принимал непосредственное участие в подготовке несостоявшихся покушений на министра внутренних дел П.Н. Дурново и полковника Н.К. Римана (охранка раскрыла их благодаря Азефу). Был узником Петропавловской крепости и Александровского централа.

После большевистского переворота продолжал террористическую борьбу – уже против новой власти. Существует мнение, что именно он санкционировал покушение Ф. Каплан на Ленина в августе 1918 года. Один из немногих представителей семейства чайных фабрикантов, оставшихся в Советской России, Гоц, начиная со знаменитого процесса над эсерами в 1922 году, провел в лагерях и ссылках гораздо больше времени, нежели на свободе. Легендарный бомбист, мастер «красного цеха», наводивший ужас на правительственную элиту, при большевиках он сам стал жертвой кровавого насилия. Последний приговор – 25 лет лишения свободы – Гоц получил 20 июня 1939 года, место захоронения, разумеется, неизвестно. Там же, в гулаговской бездне, сгинула его жена Сара Николаевна.

Произошедшая в жизни Гоца метаморфоза – вчерашний террорист, сам оказавшийся в лапах террора, – разумеется, нисколько не нова для эпох революционно-апокалиптических потрясений и, возможно, вряд ли могла бы претендовать на какой-то особый интерес, не вмешайся в дело одно пикантное обстоятельство. В израильском архиве Пинхаса Рутенберга (1878–1942), знаменитого организатора убийства попа Гапона, перековавшегося в течение жизни из террориста в сиониста и закончившего свой путь основателем и директором электрической компании в Эрец-Исраэль, хранится любопытное свидетельство о сталинском узнике Абраме Гоце. Бесправный советский «зэк», превращенный в «лагерную пыль» и подвергшийся нечеловеческим унижениям, был в то же самое время не просто состоятельным, а по-настоящему богатым человеком – владельцем цитрусовых плантаций (пардесим) в Палестине. Его годовой доход составлял весьма кругленькую сумму (в публикуемых ниже письмах говорится об одной из плантаций-пардесов, которой эти владения отнюдь не ограничивались). Объяснялось это достаточно просто: отец Гоца Рафаэль (Рафаил), зять Вульфа Высоцкого, как и отец Михаила Цетлина, был также компаньоном чайной фирмы. Он умер в Крыму в 1920 году, завещав 50 тыс. франков Еврейскому национальному фонду. На эти деньги в Палестине были приобретены земли, принадлежавшие его сыну Абраму. Почти за 20 лет благодаря им накопился солидный капитал, единственным владельцем которого был «враг народа» Гоц, расплачивавшийся в советском лагере за свои политические убеждения и революционные идеалы.

Знал ли о том он сам и, если знал, как к этому относился – история умалчивает. Впрочем, если и знал, то что он, убежденный враг собственности, с одной стороны, и советский «зэк», с другой, мог бы сделать с этими владениями и капиталами? Но сама по себе ситуация выглядит весьма причудливой, если не экзотичной. И уж во всяком случае, как кажется, заслуживающей читательского внимания. Ей и посвящен второй рассказ.

Оба сюжета – документальные. Все документы в первом из них приводятся по подлинникам, хранящимся в архиве Особого отдела Департамента полиции (ГА РФ, ф. 102, 1913 г., ед. хр. 257), во втором – по письмам из архива П.М. Рутенберга (Хайфа, Израиль).

1. «I dai d'at'ae'ay i de nai ...»

Итак, в чем заключалась суть «дела Цетлина»? Московские книгоиздательства леволиберального эсеровского толка, входившие в «Союз издателей социалистов-революционеров»: «Молодая Россия», «Новое товарищество», «Народная мысль», «Колокол» и другие, которые возникли после Октябрьского манифеста и просуществовали вполне легально примерно год, в конце 1906-го, в пору наступившей реакции, подверглись преследованиям, конфискации литературы, закрытию и арестам работников. Была изъята почти вся хранившаяся в этих издательствах переписка. Жандармские власти признали их опасность для режима, хотя прокурор Московской судебной палаты не нашел в действиях этих издательств состава преступления и 3 января 1907 года уведомил начальника Охранного отделения, что «не усматривает оснований для возбуждения по содержанию этой переписки формального дознания или предварительного следствия». Однако в Московском жандармском управлении распорядились иначе: 18 человек, имевших непосредственное отношение к деятельности издательств, были привлечены к дознанию. Среди них оказался Михаил Цетлин, которому вменялась в вину финансовая поддержка этой деятельности. 6 января, после начавшегося дознания Цетлина, который входил в редакционный совет «Молодой России», арестовали и взяли с него подписку о невыезде (или, как говорили тогда, «подписку о неотлучке»). Но, несмотря на запрет, он выехал за границу и тем самым лишил следствие возможности прийти к какому-то определенному выводу; официальная причина отъезда была связана с необходимостью лечения.

Особое присутствие Московской судебной палаты рассмотрело это дело только в декабре 1912 года и лишь двоих подсудимых – Богословского и Кузнецова – признало виновными по статье 102 и приговорило к ссылке на поселение. Остальные были оправданы. Издатель Новожилов был осужден по статье за доноительство с кратким заключением в крепости. Другой издатель – Гуров, который судился отдельно – не в Московской, а в Санкт-Петербургской судебной палате, был также оправдан по статье 102 и осужден за доноительство.

21 февраля 1913 года в связи с амнистией, объявленной в честь 300-летия дома Романовых, были прощены Богословский и Новожилов. И лишь решение дела Цетлина застопорилось.

Слева направо. Осип Сергеевич Цетлин, Михаил и Мария Цетлины (сидят), Ангелина Цетлина (дочь Михаила и Марии; стоит) и неизвестные. Париж. Конец 1920-х – начало 1930-х годов

Это не значило, конечно, что он выпал из поля зрения всеведущей охранки, но внешнее наблюдение за ним велось как-то вяло, «без огонька», да к тому же сопровождалось немалой путаницей. По существу, заграничные агенты следили в Париже не за тем Цетлиным (Цейтлиным)^[2]: вместо Михаила Осиповича в донесениях всплывают фигуры его однофамильцев – то Абрама Шимонова Цейтлина, бухгалтера на автомобильной фабрике «Астра», то сына гомельского мещанина, парижского студента Лейбы Беркова Цейтлина (клички, установленные во время наблюдения: «Венский» и «Дивный»). Прошло немало времени (судя по донесениям, несколько лет), пока было установлено, что бухгалтер и студент никакого ровным счетом отношения к «нужному» Цетлину не имеют.

Áã í ðáãíííáë ò áëüíò áó

*Áííííáë í ó Áëðáë ò í ðó
Áãí áð ò àí áí ò à Í íëëëë*

Ñíáðð áí í í ííëðá ò í í

Ííáúé í ò áë

20 íáí ò. 1908

Áóíá ¹ 28156

Áííáííò áë á í ðáãíííáë í ííáíéü í ò 18 ááííò à ñ á çà ¹ 103185 èí áð ÷ áíòüü áíéíáë ò ü Áàçáí ó Í ðáãíííáë ò áëüííò áó ÷ ò í Óáë ò èëí, óííí éí ááí úé á ò èðéóëüðá Áãí áð ò àí áí ò à Í íëëëë í ò 18 ááëááðü 1909 á çà ¹ 140941, èí ü é í ò ÷ áíò áí éí ááí áááí ò óðá í áëçáííò í ú, í é ÷ ááí í áú ááí ñ Óáë ò èëí úí, íëóæáúéí áóóáë ò áðí í í á áò ò í í áëëüí í é ó ááð è á «Áíò ðá», í á èí ááò.

Í áðáúé èç íëó í ðíëíííáë ò èç áíáíò í é ááðéííé é éóí á ÷ áíéíé ííú íë, í ðíáë è ááðúáé á Í ííëáá Á ðíáííò ááí ñ Èëüáé Óííááí éí ííëèí í á íííò í è ò [3]. Áíáá 1[1]/2-2 ò í í ó í áçáá æáíéëííü çáéíííúí áðáéíí í á áúáøáé ííæ è ò áëüí é ó á Ááëííú ò úíáá Í áðèé Óúí áðèé í í é. Áëááò á Í áðèæ á á áí í á ¹ 91 í í Avenue Henri Martin, çáí éí áü áí ðíááð é ááð ò è ðá, í á í áí áë ò ðíááí é á [í í ááë ò ðíááí é á] è í ò ááëéó é í ò í ðí é èí áúéí çá ò ðá ÷ áí í í é í é í 80 ò úííü ÷ ó ðá í é í á Ñóááííò áá é æèçí é í í é ó ÷ ááò í ò ííéó ðíáë ò áé áé.

Í ðéí á ò ú Óáë ò è é í á: é á ò 30-ò è, ííááí ááí ðííò á, ø á ò áí, í ááí éííø è á óíí, áíéíííú í á áéíáá ò áí í í-ðúííá íëëüíí ááðúéáíü, áçáçá é áðè á í íí áðáéí é í é; è é óí áí í á ú á é ðá í á á Í íí ááü í ðéí á ò á: íëëüí í çáí á ò í áü ó ðí í í ò á, áéááí ááðü ò í í á ÷ ò í í á í á í í á é í ðí ÷ á áðóá é. Í ááááá ò ííü è çúííé áí í í.

Çá Çáááííò ðúááí Çááðáí é ÷ í í é Áááí ò ó ðí é

Ñóø é í á

¹ 1459

Í áðèæ

16/29 íáí ò ý áðü 1913 á

При этом студент Цейтлин – Лейба Берков (он же – Шмерков) – оказался не просто «перепутанным объектом», но лицом, за которым, в свою очередь, также велось наблюдение. В донесениях заграничной агентуры какое-то время двое этих Цейтлиных, сливаясь и размежевываясь, существовали то параллельно, то в одном лице. Захватывающий сюжет с подставными и ложными фигурами данного полицейского романа этим, однако, не исчерпывался. На каком-то этапе он достиг подлинно маразматического апофеоза благодаря тому, что в него вплелось еще одно имя – Меера Гавронского, которого агенты также отождествляли с Михаилом Цетлиным:

[Í à áéáí éáz]

Í ÁÁ

Íà:áéúíéé íòááéáíéý íí íòðáíá íáúáíòááííé ááçííáíííòé é ííðýáéà áÍ ííéáá

18 íéòýáðý 1913 ááá

¹ 30045

á Í ííéáá

Íà ¹ 108402

Íí 3Í òááéáí éþ

[Í òí àòéà Í ííáíá íòááéà:]

21 íéò. 1911

Áóíá 31340

Ñáéðáòíí

Íðíæéáþùéé á Íáðæá, á 91 íí Avenue Henri Martin Óáéòééí ííæáò íéàçáòúíý ííííí Íííéíáíéíé 1-é áéúíéé éóíòá é ðíáíòááííééíí Íííéíáíéíá :ááòíðááòá Áúííóéíá, Íááðíí Íóáðíáé:áí Áááðíííééí, éáíáéááòíí óééíííóéé Í áðáóðáíéíá Óíéááðíéòáòá

Íáçááííúé Áááðíííééé á 1907 á íííòíýé :éáííí Óáíòðáéúííá íáéáíòííá éííéòáòá íáðòéé ííóíéáééíííá-ðááíéþóéííáðíá, ýáéýýííí óáíòðáéúííé óéáðíé é óéíáíáéòááíí óáéíáíá; íííòíííééíí óáððíðá; íí íííòáííáéáíéþ á íéíéííòðá áíóòðáíéíó ááé ííáéáæé á 1907 á áúíííééá ííá áéáííúé íááçíð ííééòéé íá ááá ááá á Óíáíéúíéóþ áíááðíéþ, éáéíáý áíííééá áúéá áí óçáí áíáí á áúáçáíí çá áðáíéóóíá òíò áéáííé.

Íðáíðíáíáéáý íðé íáí íáííòááíííòó:íóþ ííáíéííí Í ááðá Áááðíííéíá é áá óíòíáðáóé:áíéóþ éáðòí:éú éíòíðáý éíááò íííáííòáí íí íðéíáòáíé, óéáçáííúíé á çáíéíéá íò 25 íéíóáóáá íáíòýáðý çá ¹ 104521, íðíéó Ááíáðóáí áíò ííééòéé, áíéé óíòáííáí:íúá ááííúá ííáòááðáýòííý, óááííéòú í áíý áéý íííòááííòááþíáé ðáéííòðáóéé.

Á íá:áéá ííá ááá áí áááðáíííá í íá Íòááéáíéá íííòóíééé íáááíéý, :òí áúáóéé :éáí íáéáííííá éííéòáòá íáðòéé ííóíéáééíííá-ðááíéþóéííáðíá, íáðòééíáý ééé:éá «Ñáíòéíá» (Íáçááííúé áúóá Áááðíííééé), íðíáéááý çá áðáíéóáé, áéáíééííý íá Ñáíòóéí á ðóí áðééííé; çá áðáíéóáé íéáçíáááò ááíáéíóþ ííí íúú:éáíáí íáðòéé é éííáá áúááò á «áðííá íá íáééííòáéý».

É nãí ó í ðé m̄áí é óí é yá ò n̄y, ÷ ò í, é á é ù m̄ à ò ðé á á á ò n̄y è ç á á é Í ò á á é á í é y, Á á á ð í ñ é é, í á ò í á y m̄ á á 1903 ã á Í á ð á á ò á á, á í á ð á í y í á á á í é y í ð é ÷ é í é é n̄ á á í í á ð á á é á í é á é í é á í í á n̄ á á á í ð á á í é í í á, á í é á á ð á é á ÷ á á è í á é n̄ é ú ú ó p̄ ó ð í í ò ó í á y ò ó í í á

Í í á í é é í á í é é

Í í á í é n̄ í

Как видим, у нашего героя (точнее будет сказать, у героя недремлющего российского сыска) появился «двойник», сходство которого с «оригиналом» (мы помним, что Цетлин хромал) усиливалось его хромотой. Бюрократическо-полицейская путаница разрасталась: поскольку, как было сказано, Цетлин в 1910 году женился на Марии Тумаркиной, разведшейся с предыдущим мужем – хорошо известным полиции эсером Н.Д. Авксентьевым, по донесениям «гороховых пальто» получалось так, что от Авксентьева Тумаркина ушла к Гавронскому. Благодаря чьей-то очередной неточности Мария в полицейских реляциях превратилась в Серафиму, и таким образом был произведен фантом, сильно напоминающий тыняновского подпоручика Кижэ: Серафима Тумаркина, жена Меера Гавронского.

Но и это не все. Какая-то тень неуверенности в проводимых идентификациях у заграничной агентуры, вероятно, оставалась. Поэтому, по одним донесениям, покинув Авксентьева, Тумаркина уходила к Цетлину, по другим – к Гавронскому. Обнаружив сию явную несуразность, и. о. вице-директора Департамента полиции Васильев писал 20 февраля 1914 года в секретном письме, адресованном начальнику Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве, или попросту в московскую охранку:

Á í é á á ð á é á n̄ á Á á í á ð á í á í ò Í í é é ó è è í ð í n̄ é Á á é á Á ú m̄ é í á é á á ð í á é á í ð é í y ò ú í á ð á í é í í á ð á í í ó í á n̄ é á á í é p̄ è ÷ í í n̄ ó é n̄ í í á é í í n̄ é í á é é 1-é á é ú n̄ é é é ó í ó í á Í é ó á é é Á í n̄ é á á Í n̄ é í á á Ó á ò é é í á è Í á á ð á Í ó á ð í á á Á á á ð í ñ é í á á ó á é y, è ò í è í á í í è ç í é ò y á é y á ò n̄ y í ò í á ÷ á í í ú í ç á á í é ÷ í é á á í ò ó ð í é è ç í á ÷ á ú è í n̄ y á ò è ð é ó é y ð á ç á ¹ 140941 è í ð á á é í á é é Á á í á ð á í á í ò á ç á ¹ 104521 1913 á á á è è ó í, í ð á ç é ú á ò á ð ÷ á á n̄ í ð é é í á é á í é á í á n̄ é è í á p̄ ú è ó n̄ y á á á á Ò Í ò á á é á í é y í í á ç á á í ú ó è è ó á ð n̄ á á á í é é m̄ í á ú è ò ú Á á í á ð á í á í ò ó á í á í í á é è á é é ó á í á ð á í á í é.

Михаил Осипович Цетлин.

Дабы не опираться в столь тонком вопросе портретной идентификации на словесные описания агентов, нередко крайне неуклюжие и полные «отсебятины», а придать делу необходимую точность и скрупулезность, Особый отдел просит 8-е Делопроизводство изготовить копии фотографий Гавронского. Причем самое интересное, что подозрение о том, что Цетлин – это, возможно, не кто иной, как Гавронский, возникает в головах детективов еще в октябре 1913 года, а представление фотокарточки для дублирования в двух экземплярах происходит через три с половиной месяца – в конце января следующего года. Неспешно, однако, трудилась русская полиция!

*À 8-îá Áâëîî ðîççáîñòáî
Áâîáððàî àí òà ï îëèèèèè*

*Ï ðâî ðîáîáæâü ï ðè ñâî ðîòîáðàðè:áîçð èáððîí:éó ñîí à Ï îñèáîñèá
1-é æèüèèè èóîüà, èáîáèáððà ðèèîñèè Ï áðáðáîñèá ðíèáððèèòàòà Ï áððà
Ïòáðîáà Áâáðîñèá, Ïñáúé Ïòáâè ïðîñèò 8-îá Áâëîî ðîççáîñòáî
èççà òîáèèèè ï ðâî ðîáîáæèèè àí ó 2-ççáî ï èüðà èííèè ïçá:áí ïé ðîòîáðàðèèè.*

Ï îñèèñü

È[ñî ïèüðèèé] ä[æà] çâââððèáâ Ïñáúî Ïòáâèî

Ï. Áðáâèèèè

¹ 105803

30 îèòüáðü 1913 ãââ

-----

29 ýí á 1914 ã

Сделаем в этом месте небольшую передышку, которую имеет смысл заполнить сведениями о Меере (или привычней – Дмитрие) Гавронском (1883–1949). Еще один внук все того же Вульфа Высоцкого, сын его дочери Либы (Любови) Мириам Вульфовой (Васильевны) (1845–1930) и ученого-талмудиста Ошера (Осипа) Гавронского, Дмитрий (Меер) Осипович был одной из самых ярких фигур среди всего этого многочисленного и незаурядного семейства. Сдав экстерном экзамены во 2-й московской гимназии, он учился философии в Марбургском университете у знаменитого Германа Когена, числившего его своим любимым учеником и духовным наследником. В 1910 году Дмитрий защитил в Марбурге докторскую диссертацию по философии и там же начал научную карьеру. Затем был профессором Бернского университета. Едва ли не по семейной традиции третьего поколения дома Высоцких вступил в эсеровскую партию и впоследствии был членом Учредительного собрания (от Симбирской губернии), а в 1918 году вместе с Н.С. Русановым, И.А. Рубановичем, В.М. Черновым и В.В. Сухомлиным входил в Заграничную делегацию ПСР на мирной конференции социалистов разных стран в Стокгольме. Писал под псевдонимом Светлов. В начале второй мировой войны переехал в Нью-Йорк, а по ее окончании принимал участие в работе комиссии по подготовке материалов к Нюрнбергскому процессу.

[3] Ἄ ἰδαυῖαοῖεὸ ἀἰαῖαῖεῖο δἰηεῖεῖεὸ ὀεεῖαῖ, ἰαδῖαῖοὸαῖοεὸ Ὀαεὸεεῖαῖ, ἀαεῖεῖ ὀἰῖδῖα ἰαῖ ὀἰαῖοὸαῖ ἦἦ. Ὀἰαῖαῖ εἰῖεῖ.

[4] Ἀεεῖεῖ Ἰ. Ἀἰαῖ ἡ εἰαῖοεῖ. 1919-1969. Ἰαδεα-Ἰῖῖ-Ἰῖδῖ (Ἀἰῖῖ ἰεἰαῖεῖ). Hoover Institution Press, Stanford University, 1970. Ἰ. 157-158.

[5] Ἰαῖεῖαῖ Ἀ. Ἰαῖ ἡοεῖ Ἀἰ εὐδῖ Ἰῖῖῖαῖ-ἰ Ἀαδῖῖῖῖῖῖ // Ἰῖῖῖ ὀἰῖῖῖῖ ἡῖῖῖ. 1949. ἰ 13595. 16 εῖεῖ. Ἰ. 3.

[6] Ἰαῖοῖαῖ Ἀ.Ἀ., Ἰῖεεῖῖῖ ἦ.Ἰ. Ἰῖῖῖ ἰ Ἀἰδῖῖῖ Ἰαῖοῖαῖ εῖ Ἰαδῖῖῖ // Ἰαῖ ἡοἰεῖε εῖῖῖῖ. Ἰῖῖῖ ἰοεῖῖῖ: Ἰῖῖῖ ἰῖῖῖῖ ἦῖῖῖῖ. Ἀδῖῖῖῖ: Ἀεῖῖῖῖ εῖ 1969. Ἰ.: Ἰαεῖ, 1990. Ἰ. 60.

Ὀἰῖῖῖ ἡαῖῖῖ ἰ Ἀ.Ἰ. Ἀαδῖῖῖ ἡ.: Ὀεῖῖ ἰ ἦῖῖῖ Ἰαῖῖῖ ὀεῖῖῖ Ἀἰδῖῖῖ Ἰαῖοῖαῖ // ἦῖῖῖ Ὀεῖῖ ἰ. Ἰὸ Ἰῖῖῖ ἰ Ἰαῖοῖαῖ ἦῖῖῖ ἦῖῖῖῖ ὀἰῖῖῖ ἰ ἦῖῖῖῖ ἰ ἦῖῖῖῖ ὀἰῖῖῖ ἦῖῖῖῖ. Ἰ.: Ἰῖῖῖ ἦῖῖῖῖ ἦῖῖῖῖ ἦῖῖῖῖ, 2006 (ἰ ἦῖῖῖ ἦῖ ἰ).

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

СПОРЫ О СИОНИЗМЕ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Александр Локшин

В 1897 году Теодор Герцль – австрийский журналист, автор памфлета «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса» – организовал Первый Сионистский конгресс в Базеле и основал Всемирную сионистскую организацию (ВСО). Первый Сионистский конгресс официально заявил о задачах движения, состоящих в создании «охраняемого публичным правом общежития для еврейского народа в Палестине»^[1]. Примечательно, что это новое движение стало предметом внимания и многочисленных комментариев российской общественности уже в самый ранний период его существования, то есть со времени возникновения в 1897 году и вплоть до смерти Герцля в 1904-м.

Второй Сионистский конгресс.

Базель, Швейцария.

1898 год

Прежде всего заговорили о самом конгрессе. О его ходе подробно рассказывал научно-популярный журнал «Мир Божий». В статье Г.А. Гроссмана «Национальное движение среди евреев (По поводу конгресса сионистов)» описывалась праздничная атмосфера на конгрессе, благожелательное отношение лидеров к делегатам с мест. Всеобщий интерес вызвал один из вождей движения – «молодой красивый брюнет д-р Герцль – европеец в полном смысле слова, блестящий талантливый журналист». Тем не менее идею Герцля автор считал «большой иллюзией, хотя и полной благородного негодования, которой предстоит раствориться в единственно разумном течении современности, ведущем всех к братскому слиянию»[\[2\]](#).

О последующих конгрессах русскую общественность обстоятельно информировал влиятельный либерально-демократический журнал «Русская мысль»[\[3\]](#). Популяризатором сионистского проекта среди видных деятелей русской культуры стал публицист Г.И. Гордон, разославший анкету об отношении к сионизму десяткам адресатам, большинство из которых на нее ответили. Выдержки из этих ответов со своими обширными комментариями с разъяснениями Гордон опубликовал в журнале[\[4\]](#).

Всех респондентов в зависимости от их отношения к сионизму можно условно разделить на «оптимистов», «скептиков» и «пессимистов». Безоглядных оптимистов оказалось крайне немного. К ним может быть отнесен писатель Д.Л. Мордовцев, известный своими выступлениями в защиту евреев еще с 1870-х годов. В своем ответе он отмечал: «Еврейский народ заслуживает большего к себе сочувствия. Евреи дали нам величайшую из книг – Б-жественную книгу <...> Цивилизованный мир обязан заплатить свой неоплатный долг народу <...> возратить утраченную им родину». Не было у Мордовцева сомнений и в реализации сионистского проекта: «Получив обратно в свое владение всю Палестину, еврейский народ, при его необычайной даровитости и поразительной энергии духа, создаст мощное государство». Писатель заключал: «И это сбудется, я этому глубоко верю, не погибнет тот народ <...> который под страшным гнетом пронес свои идеалы через тысячелетия и через реки крови»[\[5\]](#).

В целом положительно отнесся к сионизму как идее историк и один из идеологов российского либерализма, будущий лидер кадетской партии П.Н. Милюков. Он расценил сионизм как «смелую идею» и отметил, что она может иметь сильное плодотворное влияние на подъем культурного уровня евреев. Однако скептически отнесся к тому, что сионизм может решить еврейский вопрос. Он также считал, что еврейство, работая на свою национальную независимость, ослабит освободительное движение в самой России.

Писатель и публицист В.Г. Короленко писал, что сионистская «мечта несомненно заманчивая» и нельзя не сочувствовать «стремлению гонимого народа устроить собственное отечество», при этом признавался, что не составил себе определенного представления о практическом осуществлении данного проекта. Он указал на ряд препятствий для реализации этой идеи: международно-политические

(видимо, настороженное отношение великих держав), социальные (однородность еврейского общества, преобладание в нем торгово-ремесленного элемента) и другие[6]. Короленко, как и известный экономист и историк, представитель «легального марксизма» М.И. Туган-Барановский, считал, что восстановление еврейского государства противоречит обычному ходу истории. Созданию государства, по их убеждению, должно предшествовать создание общества. В качестве примера Короленко указывал на Соединенные Штаты, куда прибыли сотни тысяч человек, и только затем сложились государственные формы. Здесь же пришлось бы идти обратным путем. Туган-Барановский, усмотревший в сионистской идее «проявление высокого идеализма», отмечал, что «ни одно историческое государство» не возникало таким образом, как это предлагают сионисты, и в случае успеха «образование еврейского государства было бы одной из величайших побед человеческого духа, какие только известны в истории <...> Еврейское государство было бы первым государственным организмом, созданным волей человека, и потому успех этого дела ознаменовал бы собой наступление новой эры всемирной истории».

Известный журналист, к тому времени – неофициальный редактор «Русской мысли» В.А. Гольцев писал, что ему много раз приходилось беседовать о еврейском вопросе «с дорогим для меня человеком Владимиром Соловьевым» и что их объединяло неприятие и возмущение травлей евреев в российской печати. Гольцев назвал сионизм «глубоко симпатичным движением», но при этом заметил, что «не уверен в его практическом осуществлении <...> Если бы не все евреи, а несколько миллионов их прочно устроились в Палестине – это было <...> большим утешением и серьезной поддержкой <...> Во всяком случае, я глубоко сочувствую этому движению»[7].

Максим Горький, уже известный писатель, также ответил на анкету и с присущим ему романтическим пафосом оценил сионистскую идею:

Í íá ããäýò, ÷òí ñèííèçì óòííèý <...> Í í íííèíèüéó á ýòíé óòííèè ý äèæó íáí íááèèì óþ, ñò ðáñò í óþ æàææó ñáíáíáü, äèý í áíý - ýòí áæèèíá äæí æèçí è. Áñé äóóíé ì íáé ý ææèþ ääæèíèíì ó íáðíáó <...> äèíæèòü äñí ñèèü äóòá á ýòó ì á-òó íáèá-ü áá á íèíòü è, íáíèòáá äðý:æ èðíáþ, íáñòáííí áíðíòüñý çà íáí, ÷òíáü í íááèèòü äñí íáñí ðáñííèèáíá äðóíá í íèèíá[8].

Горький даже собирался написать рассказ и там более определенно высказаться по данному вопросу. Однако это намерение осуществлено не было.

Как видим, позитивное отношение к сионизму многих респондентов из демократического лагеря объяснялось солидарностью с требованиями равноправия для евреев и более того – протестом против травли евреев в реакционной печати и против дискриминационной политики властей, равно как и неприятием самодержавия в целом. Но и среди ненавистников самодержавия были не только «оптимисты», но и «скептики».

П.Ф. Якубович, известный народоволец, вернувшейся недавно с каторги, а также поэт и литературный критик, критически отнесся к сионизму: «Сионизм есть продукт чувства, законного возмущения современными гонениями, но со стороны логики <...> он не выдерживает критики». Якубович выражал опасение, что создание в отдаленном будущем собственного государства у евреев станет «источником прямой вражды, такого расцвета племенной вражды, какого еще не

знал мир». Еврейского вопроса, считал Якубович, сионизм «не разрешит, а скорее запутает его». Евреи, которые никогда не помышляли о выселении, «привыкнув глядеть на себя как на гостей чужого народа»[\[9\]](#).

Примечательно, что в отличие от либерально-демократической «Русской мысли» либерально-народнический журнал «Русское богатство» был настроен решительно против сионизма. Одной из основных причин подобной позиции была неразработанность национального вопроса в народнической идеологии. Считалось, что этот вопрос походя будет решен после крушения деспотизма. На вопросы анкеты откликнулся один из «властителей дум» все еще сохранявшей приверженность народническим идеалам части российского общества, публицист и литературный критик, редактор «Русского богатства» Н.К. Михайловский. Он отнесся к сионизму крайне скептически: «...мне кажется, что осуществление сионистской задачи потребовало бы таких огромных материальных средств, каких никогда не окажется в наличности <...> Было бы очень прискорбно, если бы Европа лишилась такого энергичного и способного элемента, как еврейство»[\[10\]](#).

Помимо скептиков, у сионистского движения были и непримиримые противники. Литератор, ведущий публицист народнической «Недели», а затем реакционного «Нового времени» М.О. Меньшиков, националист и расовый антисемит, счел сионистскую идею утопией: «Евреев слишком много – современной опустошенной Палестине их не вместить». Главная идея Меньшикова отражала позицию русских православных кругов: «Палестина принадлежит не только им, но и христианам, и христианский идеализм не допустит возвращения Иерусалима народу, распявшему Христа»[\[11\]](#). Ответ Меньшикова, как и почти всех респондентов, свидетельствует – это в своих комментариях отмечал и сам Гордон – о том, что они мало знали о сионизме и видели в нем очередное мессианское движение, ожидающее Мессию, который выведет евреев из изгнания, восстановит Иудейское царство и принесет избавление всему миру.

Решительное неприятие сионизма характеризовало позицию быстро распространявшегося в то время марксизма. Марксистский публицист М.М. Филиппов как раз и связывал сионизм с «ортодоксальным еврейством, воспитанным в духе талмудизма». По его мнению, евреям тоже следовало идти путем интернационализма, а «всякий идеал, построенный на религиозно-национальной почве, <...> всегда остается реакционным»[\[12\]](#).

Виктор Александрович Гольцев

Обложка журнала «Русская мысль».

1905 год

К дискуссии о сионизме присоединился и либерально-демократический журнал «Образование». Тяготевший в ту пору к социал-демократам А.С. Изгоев в статье «Двадцативековая трагедия» писал: «Сионизм как романтическая мечта о воскресении древнееврейской культуры – реакционная и вредная утопия <...> сионизм как мечта о восстановлении иудейского царства в Палестине – безвредная, но несбыточная утопия...» Однако поддержки и сочувствия публициста заслуживал «сионизм как стремление к рациональной и планомерной земледельческой колонизации евреями такой местности, которая могла бы служить для них “право-охраняемым убежищем”». Сионизм в форме «правильной колонизации» является одним из «паллиативных средств» в решении еврейского вопроса[13]. Куда более однозначной и решительной была позиция П.Б. Струве, в то время редактора заграничного журнала «Освобождение», выражавшего взгляды оппозиционной интеллигенции; Струве представил сионистское движение как «плод большого воображения», возникший из-за ненормального правового положения еврейского народа в России[14].

Выразителем антиссионистских идей среди российских демократических изданий стал уже упоминавшийся журнал «Русское богатство». Там эту миссию на себя взял известный публицист и социолог С.Н. Южаков. Идеи сионизма явно противоречили социологической теории Южакова, предсказывавшего дальнейшее развитие социального прогресса, в котором основным стержнем станет этическое начало. В своих статьях он указывал на реакционный и утопический характер сионизма, на его опасность как для России, так и для самих евреев[15]. Южаков опасался, что объединение русских, германских, французских евреев может привести их к отчуждению от окружающих народов. Что же касается «палестинского проекта», то он явно неосуществим, по целому ряду факторов: перенаселенность, грозящая стране из-за наплыва евреев, османское господство, наличие мусульманских и христианских святынь. Это может привести, давал понять автор, к резне переселенцев. Но разве, вопрошал он, нет для евреев, чьи души переполняет «великий гнев», иного исхода, кроме как снова брать в руки свой старый посох? Выход не в скитаниях, утверждал автор, а «в приобретении признания своих человеческих прав, в приобретении отечества, не химерической обетованной земли с химерическим мессией, а реального отечества», каковым должна стать Россия. «Известная терпимость русского народа и глубоко гуманные основы русской образованности порукою, что время этого признания не за горами и что именно здесь, на русской почве, евреи обретут свое отечество. Они имеют на это полное и неоспоримое право, потому что они не менее других русских племен участвовали в создании русской культуры и гражданственности, русской образованности, русского материального и духовного состояния. Позаботимся же о том, чтобы это святое право на свое отечество было открыто и нелицемерно признано за евреями <...> Я верю в это будущее! – восклицал автор. – Уличному антисемитизму уже недолго инфицировать нашу жизнь»[16].

Как показали надвигавшиеся события, благородная вера Южакова явно не соответствовала российским реалиям. В канун выхода книжки журнала в конце августа – начале сентября 1903 года разразился гомельский погром, а через два года невиданная прежде кровавая волна еврейских погромов захлестнула всю страну. В

своих последующих публикациях Южаков прямо указывал на юдофобские силы, которые, по его мнению, и провоцировали сионистские настроения. В частности, на реакционную газету «Новое время», которая была одной из самых массовых и читаемых в различных слоях российского общества, включая и высшие сферы, петербургских газет. «Новое время» изо дня в день занималось распространением всевозможных антисемитских слухов и клеветы. В целом ратуя за выдворение евреев из России – хоть в Европу, хоть в Палестину, к сионизму публицисты «Нового времени» относились негативно, опасаясь, что цель последнего – не вывезти евреев в Палестину, а основать Сион в среде российского еврейства, которое и так уже слишком обособленно и считается «государством в государстве».

Среди рьяных врагов сионизма были и российские радикальные партии, прежде всего РСДРП. Антисионистская критика использовалась лидерами эсдеков и для дополнительной дискредитации идейной платформы Бунда. В печатном органе РСДРП «Искре» В.И. Ульянов в 1903 году осуждал сионистские «выходки Бунда», отмечая, что «сионистская идея совершенно ложная и реакционная по своей сущности»[\[17\]](#), как и «сказки сионистов о вечности антисемитизма»[\[18\]](#). Г.В. Плеханов пошел дальше и в полемической горячке в той же «Искре» «непоследовательным сионистам» – так он именовал бундовцев – приписал желание «утвердить Сион не в Палестине, а в пределах российского государства»[\[19\]](#).

Редакторы и сотрудники журнала «Русское богатство».

1903 год

Наиболее достоверные и полные сведения о сионизме оказались в распоряжении профессора Санкт-Петербургской духовной академии, гебраиста И.Г. Троицкого[\[20\]](#) и доцента Киевской духовной академии священника и гебраиста А.А. Глаголева[\[21\]](#). В 1913 году Троицкий и Глаголев в качестве экспертов выступали на процессе Менделя Бейлиса и решительно высказались против обвинений евреев в ритуальных убийствах.

Троицкий в своей публичной лекции «О сионизме в современном иудействе», опубликованной в журнале «Христианское чтение», стремился познакомить русскую общественность «с сущностью сионизма, основной причиной

его возникновения, деятельностью и возможными последствиями»[22]. Троицкий определял сионизм как «стремление весьма значительной части современных евреев к созданию в Палестине самостоятельного государства на началах еврейской истории и современной культуры». Профессор полагал, что в священных книгах, молитвах, в сочинениях еврейских богословов «находятся места, которые содержат в себе *implicite* основные положения сионизма». И более того: «Всякий правоверный еврей является, *in potentia*, сионистом». Удивительно, как Троицкому, неплохо знакомому с еврейскими источниками, остался неизвестным тот факт, что сионистское движение вызвало буквально яростное неприятие со стороны большинства иудейских религиозных авторитетов[23]. Далее в своей лекции профессор отмечал, что сионизм не сформировался бы в наше время в виде «особого исторического явления», если бы не рост антисемитизма во многих странах не заставил евреев задуматься о создании собственного государства. Благодаря Герцлю сионизм стал «особым политическим интернациональным движением»[24]. Троицкий был хорошо осведомлен о последних знаковых событиях в сионистском движении: о встречах Герцля с турецким султаном, о сионистских конгрессов, съездах сионистов в России и других странах; он знал, что на одном из международных конгрессов было решено принять все меры к тому, чтобы «воскресить в еврейской массе древнееврейский язык – сделать его живым народным языком»[25]. Троицкий выступал и как глубоко верующий православный христианин, заявляя, что выражает мнение всех направлений христианства», не ведая при этом, что у сионистов и, в частности, у самого Герцля оказалось немало сторонников среди влиятельных христиан Европы, включая правящие круги Германии и Англии. «Общее настроение христианского мира будет против того, чтобы Палестина с ее священными для христиан местами перешла в руки иудеев, в этой мысли будут солидарны все между собой христианские вероисповедания»; «аналогичной будет позиция исламского духовенства»[26]. С этой стороны сионизм представлялся Троицкому не более чем утопией. Но он увидел в программе сионизма и другой потенциал, вполне способный осуществиться. Сионистская деятельность способствует подъему национального самосознания евреев, а благодаря международным сионистским конгрессам «достигается объединение между собой и взаимный обмен мыслей иудеев, разбросанных в разных местах земного шара»[27]. Таким образом, в сионистском проекте Троицкий прозорливо увидел важное начало, которого не замечали ни сторонники, ни противники этого движения в начале XX века. Именно под влиянием сионизма, заявлял богослов, «иудейская нация <...> начинает вновь сознавать себя единым организмом, не только национальным и религиозным, а также прежде всего политическим». Один из основных выводов статьи таков: «благодаря сионизму в политическую жизнь современных народов привносится новый политический фактор – “иудейство”, который может иметь весьма большое значение»[28].

В ответ на эту публикацию редакция журнала «Христианское чтение», руководствуясь принципом *audiatur et altera pars*[29], поместила «Открытое письмо д-ра Гордона Г.И.». Страстный апологет сионизма, Гордон указывал, что «не религия будет противостоят в возвращении нам Палестины и Иерусалима <...> а люди, не желающие принимать ее [религии] заветы так широко, как они начертаны». Он отмечал, что Иерусалим может остаться для всех святым городом, кому бы он ни принадлежал. К утверждению Гордона Троицкий сделал примечание, которое, по сути, стало квинтэссенцией его собственной статьи: «Палестина отнята у евреев по особому изволению Божьему <...> отвергая сына Божия, евреи перестали быть народом Божиим и лишили себя права на дальнейшее пребывание в Палестине...»[30] Возможность возвращения евреям исторического

права на Палестину православный богослов видел только в одном – в массовом крещении.

В свою очередь А.А. Глаголев в своей статье продемонстрировал глубокое и детальное знакомство с сионизмом, как с различными течениями и спорами внутри движения, так и с его политической активностью на международной арене. Автор особо выделял «духовный сионизм», ставивший перед собой «культурно-просветительные» задачи и направленный на духовное возрождение народа, и указывал на «искреннее сочувствие» таковому «со стороны христиан»[31]. Любопытно, что священник Глаголев осуждал «полное пренебрежение» сионизма иудейским вероучением – ведь «только религия и богослужение поддерживают в евреях живое стремление к Сиону и будят воспоминание о прошлом значении еврейского народа»[32]. К некоторым идеям сионистского проекта Глаголев отнесся с пессимизмом. Он недоумевал: «Мыслимое ли дело образовать государственных мужей [для будущего еврейского государства в Палестине] из среды евреев черты оседлости?»[33] Окончательное отношение Глаголева как глубоко верующего христианина к сионизму выражено в заключительных фразах статьи: «Народ еврейский не только сам обретет в христианстве истинное благо, но и от себя внесет новую живую стихию в жизнь христианских сообществ <...> когда покорится слову Евангелия. Только сионизм <...> отнюдь не представляет прямого пути к этой заветной цели, а разве является отдаленным предшественником известного славного события, каково принятие еврейства в лоно церкви...»[34]

Между тем на «Открытое письмо» Гордона откликнулся обширной статьей профессор Петербургской духовной академии Е.П. Аквилонов – православный богослов, идейно близкий к формировавшемуся тогда монархическому Русскому собранию, а через два года – черносотенному «Союзу Русского народа»[35]. Его реакция на сионизм была куда более жесткой, чем Троицкого и тем более Глаголева, и наполнена антисемитскими инвективами.

Аквилонов обращал внимание «на одно обстоятельство, которое не учли господа сионисты»: христиане куда больше, чем они, имеют право на оспариваемое наследство. Мы, христиане, заявлял богослов, в несравненно большей степени, по силе духовно-религиозного родства, чем иудеи по плоти, являемся истинными потомками Авраама. Поэтому «нам принадлежит не только Тора и Невиим [Книги Пророков], но вместе с ними и Святая земля», поэтому именно христиане и являются «истинными сионистами». Если бы Палестина и досталась евреям, то что бы «сделали переселенцы с христианскими святынями»? Для православного фундаменталиста ответ очевиден: «Нам, русским, введомая история польского владычества в Белой и Малой Руси, а в этой истории много страниц занято повествованием “о жидовских утеснениях” православному народу и самых наглых издевательствах над религиозными верованиями <...> а также о безбожно-тяжких налогах, которые должно было платить иерусалимским дворянам наше западнорусское быдло», – с негодующей иронией повторяет православный профессор юдофобские мифы, неоднократно опровергнутые многими историками[36]. Можно ли думать, вновь задавался вопросом Аквилонов, что «современные иудеи уступят своим предшественникам в доходной эксплуатации религиозными чувствами всех христиан»? Передача иудеям Святой земли может иметь «роковые последствия», в том числе «страшное кровопролитие». Завершал Аквилонов свою публикацию тем, что пора «истинного сионизма» настанет лишь

тогда, когда иудеи примут христианство. Правда, он совсем не верил в то, что такой шаг смогут сделать современные сионисты[37].

Одна из полос газеты «Новое время» от 5 (17) мая 1896 года

В неприятии сионизма солидарны друг с другом оказались самые различные группы российского общества, которые во всех других случаях находились по разные стороны баррикад. Причины этого неприятия были самые противоположные: от марксистского интернационализма до расового антисемитизма или православной юдофобии.

Но, как мы видим, существовал и крайне разноликий лагерь сторонников сионистского проекта. Главным образом, это были буржуазные либералы, а также некоторые «легальные марксисты», народники. В какой-то мере сюда можно отнести и некоторых православных богословов. Правда, в их восприятии выхолащивалась сама сионистская идея, становясь не еврейской, а христианской. Многие российские сторонники сионизма протестовали таким образом против юдофобской политики властей и реакционно-охранительной прессы.

В период первой русской революции и в последующие годы бурные споры о сионизме становятся явно маргинальными для российского общества. Да и вера самих сионистов во внезапное и полное решение еврейского вопроса и реализацию сионистской программы сменяется пониманием того, что сионизм — длительный и сложный процесс, который может увенчаться успехом далеко не сразу[38].

Всемирное сионистское движение обретает массу оттенков и направлений, отличающихся друг от друга как тактическими, так и стратегическими установками: от верхушки Всемирной сионистской организации,

продолжающей линию Герцля и поддерживающей контакты с правительственными кругами, до социалистических и марксистских сионистских партий и организаций, ориентированных на социальную революцию[39]. Стремясь сохранить популярность среди определенной части еврейского населения в период первой революции, российская сионистская организация на своем съезде в Гельсингфорсе в 1906 году по инициативе одного из ее лидеров, Владимира Жаботинского, принимает решение о присоединении сионистского движения к российскому освободительному движению[40].

С революции 1905 года и вплоть до большевистского переворота 1917-го сионистские партии были неотъемлемой частью еврейского политического ландшафта в России. Пережив ренессанс после Февральской революции, сионистское движение в виде некоторых своих структур смогло продолжить существование и в Советской России вплоть до второй половины 1920-х годов.

[1] *Í áσà í ðíñàì í à Ñèííèíòíñèá ààí í èðàòè:-àíñèá àðóííú. Ááðèí, 1923. Ñ. 3*

[2] *Ì èð Áíæèè. Í íγáðü 1897. Ιí áã Ñ. 42, 50*

[3] *Ñí.: È. Β-á Òðàòèè èííáðñí ñèííèíòíá // Ðóíñèáγ í ùíèü 1899. ¹ 10; Í í æá Íγòíé èííáðñí á Ááçáèá // Òàì æá 1902. ¹ 3*

[4] *Áíðáñí Á.È. Ñèííèçì è òðèíòèáíá // Ðóíñèáγ í ùíèü 1902. ¹ 7. Ιí áã Ñ. 178-196*

[5] *Òàì æá Ñ. 185*

[6] *Òàì æá Ñ. 188*

[7] *Òàì æá Ñ. 192*

[8] *Òàì æá Ñ. 195*

[9] *Òàì æá*

[10] *Òàì æá Ñ. 186*

[11] *Òàì æá Ñ. 190*

[12] *Òàì æá Ñ. 192*

[13] *Èçñáá Á.Ñ. Ááðíòàòèáíéíáγ òðáñíèý // Í áðáçíáí èá 1903. ¹ 11. Ñ. 67*

[14] *Í ñáíáíæááí èá 1903. Áúí. 56*

[15] *Ρæáñíá Ñ.Í. Ñèííèíòíñèá áææáí èá ñðáèè ááðáá // Ðóíñèá áíáòíò áí. 1897. ¹ 12; Í í æá Í èèòèèá // Òàì æá 1903. ¹ 9-11.*

[16] *Í í æá Í èèòèèá // Ðóíñèá áíáòíò áí. ¹ 11. Ñ. 178*

[17] *Èáíéí Á.È. Í í èí. ñáð ñ÷. Ò. 8. Ñ. 72*

[18] *Òàì æá Ò. 7. Ñ. 121.*

[19] *Γεωγραφία Α.Α. Νι-ελάτεϋ. Ό. 13. C. 165*

[20] *Α ιδανπεαίτσο ε αεαίαι ε-απέο εδωαο ιδροαπθ οδρεοέε ατε εχαπθαι εαε ααοιθ θϋαα οδωαί ιι ααοαεπθεεά, α οίι -επεί ααααεααεαε αα εχαίεϋ δαίτου «Δαεεβίτσίτ, ταιαπθαιίτ ε απυααθθαιίτ μπθιϋίεα αααα αι αααι γ Νωαε. (ΝΙά, 1885; 1886), α οαεα «Αααι αοεεε αααεπείτ ϋϋίεα» (ΝΙά, 1897), ιιιθεϋθίτ μ-ελάτεϋ «Ι οαει αα, αι ιδεππίεααίεε, μπθαα ε οίιδεαεαίεε ο μθαι αι ίτθ αααα» (ΝΙά, 1901) ε αα*

[21] *Εαίεααοπεϋ αεπθοαεϋ Αεαπεαα «Ααοιτχαιθίτ Αεαεπείτ ο-αίεα τΑ Αίαεαο» ιτεο-εεα απεοθ τθαιεο α ιδανπεαίτσο απεπείαεο εδωαο. Αι αααι γ αααεπείτ ιπθίτ α Εεαα α τεϋαα 1905 ααα ϋϋυαίεε Αεαπεαα τααϋμθαιί οαυααε οίειθ ιπθίτ ιεείτ ια χαίεαδϋϋ «τααεπθεαίπεί αιπιδεαίτθι αείτ». Α 1937 ααο ατε ααθθίτθαι ιδαιίτ ε ΙΕΑΑ ε ιτεα α Εοϋϋίτπείε ορθϋ α α Εεαα Αα μί, ϋϋυαίεε Αεαπεί Αεαπεαα αι αααι γ οαεπθθίεε τεοίαοεε (1941-1943 ααϋ) Εεαα μαν ααϋθεε αααα Είπθεοο «Βάα-Οαι» ιδεππείε αι οχαίεα «Ι δααίεε ι εδα».*

[22] *Οδρεοέε Ε. Ι Νείτεϋ α ε μθαι αιίι εοαεπθαι // Οδεπθεαίπείτ -οαίεα 1903. ¹ 5. Ν. 745.*

[23] *Νι., ταιθειαθ: Δαεεί Β. Αααε ιδροεα ααϋ. Εοαεπείτ μιδροεαίεα Νείτεϋ α Ι., 2002*

[24] *Οδρεοέε Ε. Ν. 747.*

[25] *Οαι αεά Ν. 753*

[26] *Οαι αεά Ν. 757.*

[27] *Οαι αεά*

[28] *Οαι αεά Ν. 758*

[29] *Νεαααο απεοαοϋ ε αααθ μθιδίθίθ (εαο.).*

[30] *Ιοεδυοία ιεπϋ ι α-δα Αιδαιίτ Α.Ε. ιδροαπθ οδρεοείι οίι ιτααο-οαίεϋ ι Νείτεϋ α // Οδεπθεαίπείτ -οαίεα 1903. Ι αε. Ν. 759. Ν. 759 (ιθει.).*

[31] *Αεαπεαα Α.Α. Νείεπθπείτ αεααίεα α μθαι αιίι αααεπθαι ε τθίτθαιεα ϋθίτ ααεαίεϋ ε αμθ εθί-επθιδε-αίεε χαα-α αεαεπείτ Εϋαεεϋ // Οδωθ Εεαπείε Αοιτίε αεααίεε. 1905. Ό. 1. ¹ 4. Ν. 562*

[32] *Οαι αεά Ν. 563*

[33] *Οαι αεά Ν. 559-560*

[34] *Οαι αεά Ν. 564*

[35] *Αεαεπείτ Α. Ι Νείτεϋ α Ιοαο τΑ «Ιοεδυοία ιεπϋ ι α-δα Αιδαιίτ ιδρο. Οδρεοείι α ΝΙά, 1905*

[36] *Εϋ δαίθ, απθθίτθο ια οίθ ιπθίθ, μ., ταιθειαθ: Εϋεο Ι.Α. Οεαείπείε εαεε ε ιαιϋ α ααααοεεαοεα ιααα αοιθί Αίπαιτ Οι απεεοείτ // Διπείτ ιαιπθαιεα 1895. ¹ 5; Εϋεοαθ Ι.Ε. Ιθρείτ ε ιαπθϋϋαι // Αίπθι ¹ 2; Αεαίθ Ε.Α. Αααιτθαιεε εε αααε οαδεε ια Οεαείτ Εεαί 1909*

[37] *Αεαεπείτ Α. Ν. 19*

1917. [\[38\]](#) *Άδείασι Ε. III Ἀπαθιπνεεπείε πιασά πειπείπιδία ἁ Ἄεπνεπιδία ἁ 1906 ἁ Ἰ ἁ,*

[\[39\]](#) *Ὀδαίεσι Ε. Ἰ διπ-πιδία ε πειπείε Νιόεεεσι, πιδείπιδία ε διπεία ἀπείπιδία. Ἰ., 2008. Ἰ. 372-466*

[\[40\]](#) *Ἰ ἀπ Ε. Νειπείπιδία ἀεεαίεα ἁ Διπείε. Α. ἰ., 1977. Ἰ. 240*

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

СЕСТРЫ

Ἀδεάεε Επιδείπιδία

Сестры – тяжесть и нежность,
одинаковы ваши приметы.

Медуницы и осы тяжелую розу сосут.

Человек умирает. Песок остывает согретый,

И вчерашнее солнце на черных носилках несут.

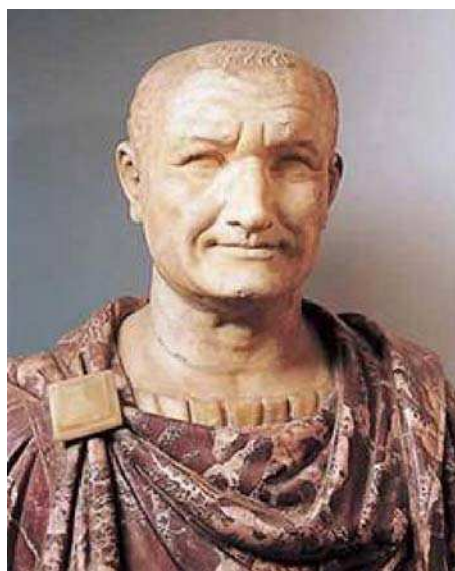
<...>

У меня остается одна забота на свете:

Золотая забота, как времени бремя избыть.

Осип Мандельштам

Тяжесть и нежность – форте и пиано. «Фортепьяно – это сирена». Вчерашнее солнце на черных носилках – Скрябин, который увлекся «сиреной пианизма». Таков для меня дословный смысл этих стихов, пшат, подсказанный статьей самого поэта. А все остальное – мидраш. Эссе о диалектике, о том, как «времени бремя избыть». На дно сосуда с медом тяжелым и вязким бросить медный грош неясного смысла, стертый абрис лица. И так писать историю, как Платон писал свои диалоги: продираясь сквозь заросли силлогизмов, сквозь каждый час жизни Сократа, особенно сквозь часы и минуты ожидания казни в диалоге «Федон».

Бюст императора Веспасиана
(69–79 годы н. э.). Мрамор.
Рим, Палаццо Нуово

Сократ давно осужден и выпил цикуту, но суд над ним никак не кончится. Суд над сократическим диалогом и диалектикой. «Ирония диалектики – это форма плебейской мести: угнетенные проявляют свою жестокость в этих холодных ударах ножом силлогизма...» Так говорит Ницше. И еще он говорит так: «Нужно очутиться в затруднительном положении, нужно стоять перед необходимостью насильственно добиваться своего права – только тогда можно воспользоваться диалектикой. Евреи поэтому и были диалектиками. Рейнеке-Лис – тоже, Сократ – тоже». И еще: «Софисты были греками; Сократ и Платон, ставшие на сторону справедливости, были евреями или не знаю чем». А кто такие софисты? Те, кто учил выступать в суде и народном собрании. Они создали риторику – искусство красноречия. На место справедливости и истины они поставили власть и

успех. Так было принято считать, пока Ницше с его критикой морали и философии, Ницше с его «волей к власти» не оправдал софистов и вновь не осудил Сократа.

И в наши дни судят Сократа. Только выворачивают аргументы Ницше, как старый грязный чулок. Этим заняты многие, в том числе и мой знаменитый коллега из Беркли, профессор Дэниел Боярин. Он обвиняет Сократа в том, за что Ницше хвалил софистов, и хвалит софистов за то, в чем Ницше винил Сократа. Для Ницше Сократ – мещанин с головы до ног. Софисты же – аристократы, склонные не доказывать, а повелевать. Зачем доказывать, когда и так все ясно? В книге Боярина все обстоит ровным счетом наоборот. Сократ – враг демократии, а софисты – ее друзья. Софисты учили афинян искусству спора в народном суде и в народном собрании. Сократ же видел в народе собрание глупцов, взявшихся судить о том, чего не знают. И потому Сократ избегал публичных споров, длинных речей. Он предпочитал диалог речам, диалектику – риторике. Диалектика Сократа – это тирания логоса. Хитрыми трюками, короткими вопросами и ответами он заставлял слушателей признать его правоту, принуждал их к своей философии.

Мой коллега занимает должность профессора талмудической культуры на факультетах ближневосточных исследований и риторики. И поскольку он стоит на стороне риторики и евреев и не любит диалектику и Сократа, то он не считает Сократа евреем, а его диалектику – еврейским занятием, как это делает Ницше. Ведь это у эллинов логос свирепствует, а у евреев на пути логоса – преграда. Логос, пишет Боярин, аналог фаллоса, мужское орудие насилия. Наши же мудрецы к насилию склонны не были, да и к женщине относились с сочувствием.

Боярин читает диалоги Платона и ловит Сократа на ложных аргументах, на подтасовках и логических трюках. Значит, и сам Платон видел хитрость Сократа, замечал, что Сократ обманывал наивных афинян, очернял благородных софистов! Видел и смеялся над своим учителем. Так думает мой коллега Дэниел Боярин. А у Деррида в «Почтовой открытке» мы находим Сократа, который склонился испуганно над листом бумаги и пишет что-то под диктовку своего сурового ученика Платона. Платон же «покрывает» Сократа со спины, так что все окружающие предметы (даже письменный прибор) «образуют некую совокупность фаллосов, направленных по единой директории».

«Тиранию логоса» профессор Боярин, наверное, взял у Ницше. Ницше писал о Сократе: «Поворот к безобразию: самовысмеивание, диалектическая черствость, ум в качестве тирана над “тираном” (инстинктом)». Или мой коллега позаимствовал мысль о «тирании логоса» у Эммануэля Левинаса, литовского еврея, ставшего французским философом? По мысли Левинаса, «в истории, понятой как проявление разума, само насилие выступает в качестве разума». Логос свирепствует, подавляя множественность, уничтожая частное как неверное. Это прямая дорога к Освенциму и Треблинке. Можно ли уйти от понятия тотальности, которое господствует в западной философии? И Левинас вспоминает про нежность, что стоит на границе с тяжестью, на грани «бесцеремонного», «откровенного». (Читал ли он Мандельштама?) Вспоминает о «вечной женственности», чтобы в союзе с ней преодолеть насилие логоса. Это и опыт любви к другому, и опыт бесконечно другого. «Но если назвать этот опыт бесконечно другого иудаизмом», – пишет о Левинасе Жак Деррида, – то все равно придется «заимствовать средства у единственного философского логоса», у тиранических греков! Еврею придется говорить по-гречески. Нельзя молчать, надо философствовать. Иначе нас постигнет

насилие, «которое угрожает тому, кто молчаливо предается другому в ночи». Нас постигнет участь женщины.

Но как не молчать, как философствовать, если сам Г-сподь «поворачивает мудрецов вспять и знание их делает глупостью»? Здесь не поможет еврейская диалектика. Ведь молчал рабби Йоханан бен Закай, которого называли светочем Израиля, столпом праведности, молотом могучим. Под видом мертвого вынесли рабби Йоханана из осажденного Иерусалима. Он предстал перед Веспасианом со словами: «Мир тебе, царь!» Ответил ему Веспасиан: «Дважды ты заслужил смерть. Во-первых, не царь я, а ты назвал меня царем. А во-вторых, если царь я, почему ты не явился ко мне раньше?» На двойное обвинение рабби ответил двойным оправданием: «Если бы не был ты царем, Иерусалим не был бы отдан тебе в руки, ибо написано: “И Ливан перед могучим падет” (Йешаяу, 10:34), а могучий – это царь, властитель, ибо написано: “И некто могучий произойдет из него, и властитель его выйдет из его среды” (Ирмеяу, 30:21), а Ливан – это Храм, ибо написано: “Позволь перейти мне и увидеть землю прекрасную за Иорданом, гору прекрасную эту – Ливан” (Дварим, 3:25). Ведь прекрасная гора – это Храмовая гора в Иерусалиме. Что же до слов твоих “Если царь я, почему ты не явился ко мне раньше?”, то разбойники, которые есть у нас, не позволяли мне явиться». Разбойниками рабби Йоханан назвал zelotim, еврейских повстанцев. Спросил его Веспасиан: «Если змея обвилась вокруг горшка с медом, не следует ли разбить горшок из-за змеи?» Он имел в виду Храм, который надо разрушить, чтобы убить zelotim. Промолчал рабби Йоханан. И к нему рабби Акива отнес библейский стих: «Поворачивает мудрецов вспять и знание их делает глупостью» (Йешаяу, 44:25). Следовало ответить: «Надо взять клещи, взять змею клещами и убить ее, а горшок оставить целым».

Молчание рабби Йоханана – лишь эхо молчания Аарона, брата Моше. Когда Надав и Авигу, сыны Аароновы, принесли Г-споду огонь чужой, которого «Он не велел им», и вышел огонь от Г-спода и сжег их, и умерли они пред лицом Г-спода, тогда «молчал Аарон» (Ваикра, 10:1-3). Но и молчание Аарона бледнеет рядом с молчанием самого Святого, благословен Он. Когда ушел Веспасиан от стен Иерусалима в Рим получать власть, он поставил вместо себя Тита-злодея. Это тот самый Тит-злодей, что хулил и поносил Всевышнего. Что он сделал? Схватил блудницу, вошел в Святая святых, расстелил свиток Торы и лег с блудницей, и взял меч, и рассек завесу, и свершилось чудо, и проступила кровь. Аба Ханан сказал об этом: «“Кто силен, как Ты, Г-сподь” (Теилим, 89:9), кто силен и тверд, как Ты, Г-сподь, ибо Ты слышишь хулу и поношение этого злодея и молчишь». А в школе рабби Ишмаэля учили: «“Кто из богов (ба-элим) сравнится с Тобой, Г-сподь!” (Шмот, 15:11) – кто из немых (ба-илмим) сравнится с Тобой, Г-сподь!» Так в Талмуде, в трактате Гитин (5б).

Голос Б-га – «голос тонкой тишины» (Млахим I, 19:12). Это библейский оксюморон, сочетание слов с противоположным значением, обоюдоострый меч еврейской диалектики. Тишина, которая говорит и даже поет. Эхо безмолвия. И об этом сказал поэт:

Çàté îñò îðîæí úé è æóóîé

Í èí ää, ñ ðäíäò ää ñý ñ äðää,

Ñðäæ í àí îë: í îä í àí ää

Áëóáíêíê òèøèíú äáííê...

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

ПОЛИЦИИ МЕШАЕТ БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ

Áíðèñ Èèèí

Объявленная «реформа» МВД и предложенный как составная часть этой реформы законопроект «О полиции» не только ничего не изменят в деятельности ведомства, но, вероятно, ухудшат состояние дел. Возможно, кто-то считает, что хуже быть уже не может. Еще как может. В политическом отношении точно станет хуже.

Начнем с главного и, по сути, единственного элемента реформы – переименования милиции в полицию.

В Украине недавно тоже заходила речь о переименовании милиции. Но в соседней с ними стране высокопоставленные чины МВД сразу выразили опасение: работников ведомства будут именовать «полицаями». По аналогии с пособниками гитлеровских оккупантов. В России официальные лица пока предпочитают отмалчиваться. Зато появились анекдоты на эту тему: «Слышал, вместо милиции у нас будет полиция». – «А старост и бургомистров назначат?»

На всякий случай, если кто забыл: гитлеровские оккупанты не только создавали отряды полицаяев, но и назначали глав сел и городов – старост и бургомистров.

В середине 1990-х довелось мне делать репортаж о церемонии вручения в дар московским омовцам немецких щитов для борьбы с массовыми беспорядками. «Вещь хорошая, останетесь довольны, – уверяли меценаты, описывая тактико-технические характеристики, – щит снабжен электрошокером, и это позволяет всего нескольким бойцам удерживать целую улицу от прорыва хулиганов». Для репортажа нужна была фотография. И тут нашла коса на камень. Омовцы категорически отказывались позировать со щитами, на которых по-

немецки было написано: «Полиция». «Нас же завтра “полицаями” обзывать начнут», – объясняли они. Надо полагать, по роду службы с оскорблениями им приходилось сталкиваться не раз, все-таки не барышни из Института благородных девиц. Однако мысль о том, что их могут приравнять к подонкам, была неприемлема. Сейчас протестов не слышно. Лишь милицейский генерал, глава думского комитета по безопасности «единоросс» Владимир Васильев осторожно заметил: «Мы уже переименовывали ГАИ в ГИБДД, и ничего, кроме траты денег, это не дало».

Переименование милиции в полицию дать кое-что может: название имеет значение куда большее, чем аббревиатура ГИБДД. Представьте себе, если вашу должность на двери кабинета, в служебном удостоверении и в штатном расписании назовут оскорбительно. Ну, скажем, не врач-гинеколог, а п...к? Понравится? Думаю, милиционерам тоже.

Но есть еще ведь и последствия политического характера. И имеют они самое непосредственное отношение к евреям. Я, конечно, уверен, что власти, предлагая переименовать милицию в полицию, об ассоциативных рядах не задумывались. Но у нас всегда так – хотят как лучше, а получается как всегда. Словом, нет ли тут антисемитизма?

Чем в первую очередь занимались полицаи? Известно чем – уничтожением еврейского населения на оккупированных территориях. Уже одного этого достаточно, чтобы забыть это слово в России навсегда.

Но нам говорят: зачем вспоминать печальный историко-филологический эпизод? К тому же это по-немецки «полицай», по-русски – «полицейский». Они ведь в России были до революции 1917 года.

Верно. Были.

«Наиболее кровавый погром в октябре 1905 года был в Одессе, там погибло около 500 человек. Большинство жертв Одесского погрома составили расстрелянные войсками и полицией члены самообороны. В Феодосии трех членов самообороны привлекли к суду только за то, что они посмели защищать себя, свои семьи и все еврейское население города от громил. Погромы и грабежи в городах Украины происходили под руководством войск и полиции. С раннего утра 18 октября на городских улицах и площадях совершенно открыто велась полицией погромная агитация. Крокодиловыми слезами полицейские оплакивали перед темной, невежественной и обманутой чернью якобы гибель дорогого Отечества. “Бейте, режьте жидов как в Кишиневе”, – советовал толпе один полицейский в Симферополе. “Россия падает, – ораторствовал другой, – и жида подымаются... Дождетесь вы того, что они будут вами царствовать”. “Бейте, душийте, режьте их, – кричали симферопольские полицейские чины 18 октября толпе, – не бойтесь, полиция и войска будут за вас”. Часто полицейские указывали громилам еврейские квартиры и магазины, а солдаты грабили их вместе с громилами. Такое отношение властей к погромам дало возможность громилам представить свои действия как чуть ли не патриотический подвиг», – пишет в своей статье Виктория Хитерер. Она же указывает, что погромные листовки печатались в Департаменте полиции.

Журналист и историк Владимир Бурцев в свое время раскрыл подноготную знаменитого, востребованного и по сей день антисемитами пасквиля

под названием «Протоколы сионских мудрецов». По сведениям Бурцева, «Протоколы» были сфабрикованы в Департаменте полиции, под руководством генерала Рачковского. «Это было дело только одного течения среди высших чинов Департамента полиции, которые в своей борьбе с евреями в 1890-х гг. ставили себе определенную задачу – воздействовать на царя, чтобы добиться от него новых гонений на них», – писал Бурцев.

Так что у полиции Российской империи весьма специфическое прошлое. Нужно ли возвращение к таким «истокам»?

Авторы законопроекта «О полиции» считают, что полицейским не следует выражать свое отношение к какой-либо религии. Требование это прямо противоречит российской Конституции, гарантирующей свободу вероисповедания. Религиозные деятели уже обратили на это внимание.

«Я полагаю, что стоит лучше подумать о формулировке 14-го пункта 30-й статьи, которая запрещает работникам полиции публично выражать отношение к религиозным объединениям», – заявил «Интерфаксу» глава синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию Церкви и общества. По словам священника, «неправильно было бы, чтобы полицейский, например, говорил, что православная церковь хорошая, а Духовное управление мусульман плохое. Но религиозная свобода предполагает ее внешнее выражение. Будучи верующим, человек не может это скрыть: находясь в храме, он будет молиться, присутствуя на пятничном намазе, он сделает поклон, и это в некотором смысле является публичным действием».

Аналогичную точку зрения выразил в своей статье в «Известиях» глава отдела ФЕОР по взаимодействию с армией и правоохранительными органами раввин Аарон Гуревич: «Я с трудом себе представляю, как верующий может быть не связан канонами религиозной организации, к которой он принадлежит». Раввин Гуревич предлагает внести поправку, в соответствии с которой появление полицейского в форме и его участие в богослужении не считалось бы нарушением такого запрета. И еще раввин обращает внимание на то, что «статья 30 некоторым образом вступает в противоречие с положениями законопроекта, предписывающими взаимодействовать полиции с религиозными организациями». Ведь такое взаимодействие тоже может расцениваться как нарушение запрета «на выражение отношения».

Откровенно говоря, не думаю, что указанная статья появилась в тексте случайно. Она в русле последних инициатив руководства страны, направленных на запрет милиционерам критиковать действия руководства. То есть отмена свободы совести для милиционеров лежит в более широкой сфере, чем право зайти в храм в форме.

И в заключение не могу не заметить еще ряда откровенно лицемерных положений законопроекта. Они касаются декларируемой на словах «открытости» новой полиции.

Прежде чем обсуждать нормы открытости полиции, заложенные авторами законопроекта, хочу объяснить: право журналистов на получение информации – это не наше, придуманное исключительно для облегчения работы

редакций право. Это прежде всего ваше право знать, как действуют те или иные государственные учреждения.

Деятельность полиции, декларируют авторы законопроекта, «является открытой для общества, в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает охраняемых законом прав граждан, общественных объединений и организаций». Сама эта фраза уже представляет собой некий оксюморон. Не надо вводить общество в заблуждение декларацией об открытости, тут же обставляя эту «открытость» множеством рогаток в виде защиты тайн, да еще «иных». Под этими «иными тайнами» можно прятать все что угодно. Гораздо правильнее было выработать и прямо прописать в законе о полиции полный перечень сведений, не подлежащих засекречиванию сотрудниками полиции. И еще: раз уж в законопроекте говорится о взаимодействии со СМИ, то хотелось бы увидеть пункты, прямо запрещающие сотрудникам полиции препятствовать посещению журналистами мест происшествий, специально охраняемых мест стихийных бедствий, аварий и катастроф, митингов, демонстраций, массовых беспорядков и массовых скоплений граждан, а также зон, где введено чрезвычайное положение. Потому что за последние почти 20 лет лично мне надоело выслушивать от разнообразных полковников, что им закон «О СМИ», все это разрешающий, не писан, они, мол, действуют в рамках своего закона «О милиции», а в нем ничего такого не сказано... Вот пусть теперь будет сказано в законе «О полиции», чтоб отговорок не оставалось.

Мне кажется, по тем же причинам необходимо продублировать в законе «О полиции» положения закона «О СМИ», раскрывающие понятие «запроса информации». В частности, полицейские должны знать: запрос информации может быть не только письменным, но и устным.

Ну и последнее. Декларации об открытости так и останутся декларациями, благими пожеланиями, если хотя бы для начала в законе «О полиции» не будет прописана дисциплинарная ответственность полицейских за воспрепятствование деятельности журналистов. А там, глядишь, стражи порядка начнут уважать и остальных граждан, без специального статуса.

ЗАБВЕНИЕ КАК ИСТОК

Аֵלֶּיךָ אֲדָוָה יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Пристальное взглядывание в свои семейные корни порой завораживает не только благодаря тому, что при этом происходит пополнение твоего собственного экзистенциального опыта. Иногда взглядывание в генетические и исторические потемки может быть вознаграждено пониманием того, как забвение может стать источником света.

Мой прадед Иосиф Лазаревич Розенбаум родился в 1888 году в Баку. Как его семья оказалась на Апшероне – неизвестно. Известно, что жена Иосифа, Генриетта Эпштейн, родилась в Ставрополе, выросла в Таганроге и в 1914 году родила ему дочь Цецилию. Произошло это в Ленкорани – одном из южных городов Российской империи у самой границы с Персией.

Вместе с двумя братьями Иосиф Розенбаум открыл в Баку часовую и ювелирную мастерскую. Бизнес был успешен, пришла пора его расширять, и братья делегировали Иосифа в Ленкорань организовывать филиал.

Апшеронский полуостров находился вне черты оседлости, однако входил в зону экономического развития империи, и евреи на определенных условиях могли здесь селиться.

Думаю, прежде всего сыграло роль то, что это был край империи, очень отдаленный от центра. Формула для лучшего местожительства в империи – в провинции у моря – работала еще задолго до ее, формулы, появления. Вдобавок с конца XIX века на Апшероне происходила экстраординарная деловая активность, связанная с освоением первого в мире нефтяного клондайка. Лучшие инженеры и управленцы, новейшая техника и технологии – все самые последние достижения инженерной цивилизации стекались сюда со всей планеты и обеспечивали исходящий в мировую экономику поток нефти. Я своими глазами в середине 80-х годов XX века видел на Апшероне клеймо «Nobel Brothers, 1894» – на прокатном стане, на который по валикам выскальзывали из горнила полуторатонные, раскаленные добела слитки, превращавшиеся в другом конце цеха в бесшовные трубы.

Чем сильней развивалась энергетика, тем больше требовалось нефти – вот почему Апшерон в начале XX века стал символом Нового времени не только в Российской империи, но и в Европе. Шведская, немецкая, польская, греческая, еврейская колонии составляли мощный приток населения Баку. Займы Ротшильдов и инженерный гений Нобелей при посредстве нефти вскормили этот город. Всего за три десятилетия уездный городок превратился в один из крупнейших городов империи. По темпам роста населения он превосходил даже Сан-Франциско времен

золотой лихорадки, которая началась почти тогда же, когда на Апшероне первая промышленная скважина дала нефть. Нефть и золото хлынули на поверхность в противоположных концах планеты. С этого момента архитекторы стали застраивать Баку чуть не с той же интенсивностью, с какой нефтяные поля Апшерона покрывались буровыми вышками. Нефтепромышленники требовали от мастеров соответствия европейским шедеврам модерна, ампира, новой готики и нового барокко. Воплощенные в белом камне, фрагменты Вены, Петербурга, Берлина, Стокгольма отныне стали населять порог Персии. К началу XX века Баку обретает славу «Парижа Востока».

Именно в это время Иосиф Розенбаум, часовых дел мастер и ювелир, женился на Генриетте Эпштейн и в 1914 году стал отцом маленькой Цецилии. Тогда же началась первая мировая война, и скоро для прадеда возникла угроза попасть на кровавые поля Галиции.

Я теряюсь в догадках, почему прадед решил избежать мобилизации именно этим путем. Ведь двое его братьев так и остались в Баку и при этом не были призваны. Прадед выбрал путь бегства на Восток, прочь от войны. Путь его начинался в Персидском заливе и вел через Тихий океан. Прибытие на побережье предварялось путешествием через Иран, находившийся тогда под влиянием англичан.

Прабабка моя не согласилась ехать в Америку. Прадед не дал ей развода и отправился в Америку с надеждой, что она присоединится к нему, когда он обоснуется в Новом свете. Его дружба с неким Джоном Уиллбруном, работником английского консульства в Тегеране, по словам прабабки, обеспечила ему надежного проводника при пересечении границы: оседлав осла, он перевалил через Талышские горы и оказался в Персии.

Всевышний располагает человеком лишь в той мере, в какой он, человек, способен это вынести; однако исход этого дела, как справедливо отметил философ Александр Пятигорский, не определен. Иосиф Розенбаум больше никогда не видел своих жену и дочку. Он прибыл на побережье Калифорнии в 1916 году, помыкался два года в Сизтле с неполноценной визой и вынужден был отбыть в Японию, где нашел приют в немногочисленной еврейской общине и в течение двух лет ожидал вид на жительство в США (обычная в то время практика, см. хотя бы роман Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл»).

Почему именно Йокогаму выбрал прадед – неизвестно. Прибывавшие через Атлантику ожидали визу на не столь отдаленных островах, например на Элис-Айленде. В Йокогаме прадед жил на улице Ямашитачи. Забавно, что чуть не на той же улице в белоэмигрантском издательстве «Заря Востока» по 1920 год включительно выходил журнал «Жида и революция» под редакцией Д. Уральяца. Скорее всего, последнее обстоятельство связано с тем, что ранее именно Йокогаму посетил Колчак – после встречи в США с президентом Вильсоном; именно здесь адмирала застигла весть об Октябрьской революции, благодаря чему он попросился на службу к королеве Британии и готов был отправиться в Месопотамию «хотя бы и простым солдатом» (просьба его не была удовлетворена).

В 1920 году Иосиф Розенбаум на судне «Seyo Maru» прибыл в Сан-Франциско. Откуда я это знаю? Несколько лет назад я обнаружил замечательный сайт Ancestry.com, на котором за не слишком большую плату нашел данные о своем

прадеде в реестрах переписи населения 1930 года и в скрупулезной базе данных иммиграционной службы США.

Вот какие сведения о прадеде сообщает «Список и декларация иностранных пассажиров судна “Seyo Maru”; дата прибытия в порт Сан-Франциско 23 июня 1920 года»:

Èi y - Ææîçáô Ðíçáí áàóí

Áîçðáñò - 32 í îéí úô ãää

Ðíá çáí ýòèé - × áññ áíé ì áñò áð

Í à èàèèò ýçúèáò èçúýñ ýáò ñý - Ðññèé, ááðæíñèé; ÷èò ááò è íèøáò

Áðæääí ñò áí - Ðíññèý

Í àèèíí æèññ ñò ù - Ááðæ

Í ññèááí áá ì áñò í æèò æèññò áá - Ðíííèý, Èíéíáñ ì, Ðí àøèò à:è, 87, Í ðèðò ááðæíñèíá í áùáñò áá ì ñí ñùè è ì èáðáí ò áí (Hebrew Sheltering House)

Èóáá í áí ðáæýáò ñý - Ñèýòè, øò áò Áàøèí áð íí

Áñò ù èè æèèò áñ ì óí èò à èí í á:í íñ í áçí á:áí èý - Í áò

Èò í í èàò èè çà ì ðíçá - Ñàí

Áñò ù èè ññ áí é ññí ì à áí èññ á 50 áí èè áð í á, è áñèè áñò ù, ò í ñèí èññèí? - 70 áí èè áð í á

Æèè èè ðáí áá á ÑØÁ, è áñèè áá, ò í áá è á ò á:áí è á èá èá èí áñ áð áí é? - Áá, Ñèýòè, Áàøèí áð íí, 2 áää

Áñèè ññ æèðááò ñý ì ðèññ æèí èò ùñý è ðíáñò ááí í èéò èèè áð áá, ò í ñèááí áò øèáçàò ù èí ý è ááðáñ ýò í áñ ðíáñò ááí í èéà èèè áð áá - Í èñò áð Í. Í áòò, áð áá (Mr. M. Neft, friend); 1004 Í áð áí á áá í þ, Ñèýòè, Áàøèí áð íí

Í í èè ááí áí? - Í áò

Áí áð èè ñò? - Í áò

Øæè ù ì ðè áù ò èý á ÑØÁ - Æèçí ù

Ñí ñò í ý í è á çáí ðí áí ý - Øí ðí ø áí

Áù ñ ò á - 5 ó ó ò í á, 4 á þ éí á

Øááò èè ò á - Ááè ù é

Ὀἶκὸ ἀΐεῖν- x ἀδῖ ὑέ

Ὀἶκὸ ἄεῖς - Ἐἰδὲέ

Ἰ μᾶνᾶ ἰ δὲ ἰ ἀὸ ὕ - Ἰ ἀὸ

Ἰ ἀὸ ἰ δῖ ἄεῖ ἰ ἔϋ - Ἀἰέό, Δῖ μῆϋ

«Дом на утесе» близ Тюленьих скал – популярное у туристов место отдыха в Сан-Франциско. Фотография Карлтона Э. Уоткинса. 1872 год.

**Библиотека Банкрофта.
Университет Калифорнии в Беркли**

В том же 1920 году, когда прадед окончательно ступил на землю США с целью провести там жизнь, моя прабабка вышла замуж за комиссара 11-й Красной Армии, освободившей Азербайджан от мусаватистов, англичан и белогвардейцев и едва было походом в Энзели не зажегшей в Персии цветок мировой революции.

Новый муж прабабки, Семен Кайдалов, был назначен членом отборочной комиссии по распределению военнопленных офицеров белого флота, задержанных в Баку. Генриетта работала в этой комиссии секретарем. Вскоре они вслед за Генштабом 11-й армии переехали во Владикавказ, и вот что было бы интересно рассказать. В 1980 году бабушка Циля мне рассказала, что по Владикавказу летом 1921 года ходил всех поразивший слух о жуткой истории, которая недавно приключилась в Москве: «Солидному мужчине предсказали, что ему отрежет голову женщина, и он попал под трамвай, которым управляла юная вагоновожатая». Я вообразил себе тогда Олоферна и Юдифь-комсомолку. В 1980 году ни я, ни моя бабушка еще не читали «Мастера и Маргариту». Спустя лет двадцать я узнал, что в 1921 году во Владикавказе жил и Булгаков. Семья моей бабушки с ним знакома не была, это точно. Возможно, прабабка посещала театр, где ставились его пьесы, и слух о молодом талантливом драматурге достигал ее сознания. Меня в этой истории занимает то, как строятся сюжетные ходы. Что появилось раньше: слух об этой Юдифи-комсомолке или выдумка Булгакова, пустившая по Владикавказу мифическое эхо?

Семейная легенда гласит, что прадед обрел в Америке богатство: апельсиновые рощи, ювелирные магазины и приморские виллы близ Лос-Анджелеса («Лос-Анжелоса» – так произносила бабушка) – это самое малое, что воображение приписывало его владениям. Произошло ли это на самом деле, мне не известно, знаю только, что в 1930 году прадед был женат на женщине по имени Целия, которая родила ему в 1924 году дочь Мириам.

Прадед Иосиф в 1950–1960-х годах через «Иньюрколлегию», до сих пор располагающуюся в здании Театра имени Ермоловой на Тверской, стремился разыскать свою первую жену и дочь. Но прабабка Генриетта всю жизнь страшно боялась наличия родственников за границей. Это чувство страха впитала и бабушка. Поэтому, когда отец ее умер, Цецилия без колебаний подписала отказ от наследства, который ей вместе с нотариусом доставили на дом Сальманы – потомки одного из братьев Иосифа Розенбаума.

Но главное, конечно, не в этом. Главное – то наследство, которое мне лично отправил прадед, сойдя в 1920 году с «Seyo Magu», когда указал то ли в шутку, то ли всерьез (в графе о родственниках или друзьях в США): Mr. M. Neft, ибо именно так – «Нефть» – я назвал двенадцать лет назад свой первый небольшой роман, который – еще до знакомства с Ancestry.com – был посвящен этому ослепительному пятну забвения, в коем с семьюдесятью долларами в кармане растворился тридцатидвухлетний черноволосый мужчина высотой пять футов четыре дюйма.

«РУССКИЙ» ИЗРАИЛЬ В ФАКТАХ, МИФАХ, РАССУЖДЕНИЯХ И СПЕКУЛЯЦИЯХ

Аיא עיניא

У нерусских израильтян, как, впрочем, и в очень разнородной среде граждан, называемых тут «русскими», существуют порой диаметрально противоположные точки зрения на суть той таинственной субстанции, которая определяет характер «русскости». И хотя ее точный состав не известен никому, мы попытаемся выделить те или иные его составляющие. При этом, разумеется, не обязуясь раскрыть миру великую тайну загадочной русской души и еще более загадочной русско-еврейской, но если сможем хоть самой малостью способствовать лучшему пониманию вопроса, сочтем наш труд ненапрасным.

Вместе с тем мы далеки от намерения предложить читателю научно обоснованную гипотезу. Отнюдь нет. Речь пойдет о феноменах «русскости» и о людях, к ним причастных, о том, что известно о них наверняка и по слухам, по сложившейся традиции или по мнению ее ниспровергателей.

1968 год. Советские олимпы. Неве Шарет

Считаем своим долгом предупредить: тех, кто полагает, что намечается серия разоблачительных статей о бедственном положении израильских русских в кавычках и без, ожидает разочарование. Высокомерие и авторитарность, являющиеся наиболее частыми и обидными проявлениями ксенофобии, считаются в Израиле как раз коренными признаками «русскости», проступающими сквозь всю историю развития государства еще со времен отцов-основателей, большая часть которых была родом из российской черты оседлости. Поэтому нет ничего удивительного в том, что эти черты приписываются (и зачастую небезосновательно) именно новым репатриантам из бывшего СССР. Таким образом, ксенофобное поведение членов «старого» общества трактуется всего-навсего как реакция на вызывающее поведение «русских», которые «начали первыми».

Кроме того, отметим: израильское общество ксенофобно в целом и во всех своих этнических составляющих и не может быть иным. Нужно только представить себе состояние людей, которым каждые пять-шесть лет приходится приспособливаться к новым социоэкономическим, политическим и культурным условиям проживания, вызванным появлением очередной волны иммигрантов. Естественно, первым требованием к новоприбывшим становится: «Делайте, как уже делается, и не смейте ничего менять».

С точки зрения принимающей стороны, это требование вполне резонно, с точки зрения вернувшегося на историческую родину или, по местной терминологии, возвысившегося (оле) индивида, оно абсурдно. Ведь он и ехал-то с намерением внести свой вклад в строительство общего национального будущего. Какое же основание и право имеет кто бы то ни был препятствовать столь благородной цели?

Таким образом, конфликт имеет место еще до первого контакта между сторонами. И, по чести говоря, нет такой этнической группы, которая не прошла бы через первичную стадию взаимных претензий, не затаив отрицательных эмоций по отношению к принимающей стороне и не отыскав затем способа компенсировать убытки за счет следующего потока репатриантов. При этом отрицательное отношение многих израильских старожилов к любому проявлению «русскости» выходит за рамки обычной ксенофобии – как по яркости эмоциональной окраски, так и по длительности переживания.

Со времени алии 1990-х прошло двадцать, а со времени алии 1970-х и все сорок лет, но нелюбовь ко всему русскому все еще гуляет по радио- и телеэфире, газетным страницам и присутственным кабинетам. Не повсеместно, не победно, зачастую завуалированно, но тем не менее ощутимо. Эта затянувшаяся фаза нелюбви, не сопровождаемая обычным для израильтян синдромом постагрессивной вины, заставляет думать, что дело не столько в обычной ксенофобии, сколько в подспудной психопатологии и поведенческих маневрах по самозащите от глубоко сидящих комплексов.

На наш взгляд, немалая часть проблемы состоит в том, что израильское общество пережило несколько периодов весьма назойливого засилья «русскости», которой мы, кстати сказать, обязаны размещением еврейского государства на территории Палестины, а не Уганды. Весь первый период становления Израиля проходил под сильным влиянием русской/советской культуры и политической мысли. В основе израильской литературы на иврите лежит русская и советская классика. Основой израильского театра послужила московская «Габима». Первые израильские поэты, определившие на много лет вперед характер новой ивритской поэзии, выросли на русско-советском стихе в диапазоне от Пушкина до Маяковского. В израильских песнях, ставших весьма существенным культуuroобразующим фактором нового общества, слышится ранняя советская песня, а израильская система образования широко и вольно пользовалась советской педологией, помесью педагогики с психологией, характерной для ранней советской традиции созидания нового человека.

Правда, как ранняя советская песня, так и педология испытали на себе сильное влияние их еврейских создателей, но в данной ситуации это не имеет значения: влияние и той и другой расценивается в Израиле как русское. А любое сильное влияние с течением времени вызывает сопротивление и замену антиподом. И уж совсем неминуемо, когда речь идет о влиянии культурном.

Способность израильтян заниматься культурными пертурбациями на фоне непрекращающейся военной угрозы и перманентного социального бурления поражает. Сказано, но не доказано, что война или напряженная общественная жизнь музам не помеха, скорее, наоборот. Однако относительно Израиля это утверждение оказалось справедливым. Переворот в культуре готовился несколько лет, но начался он после Шестидневной войны и достиг апогея после войны

Судного дня, то есть в самом начале 70-х годов прошлого века. И тогда русское – все русское без исключения – в одночасье вышло из моды. Прежнее единообразие общественного вкуса сменилось поначалу робким разнообразием, а затем таким многообразием, что сегодня нет, кажется, никакой культурной установки: все можно, и все идет, кроме «русскости». Вернее, скажем так: «русское» означает «некачественное, устаревшее, низвергнутое, не имеющее хождения, общественно вредное».

Касается это всего: мировоззренческого аппарата, этических и эстетических норм, манеры одеваться, способа воспитывать детей, умения лечить, учить, проектировать, строить, добиваться спортивных рекордов, а также принятых в «русской» среде стандартов оценки культурных феноменов и методов их создания.

Среди постоянных персонажей общеизраильских масс-медиа, создающих то, что называется общественным мнением, «русских» нет. Нет их, за редчайшим исключением, и в тусовке местного шоу-бизнеса. Даже в колонки сплетен «русские» попадают либо как повод для насмешки, если они олигархи, либо как повод для возмущения, если дело связано с криминальной хроникой.

Вместе с тем все не так просто. Есть основание полагать, что израильское экономическое чудо во многом обязано своим существованием «русскому» компоненту. В те школы, куда после многолетней борьбы проникла «русская» система образования, стоит очередь нерусских израильтян, не просто решившихся доверить воспитание своих чад авторитарным «русским» педагогам, но еще и готовых солидно приплачивать за эту науку.

Что касается царства муз, и тут все не однозначно. В живописи, музыке и танце, в кино, песенном творчестве, даже в прозе и поэзии и уж, разумеется, в спорте влияние «русских» бесспорно. Знаменитых имен много, мы приведем их в свое время по каждому отдельному поводу. Однако «русские» и тут – как в промышленности, науке, медицине, образовании и далее везде – находятся словно бы на заднем плане или движутся за кисейной пеленой. Они не то чтобы невидимы, но видятся на отдалении, словно в перевернутый бинокль.

Почему так получается, сказать непросто. Никто вроде бы никому не указ. У государства, если оно порой и хочет вмешаться в такие дела, как правило, ничего не получается, поскольку третий закон Ньютона действует в израильском обществе по гиперболе: противодействие общества принуждению таково, что правительству приходится сто раз подумать, прежде чем оно решается на какое-либо действие. Обвинять правящую элиту тоже нерезонно: деньги и слава не ходят в Израиле в обнимку, а уж общественное признание к деньгам и вовсе не липнет. И все-таки явно заниженному вниманию к очень ярким феноменам «русского» происхождения требуется объяснение.

Первое, что приходит в голову в этой связи: сдвиг по фазе, и не в переносном смысле, а в прямом, поскольку, изучая историю вопроса, невольно приходишь к выводу, что каждая «русская» алия была сдвинута по отношению к принимавшему ее населению когда на чуть-чуть, а когда и на все сто восемьдесят градусов. Другими словами, каждая волна «русской» иммиграции, с точки зрения старожилов, упорно попадала не в масть и нарушала сложившийся уклад, или, как теперь говорят, консенсус. То ли в силу некоей встроенной в их мироощущение

самостийности, то ли благодаря иному набору качеств «русские», в отличие от прочих этносов, действовавших эволюционным путем, каждый раз пытались не вписаться в существующую схему, а полностью ее изменить. То есть совершить очередную революцию.

1991 год.

**Война в Персидском заливе.
Репатриантам из России выдают противогазы**

Посудите сами: в конце XIX века в дальнюю турецкую провинцию, где одни пасут коз, а другие молятся и изучают Тору, приезжают просвещенные юноши и девицы из далекой России, пожертвовавшие театром и литературными вечерами ради национальной идеи. Тут уж речь идет не о сдвиге по фазе, а о полном несоответствии фаз. Но проходит время, и, хотя идея создания театра все еще находится в потенции, литературные вечера уже имеют место. Правда, феллахи забросили коз и взялись за оружие, а беззащитные религиозные евреи в ужасе вздымают руки к небесам. Сонный покой заштатной провинции нарушен, власти свирепствуют, федаюн-бандит бесчинствует, а евреи, пусть они и расходятся по фазе, всегда отвечают друг за дружку, такова их историческая судьба.

С другой стороны, пусть национальная идея и требует жертв, но она же обустроивает городскую и сельскую жизнь, развивает торговлю и создает псевдо-Европу на небольшом клочке земли между Азией и Африкой. Однако наиболее уважаемые граждане турецкой провинции Палестина теперь вовсе не «москалии» (так называли выходцев из России не только в Малороссии, но и в Палестине), а «самех-теты», «сфарадим техорим», то есть чистокровные сефарды.

Эти далекие потомки изгнанников из Испании высокомерны и претендуют на аристократичность. Из их среды вышли Спиноза и Дизраэли. У них свой язык (ладино) и свой кодекс чести. Они одеваются по парижской моде, соревнуются за внимание своих капризных и холеных женщин и со сравнительной легкостью находят общий язык с хозяевами страны – турками, поскольку по большей части прибыли именно из Турции. А связи – это всегда достаток, покой, комфорт.

И вдруг – труба, барабан! – опять накатывает волна «русских». На сей раз с Толстым и Герценом в головах. Эти собираются строить уже не просто

национальный дом, а – бери выше! – единственно справедливую власть на земле. Косоворотки, телогрейки, сарафаны, шаровары, сапоги (одна пара на пятерых), красные знамена, русская речь и, разумеется, иврит, возрождаемый в авральном порядке и насаждаемый с невероятной агрессивностью: киоски, продающие книжно-газетную продукцию на идише, вспыхивают в ночи, как факелы. Буржуи – на очереди, во всяком случае риторически.

Сдвиг по фазе? Да. Притом и сегодня совершенно непонятно – вперед ли, назад или в сторону уводит эта фаза. В качестве апологии израильскому социализму можно предположить, что начальные фазы построения государства требовали авторитарной власти, тогда как из двух реальных возможностей, предоставляемых Новейшим временем, мягкий социализм, очевидно, все же лучше даже самого мягкого фашизма.

Военное время и период создания государства не обсуждаются. СССР спас мир от фашизма и голосовал в ООН за создание еврейского государства, фактически оказавшись его основателем. Все русское и советское, естественно, оказалось в моде. Впрочем, захлестнувшая молодое государство послевоенная волна эмиграции, одновременно напоминавшая Потоп и спасение от Потопа, была сравнительно равнодушна к своим этническим корням. Фашизм способствовал сплочению еврейского мира. Пришельцы ощущали себя в первую очередь евреями. Их происхождение играло для них в то время сравнительно небольшую роль, тогда как желание забыть прежнюю жизнь с ее ужасами и трансформироваться в нечто иное с точки зрения идентификации и самоидентификации было велико и полностью соответствовало тогдашнему идеалу сионизма.

Но вот прошла Шестидневная война. А до нее в израильское общество влилась широкая волна мелкобуржуазной публики из изгнанных Гомулкой польских евреев и не менее мощная волна выходцев из Северной Африки. Ни те ни другие не разделяли социалистического идеала. Более того, и тем и другим пришлось не по нраву высокомерный идеализм кибуцев и профсоюзов, захвативших все сферы влияния и изъяслявших свою волю с вполне ощутимым русским акцентом. Поэтому, когда опьяневший и ошалевший от блистательной военной победы в Шестидневной войне маленький Израиль стал приходить в чувство, многие поняли: у социализма тут больше нет шансов на единоличную власть.

И снова Израиль накрыла волна иммиграции из России, которую назвали алией 1970-х. Она не была многочисленной, но казалась идеологически сплоченной. Эту сплоченность (лучше назвать ее единомыслием) многие в Израиле посчитали сионизмом. На самом деле, несмотря на бескомпромиссную и громогласную борьбу с советским режимом за выезд, бывшие советские граждане имели весьма слабое представление о своей исторической родине и о сионизме. Были они в большинстве своем не столько сионистами, сколько противниками советского режима.

Чтобы в этом убедиться, достаточно полистать периодику того периода, например журналы «Сион» и «22». Основная тема, занимающая составителей журналов и авторов статей, – СССР, а вовсе не Израиль. Все то, что не могло быть сказано вслух там, должно было выплеснуться на журнальные страницы здесь. Люди торопились зафиксировать личные истории, снять завесу с утаенных советской властью или фальсифицированных ею событий, обсудить

противозаконные и бесчеловечные действия режима, высказать свое отношение к его звериной сущности. Естественно, что все, запрещавшееся советской властью, вызывало острый и неподдельный интерес. Возвысившиеся (олим) открывали для себя иудаизм, еврейскую историю и культуру, западную философскую мысль и, что тоже немало важно, незнакомый им до тех пор в ощущении буржуазный мир хорошей жизни.

**Ученые – репатрианты из СССР.
Иерусалим.**

1990-е годы

Эти «русские» вроде бы не были настроены революционно. Напротив, сойдя с советского корабля, они чувствовали себя настолько неуверенно на благополучном берегу, что казались полностью дезориентированными. Да, они несомненно были против любого проявления социализма в отдельно взятой маленькой стране, но Бен-Гурион, Голда Меир и Моше Даян были для них не политиками с определенными взглядами, а легендарными и даже мифическими фигурами. Этим корифеев сионизма «русские» любили до слез, но голосовать за Социалистическую партию не то что не хотели – не могли. Это было против их понятий, соображений и убеждений.

Таким образом, исчезла надежда социалистов на восстановление престижа социалистической идеи при поддержке «русских», и левый истеблишмент отвернулся от них в раздражении. Что до правой оппозиции, та была занята выходцами из Северной Африки, численно намного превышавшими замороченных «русских».

Первое правое правительство во главе с Менахемом Бегинем пришло к власти при помощи североафриканцев, иначе называемых в Израиле «мизрахим», «восточные», – но почему-то считается, что это сделали «русские». Может быть, такая точка зрения сложилась ввиду того, что эта репатриантская волна непрерывно пыталась дезавуировать советский режим, причем делала это страстно, по любому удобному случаю и в любом, пусть даже очень неудобном для социалистического истеблишмента месте.

Создалась легенда, согласно которой левый истеблишмент преграждал «русским» путь к рампе намеренно, а правый – по недоумию. Нам же хочется обратить внимание на то, что желающие принять участие в борьбе за политические

или иные высокие позиции вполне в этом преуспели, но было таких чрезвычайно мало. Дело в том, что алия 1970-х была занята не государственными задачами, а собой. В промышленности, медицине и науке она пыталась согласовать знания, полученные в СССР, с мировыми стандартами, а в искусстве искала пути, ведущие из досоветского периода туда, куда эти пути могут привести. Поэтому в профессиональной среде «русские» были и видны, и слышны, но на общественной сцене, если и пытались играть какую-нибудь роль, выбор обычно падал на закулисные формы влияния.

Казалось, что, переборов советскую власть ценой больших, а в некоторых случаях и сверхчеловеческих усилий, алия 1970-х выдохлась. На коллективную борьбу за более удобные условия проживания на исторической родине у нее сил не осталось. Впрочем, сама мысль о борьбе с теми, кто создавал эту чудо-страну, была нелепой. Вот если бы были принципы, за которые стоило бороться, тогда другое дело. Но принципов не было. Вернее, принципы были, и касались они борьбы с любым проявлением «советскости», только спроса на эту материю не было. Окружающие просто не понимали, о чем речь.

И алия 1970-х обиделась. Часть съехала в Европу и за океан, ничем особым, впрочем, и там не отличившись. Другая часть вписалась каким-то боком в окружающую израильскую среду, оставшись при этом замкнутой, чужеродной и обособленной группой. Даже когда удача улыбалась кому-то из «русских» и окружающий мир вдруг замечал и приветчал одного из них, этот успех воспринимался внутри группы как своего рода предательство. Алия 1970-х хотела казаться недооцененной. Обиженной и недооцененной она и была – вплоть до появления алии 1990-х, когда «русскость», получив численное преимущество, снова стала революционной и изменила страну проживания до неузнаваемости.

Феномен «русскости» весьма интересует сегодня израильское общество. Автора не раз приглашали в СМИ, а также в учебные и исследовательские заведения для разговора на эту тему. Попытка опереться на статистические опросы и немногочисленные социологические исследования оказалась для автора провальной. Нельзя определить искомое по ответам на вопросы, заданные без понятия, что это искомое может собой представлять. Более правильный, с нашей точки зрения, вариант – рассказать о конструирующих явление значимых событиях и людях, в них замешанных, и попробовать определить мотивы действий и противодействий, делающих событие и его участников значимыми. Этим мы и займемся в новой рубрике «Кириллицей на иврите».

ОН ВЗЛОМАЛ СТИЛЬ ОФИЦИОЗНОЙ КРИТИКИ

Г'аої Ёëäëì àì, èèìíâââ, äèäëèòíð Ì óçÿ èèìí

– **Что это за объединение было такое – «белостолбовская школа киноведения»? Ее создателями были Виктор Демин и Мирон Черненко. Кто еще в нее входил?**

– Виктор и Мирон были инициаторами этого полуформального обозначения, никем не признанного и, естественно, никак не оформленного. Мы сами образовали его. В начале 1960-х пришло новое поколение выпускников ВГИКа, сменившее старое госфильмофондовское поколение сотрудников, ушедшее в организовавшийся тогда Институт киноискусства, в крупные редакции. Конечно, мы не были довольны ни идеологическими установками, ни даже стилем, которым излагались киноведческие премудрости. Самое удивительное, что в это время нашими союзниками были совсем не киноведы, а театроведы, филологи и отчасти журналисты: Майя Туровская, Инна Соловьева, Нея Зоркая, Юрий Ханютин... Люди, которые пришли из ГИТИСа, из университета, очень хорошо образованные, в отличие от нас, вгиковцев, довольствовавшихся «нахватанностью» и не очень фундаментальными знаниями в профессии. У нас замечательно преподавались история театра, история литературы, живописи, а вот киноведение было еще не вполне развитым участком общего искусствоведения. Во-вторых, конечно, мы были дети «оттепели». А люди, которые пришли в Госфильмофонд при его организации в 1948 году, были еще целиком детьми эпохи борьбы с космополитизмом и всего боялись: собственного мнения, фильмов, которые снимали. И мы вдруг стали обнаруживать то, что не похоже на «прописи» соцреализма. Тогда создавался знаменитый зеленый Справочник Госфильмофонда, каталог советских художественных фильмов, надо было заново писать аннотации, выверять фильмографию, и мы смотрели все подряд. В этом потрясающем прочесывании того, что было создано к тому времени, мы вдруг обнаруживали прекрасные фильмы, не упомянутые в истории кино, нигде еще не показанные, даже в самом Госфильмофонде. Время открытий. Наши старые товарищи называли нас «ревизионистами», и они были отчасти правы. Действительно, шла ревизия всех оценок, ревизия не только дефиниций и всякого рода эпитетов, которыми награждали наших формалистов – я имею в виду не только Довженко, Вертова, но и Оболенского, Медведкина, они ведь все ходили в формалистах. И нам приходилось заново создавать критерии, по которым можно было бы судить об этих фильмах. Это было основной темой наших диалогов. Большинство из нас жило тогда в Белых Столбах, где у каждого имелась комната в коммуналке. Но некоторые ездили в

Москву, и каждодневная электричка становилась семинарской площадкой, где шло обсуждение того, что мы только что увидели на просмотрах, когда обнаруживалась какая-нибудь новая замечательная картина. Это и была так называемая «белостолбовская школа киноведения». Мы никому другому не преподавали, мы себе преподавали. Учились заново, на ходу. Конечно, мы делали ошибки, мы далеко не сразу находили правильные критерии, не было даже вокабулярия. Но, к счастью, среди нас были люди, знавшие языки. Скажем, Мирон Черненко, который замечательно владел польским языком и читал нам польскую кинокритику. Польша была для нас окном в мир, самой свободной страной социализма. Мы учились у поляков. И надо сказать, Мирон сыграл огромную роль в том, что мы усваивали не только информацию, но и методологию критики. Позднее Демин и Черненко возглавили журнал «Советский экран» и очень изменили этот официозный журнал, издававшийся «Правдой».

– **Не могли бы вы рассказать о знаменитом «похищении» Вайды?**

– Эта почти анекдотическая история имела много последствий, которые были удивительны и для нас самих, и даже для всего киноведения. Мы, конечно, были потрясены фильмами Вайды. Сначала был «Канал», потом вышел «Пепел и алмаз», и его сразу объявили ревизионистским: «неправильно» трактовал роль Советской армии. Стремилась всячески опорочить и самого Вайду, и все направление польского кино. Фильм запретили показывать даже во ВГИКе. Мирон, который смог достать копию в польском посольстве, привез ее, и нам тайно показали ее на студии Горького. Мирон тогда решил, что будет писать о Вайде. Неважно, издадут это или нет. Это был вопрос чести. Он начал писать, и тут Вайду пригласили в Москву. Конечно, не Госкино, а Союз кинематографистов, тогда очень прогрессивная организация, добился его приезда. Но никаких контактов с ним не предполагалось. Мирон каким-то образом разузнал, что Вайда собирается посетить вдову Эйзенштейна Перу Моисеевну Аташеву, с которой мы как раз работали над шеститомником Эйзенштейна, каждый день приезжали помогать ей. А Вайда, еще будучи студентом, разрисовал все эйзенштейновское Ледовое побоище, чтобы понять, как устроена эта сцена. Он был хорошим художником и нарисовал все, кадр за кадром. Мирон обратился ко мне с просьбой: можно я как бы случайно зайду к Пере Моисеевне, когда там будет Вайда? Я должен взять у него интервью, я не могу пропустить такой случай. И вот в доме вдовы Эйзенштейна состоялось знакомство Черненко и Вайды, но поскольку у Вайды было очень мало времени, мы договорились, что встретимся с ним отдельно, но об этом не должен узнать Союз кинематографистов. Мы назначили встречу возле памятника Минину и Пожарскому, что Вайда оценил со свойственным ему чувством юмора, и пошли гулять по Москве, потом в Музей имени Пушкина. Попутно Мирон задавал ему вопросы. Почти весь день мы провели с Вайдой. А результатом этого длинного интервью стала книга Мирона, опубликованная издательством «Искусство», когда туда пришел работать Виктор Демин. К изумлению тех, кто объявил Вайду чуть ли не врагом Советского Союза, книга вышла в свет, и это стало началом очень интенсивных занятий польским кино во ВГИКе.

– **Каким бы космополитом художник ни был, национальная принадлежность всегда задает направление его творчеству. Евреев тянуло к полякам, не могло не тянуть – намагниченные неоднозначные связи на протяжении веков. Так, может, не случайно Черненко выбрал для своих многолетних исследований польский кинематограф?**

– Он родился на Украине, в Харькове. У Польши с Украиной редко когда бывали безоблачные отношения, но они никогда не прерывались. В Харькове, хотя это не Западная Украина, было очень много людей, знавших польский язык. И Мирон знал польский еще до поступления во ВГИК. Насколько мне известно, исторически семья Мирона происходила из Польши. У них был культ польского менталитета. Даже антисемитизм, укоренившийся в определенных кругах польского общества на довольно продолжительное время, не изменил их семейного отношения к полякам. Тут надо еще сказать, что в Польше до начала второй мировой выходило немало фильмов на идише, которых не было у нас в России в советское время. А идишская культура на Украине проявляла себя куда ярче, чем в России. Думаю, это тоже сыграло свою роль.

– Почему Мирон Маркович не составил себе сценарной карьеры? Ведь тандем Виктор Демин – Мирон Черненко мог рассчитывать на сценарное счастье. А некоторые статьи самого Черненко напоминают тексты Борхеса, соединяющие в себе несколько жанровых определений.

– Отсутствие перспектив затрудняло их путь к сценарному ремеслу. У них практически не было надежд на то, что фильмы по их сценариям когда-нибудь выйдут на экраны: советское кино было производством с тройным контролем, отслеживалось буквально все. К тому же его литературный дар реализовался в кинокритике, в этой сфере одним из первых обнаружив силу слова. Своими блистательными эссе Мирон взламывал стиль нашей официозной критики, по старинке раздававшей кому «больше», кому «меньше». Чего всегда избегал Мирон. Он всегда старался объяснить фильм словом и испытывал искреннюю радость, когда ему это удавалось – удавалось выразить словом свое отношение к фильму. Мало кто знает, что Мирон был еще и поэтом. Он редко читал свои стихи и никогда не издавал, но, думаю, у него есть что отобрать на книгу.

ЕГО РАБОТЫ БЫЛИ ДЛЯ ВСЕХ НАС КАМЕРТОНОМ

Àdi áí Ī ääääää, èèí íááá, íðíóáññð

– Мы привыкли слышать: культовый писатель, культовый режиссер, культовый фильм, а может быть культовым кинокритик, киновед? Мирона Черненко можно назвать культовым киноведом?

– Я понял ваш вопрос так: равнялись ли мы на него? Безусловно. Но тут следовало бы отметить, что Мирон появился в киноведении уже сложившимся

человеком. Бескомпромиссное пастернаковское «во всем дойти до самой сути» – это про него, это о нем. И именно поэтому то, что он делал в киноведении до самой своей кончины, дорогого стоило. А его работы всегда были для нас своеобразным мерилom, камертоном. Благодаря Мирону мы знали, к чему стремиться, знали, где высота. Вот его уже столько лет нет с нами, а мы помним Мирона, и не просто как хорошего человека, верного товарища, но прежде всего как эталон профессии. Да, его можно назвать «культовым киноведом».

– Мирон Маркович бесспорно был человеком литературно

одаренным, это видно и по его книгам, и по многочисленным статьям, зачастую, как мне кажется, очень специальным, цеховым, где простор для литературных изысков не предусмотрен, зато всегда найдется место для точного слова, емкого определения. Оно понятно: по первой профессии юрист, по второй – сценарист (окончил ВГИК). Почему в итоге Черненко стал кинокритиком, исследователем кинематографа, почему при таких задатках отказался от кинотворчества? Не сыграл ли тут свою роль пресловутый «пятый пункт»?

– «Пятый пункт» во времена, когда Мирон начинал, играл свою мрачную роль во всех сферах, в том числе и в кино. Но это ли стало определяющим фактором в выборе Мирона? Я не уверен. Просто у него хватило трезвости, таланта, чутья, чтобы найти свою дорогу, свое призвание. Его поле – кинокритика.

Он был не просто кинокритиком, раздающим оценки направо и налево тем или иным произведениям в этой сфере, он был первооткрывателем. Я думаю, открытие Миронem фильма Михаила Дубсона «Граница» стоит многих его ненаписанных сценариев. Это он первый открыл, оценил и ввел в киноведческий обиход эту киножемчужину. А чего стоит его книга об Анджее Вайде. И все его работы отмечены блеском прозы. (Перечитайте, к примеру, книгу о Фернанделе.) «Пятый пункт» или «десятый», он все равно бы играл на своем поле. Его полем была кинокритика. И на этом поле мало кто мог с ним сравниться.

– В рецензии на книгу Мирона Черненко «Красная звезда, желтая звезда», которую сегодня можно назвать главной книгой автора, Наум Клейман писал: «Этот труд – первый из задуманного им многотомного цикла “Кинематографическая жизнь европейского еврейства”». Вы как товарищ и Клеймана, и Черненко можете знать, осталось ли что-то за бортом этой книги?

– Ничего не могу вам сказать. Просто не знаю. Понимаете, Мирон был человеком широкой души, широкого мировоззрения. Об этом можно судить хотя бы по его интересу к польскому кинематографу, монгольскому, израильскому... В кинематографе кроме пошлости его интересовало решительно все. К тому же нельзя упускать из виду, что Мирон был человеком чрезвычайно чутким. К примеру, зная о Польше практически все, он никогда не давил своим авторитетом, своей осведомленностью. Я помню, как он для себя и для нас раскрывал тайну Катыни. Как менялись он и мы от момента неизвестности до убежденности в том, кто истинный виновник этой трагедии.

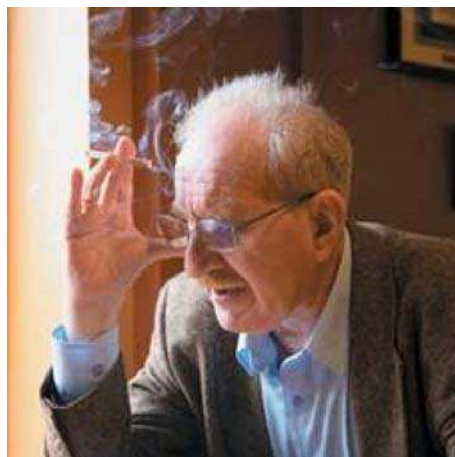
Его книга о еврейском кинематографе – это объективная реальность советской страны, в которой было очень много талантливых, ярких, а порою гениальных людей, представителей еврейского народа. И Мирон со своими проникновенностью, кругозором и дальновидностью не просто уловил, как работали кинотворцы на той или иной киностудии, не просто проследил и отметил их творчество на протяжении восьми десятилетий, он открыл внутренние, глубинные связи, долгое время остававшиеся под спудом. Был ли у него еще материал? Почему нет? Раз он однажды открыл эту национальную доминанту в своем творчестве, наверняка продолжил бы заниматься этим.

– На вопрос журналиста: «Как вы считаете, существует ли такое понятие, как “еврейский менталитет”» Черненко ответил: «Знаете, это есть, но объяснить это никто не может. Оно очевидно, но оно не рационально. Я замечал в себе такие вещи, которых не должно было бы быть. Они носили характер абсолютно подсознательный. <...> На самом деле я этого и сам объяснить не могу». А какие еврейские черты «очевидные, но нерациональные» вы подмечали в Мироне Черненко?

– Эти черты я начал подмечать с возрастом. С годами Мирон стал походить на такого колоритного шолом-алейхемовского персонажа, к образу которого можно было бы прибавить и изящное грассирование, и острый глаз, и блистательный язык, и юмор, и широкое интернациональное мышление. Если все это можно счесть составляющими характера еврейской нации, остается только поздравить весь еврейский народ.

КИНЕМАТОГРАФИСТЫ ТОЙ ПОРЫ БЫЛИ ПОЭТАМИ

Àááá èé Ì ààãèèò, èèíîáá

– Армена Медведева, Наума Клеймана, Мирон Маркович действительно был романтиком-шестидесятником. Чего лишился наш кинематограф с уходом романтической эпохи, ярким представителем которой был Мирон Черненко?

– С той поры сменился предмет кинематографа. В 1960-х им было переживание наличной реальности как чуда – в кино тогда в первую очередь шли за этим, а уж потом за развлечением. Кинематографисты той поры были не просто романтиками – они были поэтами. И люди, писавшие о кино, – в том числе. Кино Феллини, Курасавы, Хуциева, Вайды невозможно описать адекватно ни языком

журналистского обзора, ни языком академическим, не говоря уж о языке референтов идеологического отдела ЦК КПСС. От текстов шестидесятилетней кинокритики голова кружилась не меньше, чем от фильмов, которые в них описывались. Потому что она воспроизводила прежде всего образ фильма и только через него – смыслы. Кстати, кинокритика как полноценный вид художественного творчества сначала прошла через мощную традицию критики театральной: Зоркая, Туровская, Ханютин, Соловьева, Шитова – это все был ГИТИС. Затем – литературной – через филфак МГУ (Анненский, Турбин). У киноведов-вгиковцев этой школы не было до середины 1960-х, пока не появились статьи и книги Демина, Клеймана, Липкова. И первым в этом собственно киноведческом ряду был именно Мирон Маркович. Г-споди, какой же это был летящий стиль!

– **Говорят, что Мирон Черненко не оставил после себя учеников, что своим капитальным трудом «Красная звезда, желтая звезда» поставил жирную точку в исследовании еврейского кино советского периода. Правда ли это?**

– Что значит «не оставил после себя учеников»? Тут ведь вопрос в том, чему можно было у него научиться. Киноиудаика? Так ведь сфера его интересов в кино ею никак не исчерпывается. А первая на русском языке монография о Вайде?! А книга о югославском кино?! Я уж не говорю, скажем, о его «Фернанделе» – с него начинается у нас пересмотр отношения к кино как массовому зрелищу. Эта книга излечила многих от высокомерного отношения к масскульту. А его портрет создателя «Границы», совершенно забытого к началу 1970-х Михаила Дубсона (из этого текста практически и выйдет впоследствии «Красная звезда, желтая звезда»), – это просто образец того, как смотреть старое советское кино и как писать о нем. Да и «Красную звезду...» стоит рассматривать скорее как жирное многоточие – тут очерчен круг, подлежащий дальнейшему исследованию, и в этом ее главная ценность. Наверняка мимо нее уже не пройти никому, кто займется этим материалом. Учились у него, учились! И я себя его учеником считаю. Но прежде всего учились, если угодно, письму. Почерку. Этой способности мимоходом – в придаточном предложении! – дать характеристику явлению, тянущую на монографию. Никогда не забуду выражение в статье о Дубсоне: «застенчивый трагизм “Украины”». Вот это для меня эталон!

– **Что есть «еврейское кино»? Попадают ли в эту достаточно расплывчатую категорию (о расплывчатости ее, кстати, писал Мирон Маркович) фильмы, снятые не евреями, но на еврейскую тему, например «Папа» Машкова?**

– У Ильфа и Петрова в «Золотом тельне» мистеру Хираму Бурману объясняют, что в СССР евреи есть, а «еврейского вопроса» нет. Сегодня ситуация повторяется с точностью до наоборот: евреев в том, традиционном, смысле – как носителей культуры идиша – нет, а вопрос остался. Еврей в классической русской культурной традиции – метафора. Метафора изгойства. Вот это, цветаевское: «В сем христианнейшем из миров / Поэты – жида». А интернационалистский пафос подавляющего большинства классических советских фильмов на еврейском материале исчерпывается известным анекдотом: вождь каннибалов обращается к племени: «Племя, я говорил вам, что евреи такие же люди, как и все?» – «Да, о вождь!» – «Так какого хрена вы их не едите?»

– Он был президентом Гильдии киноведов и кинокритиков России, председателем Экспертного совета премии «Золотой овен», заведом европейского кино НИИ киноискусства. Все это руководящие должности, не только отбирающие время, но и требующие жестких, бескомпромиссных решений и «политических» уступок и еще многого из того гадостного, что человек сначала носит, а потом уносит с собой. По отзывам людей, хорошо знавших Мирона Марковича, он не был наделен качествами минкультовского чиновника. Как удавалось ему совмещать вещи несовместные: и в небе парить, и по земле ходить?

– Ответ на этот вопрос, по-моему, напрямую вытекает из ответа на вопрос первый. Это поколение критиков 1960-х объединялось на почве ЛЮБВИ к предмету. Не сообщество, но братство рыцарей Прекрасной Дамы. Дух этого цехового братства спаял организовавшуюся под его эгидой Гильдию киноведов и кинокритиков, он еще и сегодня не до конца в ней выветрился. Хотя, повторяю, предмет кинематографа сменился – в нынешнем состоянии он предмет анализа, обзора, средство для заработка, наконец, но любить эту продукцию для одноразового использования?.. Вообще, что выделяло, по-моему, Мирона Марковича, – он превыше всего ценил сам процесс проживания жизни, и киноведение, критика были для него разновидностями жизнедеятельности среди прочих. Общения, например, – общаться с ним всегда было праздником с фейерверком. Втискивать себя по максимуму в свои тексты он и не стремился. Академической мудрости предпочитал житейскую – потому и был подлинным мудрецом, живым. Этому не научишься. А хотелось бы.

ОН НЕ ВВЯЗЫВАЛСЯ В РАСПРИ

*Υέεα Ι εὐεία, εαί αεάαὸ εἰεῦνῶ αἰ αααί εῖ, ααὸ ἰδ ε ἰ δῖαβῖαδ
αἰ εὐὶ αἰ ὀ αεῖῦ ἰδ ὀ εεῖῦ ἰα ε ὀ αεῖῦ δῖαδῖ ἰ*

– аша страна по-прежнему разделена на «красных» и «белых», на «жидов» и «нежидов». Отечественный кинематограф – зеркальное отражение поделенной страны: «жиды» – циничные демократы, продюсеры с бабками, «нежиды» – гвардия Н.С. Михалкова, как бы отстаивающая национальные ценности. Как бы вел себя в этом противостоянии Мирон Маркович, пошел бы, к примеру, на передачу Гордона, «бодаться» с Михалковым и компанией, или отыскал бы другой способ разрешения конфликтной ситуации?

– Я не знала близко Мирона Марковича. Нас связывали взаимная симпатия и мое к нему величайшее уважение. Я часто просила его рассказать о том или ином кинематографисте или фильме, особенно если готовила к публикации какой-то материал. Мирон Маркович был человеком энциклопедических знаний и всегда готов был ими поделиться. Но, судя по поступкам, которые он совершал, по тому, как он никогда не ввязывался ни в какие внутрисоюзовские распри (я имею в виду Союз кинематографистов), и всегда был в стороне от любой коверной и подковерной борьбы, как и положено настоящему интеллигенту, думаю, он и сегодня был бы с теми, кто делает что-то настоящее, а не занимается дележом денег, должностей и портфелей. Пошел бы он к Гордону? Наверное, если бы это спасло дело, за которое он нес ответственность. Хотя что можно сказать за другого человека? За себя-то и то не всегда можно сказать наверняка. Но все-таки наше время резко поменялось в сторону ожесточения. Каково в нем было бы такому романтику, как Мирон Маркович, – даже страшно себе представить.

– **книге «Красная звезда, желтая звезда» Черненко провел полновесное исследование восьми десятилетий еврейского кино в СССР. Закончил свой труд словами: «Сегодня, в самом конце двадцатого столетия, привычная еврейская проблематика на российском экране, судя по всему, исчерпана. Это не значит, что у нее нет будущего, но будущее это зависит уже не столько от желаний или потребности кинематографа, сколько от реальной ситуации еврейства на российской земле». Что сегодня происходит с еврейским кинематографом на российской земле, какова его плотность на экране, в чем отличие от советского и постсоветского?**

– Фильмов, посвященных проблемам еврейского народа, никогда не было много – ни в советское время, ни в наше. Во-первых, потому, что мы живем все-таки не в еврейском государстве и доля еврейского населения мала по сравнению с остальными народами, хоть евреи и вынесли в своей жизни стократ больше любой нации. А во-вторых, желание режиссеров обращаться к таким темам связано с их интересом к данной проблеме. Такие фильмы, я убеждена, будут все-таки появляться, и наличие их будет связано не с возможностью снимать и показывать (в смысле цензуры ситуация теперь во много раз лучше, чем прежде), а только лишь с желанием кинематографистов обращаться к этой теме.

– **Что связывает русско-еврейский кинематограф с израильским?**

– Связывает кинематографистов Израиля и России, как мне кажется, только желание исследовать тему еврейства. Не являясь большим знатоком израильского кино (я, скорее, знакома с работами местных документалистов), могу отметить, что у израильтян больше возможности развивать эту тему. Хотя бы потому, что в стране, состоящей из сплошных эмигрантов – «поляков», «французов», «русских», «румынов», «венгров», «марокканцев», можно найти множество людей, переживших те или иные драматические моменты в жизни еврейского народа, и каждому есть что рассказать. Сама страна, ее атмосфера, сотни сплетенных невероятных человеческих судеб дают такую пищу для кинематографистов, что здесь грех не снимать, и вряд ли когда эта тема иссякнет на Святой земле. Но кинематограф Израиля еще очень молод, он только переживает период своего становления, хотя в последнее время все увереннее заявляет о себе на различных мировых конкурсах и кинофестивалях. Российский кинематограф, как и русская литература, тяготеют к психологизму, израильтяне же предпочитают фактическую сторону дела.

– **Каков он, сегодняшний еврейский киногерой, на экране?**

– Российские евреи давно интегрировались в российскую действительность, и у нас трудно найти прежнего затюканного еврея шолом-алейхемовского типа. Именно поэтому невозможно, например, показать на экране «типичную еврейскую семью». Чем она будет отличаться от «типично русской»? Да ничем. Еврей, каким он был в прежние времена, остался только в анекдотах или в воспаленном мозгу антисемитов. Так открыто и определенно показывать еврейского героя со всеми его комплексами и заморочками, как это делает Вуди Аллен, у нас пока никто не смог. Почему? Скорее всего, нет личности, подобной Вуди Аллену, и нет, повторяю, такой специфичной еврейской обособленности. Фильмы, снятые у нас на еврейскую тему, можно пересчитать по пальцам. И это, как правило, картины, рассказывающие о прошлом. Могу назвать «Тяжелый песок» Антона Борщевского (по роману Анатолия Рыбакова), «Любку» режиссера Станислава Митина (по повести Дины Рубиной). Но все равно, евреи в этих фильмах показаны не для того, чтобы поговорить о еврейской идентичности, а для того только, чтобы рассказать об общечеловеческих ценностях. О том, как вообще ведут себя люди в экстремальных ситуациях, требующих от них выбора и ответа на вечный вопрос: «Как остаться порядочным человеком в непорядочных условиях?»

У Кортасара есть замечательный рассказ – «Мы так любим Гленду», герои которого очень напоминают «белостолбовских кружковцев» с привкусом несправедливости и бунта во рту: «Чудовищной была поломка отлаженного механизма, реальность цифр и престижа, всех этих “Оскаров”, от которых наш, с таким трудом обретенный рай дал опасную трещину».

В каком-то смысле Гленда – весь кинематограф, которому герои предлагают последнее нерушимое совершенство.

В 1956-м во ВГИКе Черненко отрекомендовался Науму Клейману «немедленной репризой»: «Черненко. Честное еврейское». Сказанное летучей коридорной шуткой в какой-то момент обернулось смыслом всей жизни этого незаурядного человека, творчество которого нам еще предстоит оценить.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

ТЕОРИЯ ВСЕГО, ИЛИ ПОДКАБЛУЧНИК

Àðñí Ðáááçíá

Ýòí áúëí

â æ à ð é é é è è ù ù ù ù é é á á í ù

éí ñá

áí éí ò à ñ ð ÿ ò,

éí ñá

ç à æ é ñ á ò ñ ÿ á ñ í

î ò í á í ñ á ç æ ÿ á á

«Í î ÷ í ú á ñ á é í á ð ù»

Так получилось, что у меня не получилось уехать к чертовой матери от этой демо-версии ада, от стихийного бедствия, навесившего наши северные широты, от большого оранжевого диска солнца, на который можно, хоть и противно, смотреть в полдень. Противно не потому, что солнце, а потому, что от дыма слезятся глаза, портится настроение, катар верхних дыхательных путей, и поэтому ты вынужден все время многозначительно покашливать. От дыма вообще ничего не хочется, кроме как прокашляться и послать всех на...

Я не уехал: на работе завис проект, и несколько наших несчастных партнеров, заложников мировых корпораций, вынуждены были вместе со мной зарабатывать какие-то странные дымные деньги. Все в бело-голубых масках.

Офисный планктон должен фильтроваться через воздушно-марлевые повязки, как-то подумалось мне. Додумать мысль (что должно оставаться в качестве фильтра) было лень.

Несколько дней я утешался мыслью о личном героизме и неподверженности панике, а потом принял.

Маску не носил: на работе кондиционер, дома кондиционер, в машине кондиционер. Да и хрен с ним, с дымом.

У меня в квартире поселился беженец из Зюзина, мой друг Аркан. У него в квартире кондиционера не было, машины у него не было, как таковой, впрочем, она была ему и не очень нужна, так как работы у него тоже не было.

Аркан зарабатывает литературой с примесью сценаристики. Как такое в наше время возможно, один Б-г знает, но как-то возможно.

Ну и отлично. Аркан с ноутбуком, я с ноутбуком, я уйду на работу, ненадолго по возможности, Аркан иногда выбегает в магазин и обратно – нормальная такая летняя жизнь. По вечерам, благодаря Аркану, часто приходят гости, симпатичные умные девушки. Ну, то есть когда как, но иногда и симпатичные. Аркан им нравится. Умные разговоры, вплоть до гомосексуальных мотивов в средневековой раввинистической поэзии (честное слово, Ибн-Гвирилем клянусь). По выходным возникает легкое желание все-таки исчезнуть из адского дымного города, но особо некуда, да и лень. В конце концов, тут кондиционер, а на дачах-то не очень...

И вот одним сумасшедшим вечером приходит одна из поклонниц Аркана, девушка с русой косой по имени Тома, ну, может, поклонница не самого Аркана, но по крайней мере его таланта, и рассказывает душераздирающую историю.

У ее подруги, Вали, четыре дня назад пропал муж Адриан. Совсем пропал. Мобильник выключен. Домой не приходит. Друзья не в курсе. Дромомания исключается. Запой исключается. Любовницы исключаются. Больницы и морги исключаются. Милиция ленится принять заявление, говорит, сам найдется. Ну как иметь дело с милицией, это я понимаю. Что делать? Подруга в полном... (mmm... как это будет вежливо?) офигении.

– Да, – говорю я серьезно и значительно. – Детектив. Ну что ж, зови подругу. Кем, кстати, ее муж работает?

– Финансовым аналитиком в банке. Или кем-то в этом духе. Эксперт по бирже.

– А она?

– Экономистом в Министерстве ядерной энергетики на полставки. А так дома сидит.

– А что она делает дома? Готовит, стирает, гладит любимому мужу?

– Не, муж до фига зарабатывает, поэтому стирает-то домработница, а то и вовсе стиральная машина, но, в общем... может, и готовит...

– Круто. Зови подругу. Мы с Арканом открываем частное детективное агентство. Условия такие: мы ей возвращаем мужа, а она нам передает секретные технологии. Точное устройство атомной бомбы. Или нейтронной. Технологии мы продаем какой-нибудь недоразвитой стране за бешеные деньги. А что страна с этой бомбой сделает, нам, честно говоря, уже все равно. Годом раньше наступит конец света или годом позже – неважно. По сути, – я показываю на окно, – он уже наступил. А настоящих больших денег мы так еще и не видели...

– Ладно, – говорит подруга, – насчет технологий вы сами с ней договаривайтесь. Меня в долю брать не надо. Сколько бы там времени до конца света ни оставалось, я его хочу прожить спокойно. Так я ей звоню?

– А она симпатичная?

Тут вмешивается Аркан:

– Ты когда-нибудь видел несимпатичных ядерных экономисток?

Я (довольно робко):

– Нет... но я вообще...

– А ты можешь себе вообразить?

Я (стесняясь):

– Ну, вообразить...

Аркан (твердо):

– Зови Валю. Нам интересно.

Я (вежливо):

– Главное, скажи, что мы хотим ей помочь, (в сторону) если она симпатичная. Потому что ладно большие деньги... Большой любви мы тоже не видели.

Аркан (укоризненно):

– Между прочим, мы хотим ей помочь вернуть мужа.

Тома звонит, Валя едет.

Пока Валя едет, я прошу Тому ввести нас в курс дела. Что за семья, что за люди и вообще. Детектив так детектив.

Валя из рассказа Тома выглядит идеальной (с Томиной точки зрения) женщиной: твердая, уверенная в себе, жесткий администратор, прирожденный семейный лидер. Муж, с ее точки зрения, тоже идеален, а с моей – он несчастный подкаблучник, души в жене не чаёт, жить без нее не может, ну и боится ее по полной, хоть и гений.

Муж по образованию физик-теоретик, зарабатывает миллионы в прямом смысле головой – делает для банка расчеты по динамике стоимости ценных бумаг и не ошибается. Но это-то ладно. Подумаешь! У меня тоже на работе талантливый планктон попадает. У мужа есть хобби. И не слабое. Оставшееся с физтеховских времен. Он ищет Теорию Всего.

Насчет Теории Всего я, кстати, все понимаю. То есть я понимаю, как корпоративная тоска сводит с ума. Не всех, конечно, но лучших. И что забавно, не

все, слава Б-гу, в отчаянье от нее готовы сойти с черной трассы на свободный снег. А что такое бейсджампинг^[1], вообще мало кто знает. И это прекрасно, что хоть кто-то хочет в свободное от корпоративной работы время думать, а не разбиваться на парашуте.

Думать – если на правильные темы – тоже очень опасно и интересно. Хотя риск не такой мгновенный, конечно. Но кто считает.

Теория Всего, как оказалось в понимании Адриана (и интерпретации Тому), – это совсем не объединение ясной и понятной (всем, кому интересно) Теории Относительности с сумасшедшей и непонятной (любому честному и образованному человеку) Квантовой Теорией – нет.

Это круче. Адриан считает, что сегодня перед человечеством стоят Три Принципиальных Вопросы, до которых не дотянулись руки современной науки, пилящей гранды то на СПИД, то на нанотехнологии. Три Вопросы, степень проработанности которых сегодняшним человечеством, мягко выражаясь, крайне низка.

Мы немного скептически начинаем слушать Тому, потому что, с одной стороны, у нее, как я уже сказал, русая коса, но с другой – она сокурсница Адриана. Собственно, с Валею она и познакомилась через него. Так что кто тут чья подруга, надо еще разбираться.

Вопросы такие:

1) Происхождение Вселенной. (Уровень сегодняшнего понимания, по словам Адриана, может оцениваться пессимистами в 5%, оптимистами в 15%, и то только в том случае, если теория струн верна.)

2) Происхождение жизни на Земле. (5% понимания – максимум.) И то за эти 5% спасибо Дарвину, который развитие жизни худо-бедно объяснил, а происхождение не смог. И первичный бульон академика Опарина – это, понятное дело, детский сад.

3) Происхождение сознания. (0,5%–1,5%.) С уточнением, обладают ли домашние кошки сознанием как неизбежной частью глобального дискурса или нет.

В общем, синтетическим ответом на эти три вопроса и будет являться Теория Всего, над которой работает Адриан в свободное от работы время, и времени у него свободного, как я понимаю, до фи́га, потому что на работу он ходит через два дня на третий или как-то так.

Словом, нам уже хочется, чтобы муж поскорее нашелся, чтобы выпить с таким уважаемым и интересным человеком.

Через сорок минут Валя у нас. Не сказать, чтобы заплаканная, но явно на взводе. И кстати, ничего себе. Худая брюнетка. Каре. Зако́с под Лилию Бри́к. Очень большие глаза. Фигура... Правильная такая фигура. Точеная. Я бы поставил за фигуру твердую четверку и сходить по ней с ума, наверное, не стал бы, но я же не финансовый гений. И не физический.

Мы познакомились и сели пить чай за индийский журнальный столик с вырезанными безвестным индийским гением сценами из «Камасутры». Сцены под толстым стеклом, иначе на стол ничего не поставит. Мы с Валею на стульях, Аркан с Томой на диване.

За чаем Валя рассказала, как исчезают мужья. Ушел четыре дня назад около двенадцати, когда она уже спала, ушел за сигаретами, как она думает (в доме не было сигарет, из его вещей исчез только бумажник). Тут же милиция, то-се. Никаких происшествий, следов происшествий, ничего. К полудню отрицательный ответ из всех больниц, «скорых помощей» и моргов...

- Надо бы продублировать, – умно заметил я.
- Уже. Вчера продублировала.
- Утонул? – по-доброму заметил Аркан.
- Прекрати, – вмешался я от подобной бестактности, – ты бы еще про самоубийство спросил. А что он взял с собой?
- То, что берут, идя за сигаретами. Ключи, деньги.
- Паспорт дома?
- Оба дома.
- Понятно. Денег много?
- Не знаю. Бумажник. Да, много. Но я не залезала.
- Хм... а какое у него настроение было вечером?
- Нормальное. Как у всех в этом дыму. Немного замученное, немного раздраженное. Но ничего особенного.
- Хорошо, – сказал я. – Давайте анализировать. Два варианта: он знал, что уходит надолго, или не знал?
- Один вариант. Он не знал. Все серьезные деньги, все документы остались дома. Зубная щетка. Аптечка. Маленький чайник, чай. Я даже белье и носки проверила. Все на месте. Все сумки и чемоданы... И темные очки. И ноутбук...

Она говорила резким, немного уставшим голосом. Фразы звучали заученными. Я объяснил это тем, что на все вопросы она, очевидно, отвечает далеко не в первый раз. И придумал спросить что-нибудь необычное:

- А он в маске ушел?
- Что? А, нет, без маски. Он ее редко носит.

Я немного удивился, хотя сам пока не понял чему, и задал еще один пришедший в голову вопрос:

- А может, у него... какая-нибудь личная история?
- Какая еще личная история?! – в голосе Вали послышалась угроза.

Я испугался и решил закрыть тему, но Аркан, очевидно, не различал оттенков женских интонаций.

- Может, у него роман? Ну, сорри за такую постановку вопроса...

Какое там сорри. Ярость бешеной львицы, поза гремучей змеи перед атакой, в общем, настроение большого, уверенного в себе животного, у которого значительно меньшее, обнаглевшее существо собирается отнять детенышей. Большие глаза ее открылись до размеров, соизмеримых с видимой частью Вселенной, она молниеносно оторвалась от стула и перелетела к Аркану, зависнув над ним и распахнув руки. Еще секунда, и десять остро отточенных ногтей должны были вонзиться в глаза, щеки и губы моего бедного друга.

Аркан не смог даже отодвинуться, так как сидел в углу дивана. У меня пропал дар речи, у Тома, судя по всему, тоже. Немая сцена на пару секунд. Первой пришла в себя Валя. Она убрала когти, передохнула и вернулась на стул.

Я только начал переводить дух, как она со всей силы ударила кулаком по стеклу стола. Если б стекло было тоньше, оно бы точно грохнулось. А так все ограничилось взлетевшими чашками с чаем.

- НЕ НАДО МНЕ ЗАДАВАТЬ ТАКИХ ВОПРОСОВ.

– Ну, понимаете, – виноватым голосом заговорил я, вооружившись тряпкой (подавляет все-таки сильная личность – ничего не поделаешь, даже в твоей собственной квартире подавляет), – нам же надо за что-то зацепиться. Ведь если его похитили – а я так понимаю, вы в этом уверены (Валя не кивнула, но сделала легкое движение головой, «невозражение»), – то это могло быть связано как с работой, то есть деньгами (я чувствовал, что запутываюсь), так и с его увлечением, то есть с этим вот хобби, ну, с созданием этой теории, как там она называется...

Ледяное молчание. Презрение. Б-же мой, на что вообще мы подписались. Что тут делает эта мегера?

– Ноутбук, – вдруг сомнамбулически произнес я. – Вы сказали, дома остался его ноутбук.

Это был выстрел в десятку. Страйк.

- Ноутбук, – медленно произнесла она.

– Вот, – сказал я обрадованно. – Ноутбук. Может, в нем какая-нибудь информация? Он запаролен?

– Запаролен. Поэтому-то я здесь. Мне нужно открыть ноутбук. – Она так и сказала – «открыть». – Вы же программисты, – она кивнула на Тому (я не слышал, что ей Тома про нас рассказывала). – Или как-то связаны с компьютерами. Вы умеете?

Аркан выжидательно замолчал, глядя на меня. Я не растерялся (о чем вскоре пожалел).

– Мы не умеем, – сказал я веско. – Но мы можем найти людей, которые умеют.

– Хорошо. – Она почти смягчилась. Царственно так смягчилась. Брр... – Тогда как мы поступим?

В голосе ни отчаяния, ни просьбы, ничего. Обычный разговор царицы с подданными. А коготки еще блестят... Или уже все, потухли?

– Ну, оставьте нам ноутбук. – Вот тут я начал жалеть, потому что связь моя с программированием была весьма опосредованной, соответственно, никаких таких знакомых у меня и близко не было.

– Не могу оставить. Могу прийти с ним к человеку, который будет подбирать пароль. Там может быть личная информация.

Она постепенно начала меня развлекать. То чуть Аркана не съела. Теперь выясняется, что когти когтями, а пропаша мужа для нее какая-то математическая задача.

– Ну поймите, Валя, – начал было объяснять я, – на таких условиях не все согласятся работать. В конце концов, подбор пароля может занять длительное время.

– Сколько?

– Откуда я знаю сколько! Я же их не подбираю. У вас «Мак»?.. Наверное, еще зависит от пароля... Я не знаю. С другой стороны... – У меня блеснула мысль, как соскочить с этой дурацкой истории. – О'кей, забирайте ваш «Мак» с собой, как

только я найду людей, которые готовы за это взяться, я с вами свяжусь. Договорились?

– Договорились, – довольно безразлично произнесла она. – Объявите этим людям, что премия будет большой.

– За пароль? Или за находку мужа?

– За пароль, подобранный в течение полусуток.

– Понимаете, Валя, для разных людей понятие «много» в отношении денег будет разным...

Я решил перевести разговор.

За окном дым, начало ада, 451 градус по Фаренгейту, а у нас в квартире уютно и прохладно. Есть чай и виски. Мы впустили к себе несчастную жертву, а она оказалась царицей. Готова швыряться деньгами. Хотя если она в стрессе, ради любимого мужа...

– Вот, например, четверо детей – это много. Или даже трое. И то в России. А где-нибудь в Израиле... У вас есть дети?

– Десять тысяч долларов – это много?

– Да, – задумался я, немного удивившись. – Нет... Это нормально. Нормальные деньги, – немедленно поймал на себе взгляд Аркана: «Отлично держишься, старик!» и ободренно продолжил: – А что все-таки с детьми?

– У нас нет детей. Так вы беретесь за работу? Я, разумеется, требую полной конфиденциальности. И сроки. Я их назвала.

Б-же мой, да кто ты такая, чтобы что-то от нас требовать? Еще и в конкретные сроки!

– Хм, честно говоря, мы рассчитывали помочь вам совершенно бескорыстно, но, поскольку вы сводите свою потерю к некоторой программистской проблеме с неясным этическим подтекстом, мне нужно посоветоваться с моим другом и партнером.

– В чем неясный этический подтекст?

– Вы предлагаете взломать чужой компьютер.

– Но у меня пропал муж. Вы понимаете, что это такое?

– Кому он нужен, ваш муж?

– Вы знаете, чем он занимается?

– Немного. Со слов Тома.

- Вы понимаете, что за ним охотятся все разведки мира?!
- Он уже что-то успел открыть?

Она молча кивнула.

- И результаты этих открытий находятся в ноутбуке?

Она кивнула еще раз.

Я поднялся, кивнул Аркану, и мы прошли в кабинет. Я тщательно закрыл дверь (она у меня кривая), потом так же тщательно открыл ее, вернулся на кухню, взял бутылку виски, лед и два стакана, пообещал девушкам, что мы ненадолго, минут на десять-пятнадцать, предложил самостоятельно пользоваться холодильником и баром и, нагруженный, вернулся к Аркану.

- Что скажешь? – спросил Аркан.
- Дура, – сказал я. – Набитая. Врунья. А еще атомщик-экономист. Ревнивая дура. Мужа жалко.
- Почему дура?
- Обратись в любой маковский сервис-центр, скажи, что забыла пароль к своему ноутбуку, а диск форматировать не хочешь, потому что у тебя там архив драгоценных детских фотографий. И всех дел – на тридцать долларов. Ну на сто. И не полезет он смотреть твои икс-файлы. На хрена они ему нужны? У него своих дел хватает, чтобы по бабским компьютерам лазить. Так-так, ну-ка постой...

Я сел за свой «Мак» и набрал в Яндексe: «сломать пароль на Маке». Сотни ответов. Самый простой – вставить инсталляционный DVD-диск и загрузить компьютер с него. Но можно и без диска. Чуть посложнее, но всех дел минут на пять. Я показал страницу результатов поиска. Аркан оживился:

- Хм... Можем разбогатеть на десять тысяч долларов. Можем открыть тайны Вселенной.

Я поморщился. Десять тысяч за то, чтоб подставить гения под жену, – плохая карма. Тайны мира, постигнутые таким образом, – совсем плохая карма.

Что же все-таки случилось с Адрианом?

- А что же все-таки с Адрианом? – откликнулся на мои мысли Аркан.
- Ушел от ревнивой дуры.
- С чего ты взял, что она ревнива?
- Она тебя только что чуть не изувечила.
- Думаешь, из ревности?

- А из чего?
- Хм... А почему врунья?
- Аркан, ты можешь четко посчитать, сколько у тебя носков и трусов? И проверить, что ни одни трусы не исчезли?
- Не уверен.
- Вот именно. А она якобы может. Причем не свои, а мужа. Еще б сказала: «Все на месте, за исключением тех, что были на нем в день исчезновения». Хотя, заметь, у них домработница, у тебя нет. Значит, врет. Может, и паспорта исчезли, и что угодно...
- Ну, аргументы так себе. А зачем он тогда ноутбук оставил?
- Хм... Это, конечно, вопрос. Ноутбук я бы взял с собой. Но, может, он потер с него все, перед тем как слить... Короче, мне Валя не нравится. Ей хочется сказать «нет», но как-то не выходит. А вот ее мужик мне симпатичен. По крайней мере, ломать его ноут мне как-то не улыбается.
- Ты думаешь, он жив и здоров?
- Как мы с тобой.
- А почему, ты думаешь, он исчез?
- Я же говорю. Задолбался. Захотел создавать Теорию Всего в одиночестве.
- А почему не сказал – так, мол, и так... Ухожу, извини, надоела ты мне, дорогая, хуже горькой редьки?
- Мне кажется, он ее побаивается. Она же мегера вылитая. Как скажет ему: «Ты что тут вообще удумал? Куда ты без меня денешься?», а потом еще всплакнет... Он и остается. Боится ее обидеть...
- Но это ведь психология семейных пар. Откуда ты знаешь, что его не убили, не похитили? Денег у этой семьи до хрена, раз только за слом ноута такие деньги объявляют.
- Если бы его похитили, то с целью выкупа. Тогда уже и объявились бы. Сегодня пятый день пошел с пропажи...
- Ладно, пошли, пообщаемся с ней еще. Попробуем понять, как ему помочь.
- Мы со значительным выражением на лицах вернулись к девушкам. Тома забралась с ногами на диван и с интересом переводила взгляд с Аркана на меня и обратно. Валя сидела, как будто ей было очень холодно: запахнув сама себя руками.
- С нашей точки зрения, ваш муж жив и здоров. Если бы его убили – случайно или по заказу, тело бы нашлось. Сценарии, при которых его убивают, но

при этом из всех сил пытаются спрятать тело, вероятно, есть, но они маловероятны. Возможно, именно поэтому милиция отказывает вам в возбуждении дела, несмотря на то, что вы, как я понимаю, предлагали некоторую сумму денег...

Валя холодно и с каким-то сверхвысокомерием даже не посмотрела на меня.

– Ну, хорошо. Да, он жив. Он похищен, понимаете? Они требуют файлы.

– Какие файлы?

– Файлы с его исследованиями!

Я задумался. Понятно, что она врет. Но если вдруг, с вероятностью 0,1%, ошибаюсь я... В конце концов, Теория Всего в описании Тома довольно забавная штука. Еще Пенроуз писал лет 15–20 назад, что квантовая теория и проблема сознания связаны гораздо жестче, чем это казалось раньше. То есть проблема не только в том, что без наблюдателя, обладающего сознанием, в квантовой теории прекращается всякий смысл. Проблема еще и в том, что само явление сознания, то есть функционирование мозга, Пенроуз объясняет квантовыми эффектами клеточных центриол нейронов. Какой-то там специальной квантовой вибрацией. Потому что простой электрохимией – синапсами и рецепторами – деятельность мозга, с его точки зрения, объяснить нельзя.

– Они дали всего пять дней. Может, поможете несчастной женщине, потерявшей мужа?

И она вдруг за секунду преобразилась. Всхлипнула. Потрогала салфеткой глаза.

Мы с Арканом переглянулись. А теперь что делать? Мы влипали в какую-то уже очень неприятную историю с высокой скоростью. Салфетка немедленно напомнила мне маску.

– Не плачьте! Помните, вы сказали, что он ушел в этот дым без маски. Потому что он вообще ею редко пользовался...

– Помню, – всхлипнула она.

Мне стало все окончательно ясно.

– Как фамилия вашего мужа? И еще мне нужен его e-mail.

– Зачем вам?

– Хочу найти его в Фейсбуке и написать в личку, а если не найду, то на e-mail, что его жена, пользуясь его отсутствием, пытается сломать его ноутбук.

– Что?!

Валя начала приподниматься со стула.

– Только без истерик. Посудите сами: если его похитили, что, разумеется, полная чушь, то он, во-первых, этого не прочтет, а во-вторых, если и прочтет, не будет возражать. Но! И это очень важное «но». Если он жив-здоров и имеет доступ к Фейсбуку, почте и прочим прелестям цивилизации, ему полезно знать, что забытый дома ноутбук может нести в себе некоторые семейные риски.

– А почему забытый дома?

Тома искренне заинтересовалась. Я в ответ выразительно посмотрел на нее и на ее мобильник. Тома молча принялась за СМС-ку, искоса поглядывая на Валю.

– Маска. Валя второй раз подтвердила, что муж ушел без маски. А до того у нее была версия, что она задремала, следовательно, видеть, в чем ушел муж, не могла.

– И все-таки, почему забытый дома?

– Потому что Валя тщательно собрала мужа в дорогу. Она же перечислила полный командировочный список, включая маленький чайник. Валя собрала Адриана в командировку, вероятно. Потому что зачем человеку, покидающему Москву, маска?.. Ну а сам он забыл ноутбук или Валя помогла его забыть, вовремя вытащив, мы, вероятно, не узнаем...

– Ну что, вечер перестает быть томным, – расстроился Аркан.

Валя сидела, совершенно окаменев.

Я пошел к компьютеру. По дороге меня догнала СМС-ка Тома: «николаев. адрес ad_nikolaev@gmail.com».

Первая же его запись в Фейсбуке, в смысле последняя, гласила: «Г-споди, будь прокляты эти похмельные сборы! Как же тяжело в командировке без ноутбука!»

Я гордо прокричал этот текст в гостиную и решительно застучал по клавиатуре:

«Уважаемый Адриан! У нас сидит Ваша жена Валя в попытке получить пароль к Вашему ноуту. Предлагала 10К долларов. Мы отказались, и о том, что способы сломать его описаны на любом мак-форуме, тоже не сказали. Восхищены Вашей идеей о Теории Всего».

Пока я думал над подписью и над тем, кто такие, собственно, «мы», в прихожей хлопнула дверь.

Я вышел к Аркану с Томой.

– Ушла?

– Как слышишь. Написал письмо мужу?

– Да. Но пока думал над подписями, решил не отправлять. У них настоящая любовь, понимаете? Они же космонавты. Я не хочу влезать в сложные отношения между мужем и женой...

– Но если жена собирается вскрыть ноутбук мужа?

– Если муж готов создать Теорию Всего, то сообразить, что будет делать его ревнивая жена с ноутбуком, он тем более сможет.

– А если он гениальный ученый, но не разбирается в психологии?

– Тогда он не ответит на Третий Вопрос – о происхождении сознания. Насколько я понимаю, это самый важный вопрос из трех. Впрочем, я верю, что ответит!

– Ну, хорошо, хорошо... Как ты понял, что он в командировке, а не ушел из дома? Это же была твоя рабочая версия?

– Да подкаблучник он.

[1] *Àááðáæàòóðà BASE ðáñèèððááááàòíÿ òàè: B - building («çááíèá»), A - antenna («áíòáííà»), S - span bridge («íðíèáòú í ñòíá»), E - earth («çáí èÿ», «áðòí») (áíæ). Ýòí èáè ðàç òá íáúáèòú, ñ èíòíðúò ááèíáðú ñááðèáðò ñáèè íðúæèè. Íðúáÿ ñ íòííðèðáèíí íááíèúèèð áúíò, ááèíáðú íá èíáðò áðáí áíè, á íøèè-èá íò íáú-íúò íáðáèðèíòíá æÿ íðèíÿòèÿ ðáèáíèÿ á ñè:áá íáíðááèááííé ñèòóáèè.*

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

ИЗ НАШЕЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

Реакция. Кажется, здесь неточность: «...останки сторонников Бакинской коммуны, обнаруженные в Красноводске...» и ниже: «...среди 26 человек, арестованных и погибших в Красноводске...» В свое время мне довелось служить в Советской армии в этих краях, и я получил информацию, как говорится, из первых рук. Из нее следует, что в Красноводске лишь принималось решение о расстреле арестованных. Расстреляли их 20 сентября 1918 года у железнодорожной насыпи недалеко от станции Казанжик, в Закаспийской пустыне Кара-Кум, между Красноводском и Ашхабадом. Там же и закопали. Через два года останки перезахоронили в Баку.

Árden̄ Ī éááñi áí,

Ēí ò áñi áò

Наш ответ. Уважаемый г-н Ойберман!

Спасибо за деликатное и дельное письмо внимательного читателя. Спасибо за информацию «как говорится, из первых рук». Тут, правда, есть одно «но», чтобы заполучить «ахча-куйминскую» информацию, совсем не обязательно было «служить в Советской армии в этих краях».

То лукоморье для всех населяющих западный берег Каспийского моря всегда было – думаю, и останется – Красноводском, а не Ахча-Куйминском или Перевалом. Так же как еврей всегда и для всех будет человеком с другого берега. Просто так человеку легче. Удобнее самосохраняться в веках. (Другое дело, когда речь идет об исторической статье, о каком-то научном трактате, о докладной записке или о частного характера эписголе, в которых несомненно могут иметь значение не только номер версты, но и градусы долготы и широты и, вероятно, местонахождение пресной воды, не говоря уже о возможности добыть верблюда.)

Иными словами, Красноводск – все, что по ту сторону. Забрали куда? В Красноводск. Погибли где? В Красноводске. Убивал кто? «Закаспийцы» (держим в уме, кто именно) и англичане. Хотя любой житель Баку, да и не только Баку, – гражданин СССР прекрасно знал, где именно, более того, как именно казнили 26 бакинских комиссаров. А кое-кто из особо осведомленных знал даже, за что. Как бы это объяснить поточнее? Говорим «Красноводск» – держим в уме каракумские пески и золото партии, это как если бы Вы умножали что-то многозначное или, напротив, делили. Чтобы у Вас не сложилось впечатления, будто я, подобно привокзальному наперсточнику, оправдываю нашего автора (материал которого проходил через мои руки), приведу отрывок из баллады Сергея Есенина, которая еще лет -надцать тому назад заучивалась каждым школьником: «Их могилы пескам / Не занестъ. / Не забудет никто / Их расстрел / На 207-ой / Версте». А еще не менее известна картина Исаака Бродского «Расстрел 26-ти бакинских комиссаров». Нас, школьников, водили ежегодно на экскурсии в Музей им. Ленина – не столько для того, чтобы показать этот шедевр, сколько напомнить, в какой стране мы живем. Стоило ли. А еще был снят фильм Аждара Ибрагимова, который показывали раз в год, а теперь перестали. На мой взгляд, зря. «Закаспийцы», англичане, турки и... резня двух соседних народов могут еще нас чему-то научить.

Вы читали? *Меир Левинов.* [Введение в русскую «Мишну»](#) // 2010, № 8

Реакция. В замечательной статье Меира Левинова описываются ваши новые книги еврейского классического канона. Однако мне очень хотелось бы понять, чем ваша новая книга «Мишны» будет отличаться от уже репринтированных несколько раз за последнее время томов Талмуда начала XX века, переведенных А. Переферковичем? Ведь появляются все новые переиздания этого многотомного труда. Мне где-то попала информация чуть ли не о днепропетровской перепечатке. Так в чем же особенность вашей работы, которая, по крайней мере, на 100 лет ближе к нам, чем те старые почтенные тома, которые когда-то были библиографической редкостью в СССР?

È. È.,

Èí òáíáò

Наш ответ. Для начала давайте сравним его не с русским, а с английскими изданиями. Наиболее известные английские издания «Мишны» – это перевод Г. Данби, изданный в 1933-м, и перевод Я. Нюснера 1988 года, и тот и другой с краткими примечаниями. Они оба регулярно переиздаются. Кроме того, в 70–90 годах прошлого века вышли переводы «Мишны» на английский Н. Шермана, А.Х. Рабиновича, Дж. Коэна и Я. Герцога – они снабжены комментариями и примечаниями и тоже весьма востребованы.

Новый русский перевод «Мишны» тем более необходим, ведь за истекшее столетие русский язык изменился. Что касается принципиальных отличий от перевода Переферковича, то наше издание снабжено разнообразными примечаниями – уточняющими смысл слов, разъясняющими реалии эпохи «Мишны», язык «Мишны», в том числе слова, заимствованные из других языков, или слова, значение которых в «Мишне» отличается от современного иврита. Во многих случаях, особенно когда речь идет о ботанике или зоологии, мы приводим весь спектр мнений комментаторов о значении терминов. Нередко удивляет, насколько очевидное значение оказывается сомнительным, а сомнительное, наоборот, – безусловным.

Мы сочли необходимым в ряде случаев давать после текста мишны краткие пояснения, разъясняющие ход логического рассуждения и приводящие юридические формулировки принципов, из которых выводится приведенный закон. Кроме того, в тех случаях, когда текст «Мишны» не поддается однозначному пониманию, мы приводим мнения основных комментаторов, как следует понимать то или иное выражение.

Одна из важнейших особенностей нашего издания – организация текста. Мы решили текст «Мишны», в оригинале лишенный знаков препинания, расположить лесенкой, причем так, чтобы структура каждой мишны была видна сразу. В этом отношении наше русское издание будет уникальным в мировой практике.

Í àò Èáééíá

ЧИТАЮТ ГАЗЕТЫ

Ṣæi ai Oíáod

1.

Когда-то, в «тучные годы», тридцать, если не больше, лет тому назад, Шклов еще не знал о газетах. Все новости узнавали из «Гамелица»^[1], единственным подписчиком которого был аптекарь. Волей-неволей шкловские евреи утоляли жажду из этого сомнительного источника. Ежели нет эсрога, так и бульба сгодится.

Пройдя через множество еврейских рук и ртов, залежалые новости из «Гамелица» здорово-таки обевреивались. Если принц Уэльский заезжал в Мариенбад, в Шклове знали наверняка, что на самом деле он соскучился по еврейской фаршированной рыбе, которой славятся мариенбадские кошерные рестораны^[2]. Если Толстой проявлял интерес к еврейским преданиям^[3], то Шклов уже знал, что граф следует предписаниям трактата Брехес^[4] и не сегодня-завтра

примет иудаизм. Если Ротшильд[5] намеревался дать туркам заем, в Шклове сразу смекали, что речь идет о выкупе Земли Израиля... Все политические кризисы шкловские политики легко разрешали «на пальцах». Каждый палец был державой, каждая линия на ладони – рекой с крепостью над ней. Между минхой и мааривом седые спутанные бороды склонялись над географической дланью вещающего. В тусклом свете окошка на ней искали границы государств и судьбы народов... Но в самом разгаре спора вдруг раздавались хлопок по столу на биме[6] и голос стоящего у омуда хазана[7], голос, который причудливо и печально начинал разливаться с появлением первой звезды в хмурых небесах и светом первой лампы в бедном литвацком бейс мидраше:

– Веху ра-а-хум йехапе-е-р овойн ве-ло-о яшхис...[8]

Державы рассеивались как дым, рыба английского принца теряла свой еврейский вкус, а миллионы Ротшильда – свою ценность, и воодушевленные «политики» вослед хазану затягивали в полутьме беспокойно и не в лад:

– Адей-ной хойшиа, амелех яанейну бе-йейм корейну[9].

Но воздвигся в заброшенном местечке некий еврей, однорукий герой, бывший сапожник, который оставил свою колодку после того, как потерял руку. Простер он оставшуюся у него десницу, пробил окно в Европу и впустил целый поток газет в местечко. Теперь газета стала из частного достояния общественным. Новость больше не была лакомым кусочком. Исхудалые ладони «политиков из молельни» утратили свою географическую ценность. Они не могли выдержать конкуренции с картами, которые печатаются в газетах, когда те сообщают о важном политическом событии.

Но если чтение еврейской газеты стало в Шклове потребностью, то чтение русской все еще оставалось роскошью, признаком интеллигентности, делом возвышенным, вроде, например, беседы с приставом на улице. Можете при этом читать ее, если угодно, хоть вверх ногами – это дела не меняет.

С тех пор как появилась копеечная русская газета, это чтение стало дешевой роскошью. Теперь дядя Ури может, слава Б-гу, тоже позволить себе это удовольствие, и не только для того, чтобы быть не хуже людей, но и для того, чтобы раз в две недели почитать тете Фейге все новости, о которых пишут. Уж дядя Ури знает, как обращаться с русской газетой: даром, что ли, он прожил однажды полгода в Москве, пока его оттуда не выгнали.

Но прежде чем дядя Ури усядется за чтение газет, вы должны еще познакомиться с самим продавцом газет.

2

Жил-был в Шклове некий сапожник, звали его Моте, человек простодушный, башмаки латал. Проткнул он однажды левую руку ржавым шилом. Стала у него рука пухнуть. Начал он с ней по докторам мыкаться, пока им, ни про кого не будь сказано, не пришлось эту руку отнять... Этот Моте вернулся однажды утром без руки из губернской больницы и весь день просидел, словно каменный, в своей запыленной мастерской, не сводя глаз со старых колодок. Шило есть, дратва есть, молоток и гвозди есть, дыр в еврейских подошвах тоже предостаточно, а руки-то больше нет. Остается только получать пособие или просить по дворам.

Но Б-г посылает лекарство прежде язвы: сотворил Он газеты еще до того, как у Моте заболела рука. Широкие, шумные бумажные волны уже в течение нескольких лет неслись из столичных центров в города и деревни. Саранча напечатанных черных словечек разлеталась повсюду, принося с собой отголоски мировых скандалов, гул больших городов, нервный шум Новейшего времени. Но в Шклов они все-таки проникнуть не могли. Им приходилось сворачивать в сторону перед его традициями, его деревянными домишками и его грязными дорогами и огибать Шклов стороной. Так продолжалось до тех пор, пока однорукий Моте не поднялся из-за стоящего без дела исцарапанного сапожного верстака и не повернул бумажный поток в местечко.

В один прекрасный день все вдруг увидели, как Моте, со своей спутанной сивой бороденкой, со своими детскими голубыми глазами, несет какой-то четырехугольный пакет, прижимая его к себе култей. Пакет был завернут в красный хасидский носовой платок. Что же такого мог нести с собой человек вроде Моте?

Тихо, как нищий, заходил он в каждый дом и просил купить у него газету, русскую или еврейскую. Газеты шли Моте, как сабля – меламену. Но что поделаешь со своим человеком, да еще одноруким? Возьмешь у него газету, дашь ему копейку. И так валяется эта газета, валяется, пока в нее не заглянут.

Вот так, потихоньку, обыватели стали привыкать к чтению прессы, и если Моте хоть день не появлялся, его уже не хватало. А когда он потом все-таки приходил, люди уже возмущались: «Что это значит, Моте, куда это вы вчера

пропали? Мы же остановились в газете как раз на том, как девицу привозят в султанский гарем...»

Слава Моте росла изо дня в день. Его грошовый заработок стал миссией, удовлетворением духовной потребности местечка. А его старый-престарый кожаный сменился новым пальто с бархатным воротником.

Свои газеты он больше не таскал в носовом платке, будто контрабанду. Открыто и гордо стал разносить Моте газетные листки. В обывательские дома заходил с важностью шадхена[10], на улицах зазывал: «Покупайте, евреи, “Друга”[11] дома, то же самое, что “Жизнь”[12] ежедневную, покупайте “Северку” (это было собственное сокращение Моте для газеты “Сев. Зап. край”[13])». Время от времени он и сам бросал взгляд на черные точки.

Теперь Моте уже настоящий герой. Одному Б-гу известно, где он выцарапал себе белую летнюю студенческую тужурку с потускневшими пуговицами и откуда стащил пару узких щегольских брюк и чиновничью фуражку неведомого ведомства с красным околышком. Все это он напялил на себя. С точки зрения Моте, это и был настоящий мундир еврейского продавца газет. В местечке это скрещивание одежек вскоре получило признание: если продавец газет так одевается, возможно, он и должен так одеваться.

После пяти, когда привозят почту, обыватели уже поглядывают в окна, не идет ли Моте с пачкой газет под культей. Если идет – выходят ему навстречу. Простонародье покупает еврейские газеты и за наличные копейки, почтенные обыватели – русские и в кредит.

Заходит Моте к дяде Ури в дом, появляется тетя Фейга, берет себе «Газету-копейку»[14] и кладет ее на комод. Там скапливаются русские газеты, и никто не заглядывает в них по целым неделям. Сама тетя Фейга довольствуется важнейшими новостями, услышанными от продавца:

– Ну, реб Моте, что нового слышно?

Моте уже привык избавлять своих постоянных клиентов от неприятного труда читать по-гойски. Прежде чем принести газету, он выбирает из нее самые что ни на есть «сливки» и делится ими с обывателями:

– В Варшаве, гаврит он, зарезали мать с тремя дочерьми. Утром, гаврит он, их нашли мертвыми...

За то время, что Моте продает газеты, в голове у него засела пара дюжин русских слов, и он, к месту и не к месту, пользуется ими. Этим «гаврит он» Моте старается передать слова «говорит он» фонетически точно, с гойским призвуком... Только кто этот «он», который «говорит», неясно. Однако тетя Фейга убеждена, что так следует выражаться, когда пересказываешь новости из газет:

– Ой, не приведи Г-споди!.. – качает головой тетя Фейга и подпирает щеку двумя пальцами.

– А в Рига, гаврит он, – пугает ее дальше Моте-газетчик и взмахивает культей, – в Рига хотят девятнацета август выйти с красными симфонами, это цичилисты хотят[15]. Ежли, гаврит он, они выйдут, их в порошок сотрут...

– Пусть не суются куда не след! – не огорчается тетя Фейга. – А о войнах ничего не слышать?

– Китай бунтует, рашпублика наступает; ежли, сообщают, гаврит он, они встретятся, то, гаврит он, по улицам польется кровь...[16]

– Где? – пугается тетя Фейга.

– В Китай, – отвечает Моте и кивает в сторону Китая.

– Батюшки светы! – произносит тетя Фейга и убирает два пальца от щеки. – Что же это за напасть такая нашла на Китай?

Она уже ничего не понимает. Несмотря на это, она готова выполнить заповедь о новостях и газетах до конца.

И Моте исполняет свой священный долг: снабжает клиентку всеми необходимыми известиями:

– А из Москвы, гаврит он, двенадцата юлия выслали двадцать еврейских вторе-гилдес[17], и ежли, гаврит он, они вернутся назад, то...

Тут Моте машет своей культей: у него нет слов. Но тетя Фейга сама понимает, что, если те двадцать вторе-гилдес вернутся в Москву, ничего хорошего их не ждет.

– Ой-ой-ой, – вздыхает она наполовину сочувственно, наполовину потому, что так положено.

Исчерпав запас новостей, Моте надевает свою чиновничью фуражку с околышком неведомого ведомства, говорит до свиданье, целует мезузу и выходит. Через минуту-другую его вкрадчивый голосок слышится у других дверей:

– Гаврит он, ежли, сообщают, гаврит он...

И «недельная глава» начинается сначала.

Так и ложатся на комод листы «Газеты-копейки», и скапливаются изо дня в день, и обеспечивают бумагой все хозяйство: ими закупоривают глечики[18] в канун субботы, а все равно их там предостаточно. Бывает, увидит тетя Фейга в дурную минуту стопку газет, то, как они валяются и зря пропадают, и раскричится на детей:

– Голодранцы, бездельники, сначала чуть кожу с меня не сдирают: «Мама, купи газету! Мама, купи газету!» Можно подумать, они их читают. Ничего подобного. Только бы деньгами сорить. Все, завтра прекращаю покупать газеты!..

Однако назавтра приходит Моте с пачкой свежих, пахучих газет и говорит здравство, и останавливается, чтобы рассказать новости: из Самары и из Берлина, из Думы и из Японии, и ежли, гаврит он, и непременно, гаврит он, и гнев тети Фейги испаряется, и на комодѣ остается лежать свежеиспеченный газетный лист.

3

Ночью в большом городе стучат наборные и ротационные машины, льется кипящий свинец в матрицы, вращаются огромные рулоны бумаги, рабочие и работницы стоят в поту и в свинцовой пыли, с красными и заспанными глазами, и трудятся из последних сил в красноватом электрическом свете. И все это для того, чтобы у дяди Ури каждый день появлялся на комодѣ новый газетный лист, который, когда дядя Ури видит его издали краем своего косога глаза, только отвлекает его от занятий. Он, правда, частенько хлопает ладонью по пачке газет, говорит себе: «Надо бы перечитать», но тут же возвращается к своей Мишне или своим «Святым изречениям»[\[19\]](#).

Но в один прекрасный день встает дядя Ури от послеобеденного сна в особенном, приподнятом настроении от предстоящего чтения русских газет. Одна щека и половина бороды у него наматы и распарены, другая половина бороды торчит дыбом. Сразу видно, на каком боку он спал. Дядя Ури полощет рот, при этом очень упрямо качает головой, будто хочет сказать «нет-нет»... После этого он кричит посвежевшим голосом:

– Фейга, жена моя, ставь самовар!

Ставят самовар. Пока он закипает, дядя Ури устраивается на канале, стоящем у окна, и зовет:

– Фейга, жена моя, подай мне сюда какую-нибудь газету.

Тетя Фейга подходит к комоду, готовая услужить мужу в таком неожиданно возвышенном предприятии. Газеты завалены детскими учебниками и тетрадями. Тетя Фейга запускает два пальца в пачку газет, и какой лист она вытащит, тот дядя и будет читать. Неважно, за какой день и за какой месяц.

– На! – подносит тетя Фейга газету дяде Ури. – Только собиралась сама почитать.

– Я вижу, у тебя много времени, – произносит дядя Ури тоном, не оставляющим сомнений в том, что он-то занят денно и ночью. К тому же он напялил очки на нос, который теперь торчит из-под них напряженно и торжественно... Косые глаза за старенькими стеклышками выглядят глубокомысленными и большими. На дядю Ури страшно взглянуть.

Начинает дядя Ури с названия газеты, потом углубляется в цены на подписку – сколько стоит год, полгода, месяц – и подсчитывает.

– Фейга, – кричит он жене на кухню, – сколько ты платишь за газету? Копейку в день? Вот погляди!.. За три рубля можно подписаться на целый год. А сейчас что же это за выгода?.. Говорю тебе, нам лучше подписаться. Вот наш Жама каждый день получает-таки из Петербурга, с напечатанным адресом... Господину... Красота.

– Люди берут и подписываются, – вещает тетя Фейга из кухни.

– Если Б-г даст здоровья, я, Б-г даст, подпишусь – будет приходить прямо из Петербурга.

Так обещает сам себе дядя Ури и принимается за настоящую работу.

Но, решив почитать, дядя Ури читает только жирно напечатанные заголовки статей, это для него сподручнее. Маленьких русских буковок, которые, как черный перец или маковые зернышки, густо насыпаны под каждым заголовком, он побаивается.

Бывая каждый год в Нижнем на ярмарке, дядя Ури прочитывает немало вывесок на лавках. Заголовки статей напоминают ему большие вывески на выставке в Нижнем. Там – меха, рыба, машины, сахар. Здесь – бомбы, скандалы, убийства, войны. То, чего не сказано в заголовках, досказывает он сам, по своему разумению.

Дядя Ури читает по складам заголовки передовицы, читает, как заповедано – «Шнаим микре ве-эход таргум»^[20] («Раз прочти, два раза истолкуй»)^[21]:

– Ми-ни-хо-тим го... го-ло-дать, голодать! Это значит: мы не хотим голодать! Ты слышишь, Фейга? – кричит он тете на кухню.

– Я слышу, – отзывается тетя Фейга и остается в дверях столовой.

– Мы не хотим голодать! – сурово сообщает ей дядя Ури и глядит на нее из-за стареньких очков страшно увеличенными глазами. – В конце концов! Хватит кровь сосать! Хор-рошо написано, как следует.

Дядя Ури читает второй заголовок:

– Бом-бом-ба у-ув Ниж-нем Нов-нов-городе! Бомба в Нижнем. Ты слышишь, Фейга? – тут же кричит он своей супруге, занятой самоваром. – Снова

бросают бомбы в Нижнем. А к кому цепляться будут? К евреям на ярмарке! Наверняка... Г-споди помилуй!

– Ой-ой-ой, – отвечает ему тройной тетин вздох из кухни. Знак того, что новость воспринята.

– Б-бун-ты у-в То-кио, ну вот, снова бунты! Ты слышишь, Фейга? Большие бунты в Токио! Убивают, режут друг друга, там все теперь вверх дном. Б-г знает, чем это кончится. Вот!

Новость о бунтах в Токио тетя Фейга уже слышала от Моте-газетчика, и довольно давно. Несмотря на это, она охотно выслушивает ее во второй раз. В глубине души она рада, что ее-то старый, не сглазить бы, и в самом деле разбирается в русских буковках. Во всем на него можно положиться!

Дядя Ури все глубже погружается в свою копеечную газету:

– Рас-рас-п... р-р... рас-при у со-юз-ни-ков![\[22\]](#) У союзников э... э... ты слышишь, Фейга?

– Что у союзников? – интересуется тетя Фейга из кухни.

– Рас-при... Черт знает, что у них тут понаписано. Что за паскудное слово? Где этот мальчик, который уже учит Гемору?[\[23\]](#) Уроки делает? А ну, спроси-ка у него прямо сейчас, что такое распри, поглядим, что он знает.

– Он не знает, – через минуту-другую приносит известие тетя Фейга, – поискал, посмотрел, бе, ме, не знает.

Дядя Ури с умным видом вздергивает бороду и говорит:

– Вот как? Он тоже не знает? Тогда зачем он учится? Учителю платят три рубля в месяц, платят... Выброшенные деньги!

– Выброшенные деньги, – соглашается тетя Фейга.

И дядя Ури заменяет незадавшиеся новости с «распри» на другой заголовок:

– Боль-боль-шой скан-дал у-в у-в Думе! Ну, Фейга, ты слышишь? Опять скандал в Думе. Если пишут «большой скандал», это, верно, настоящий скандал. Немаленький, видать. Враг Израиля там снова все вверх дном переворачивает. Наверняка снова Пуришкевич[\[24\]](#), да сотрется имя его и память о нем. Ужас! И чего этот гой на нас насел?

Тетя Фейга вносит самовар и заваривает чай, а дядя Ури продолжает читать заголовки. От заголовков он переходит к объявлениям и всем делится с женой:

– Ты слышишь, Фейга, требуются служанки! Хорошенькое дельце! Поди еще их найди. Ты слышишь, Фейга, врачи милости просят пожаловать к ним лечиться. Ты погляди, а наш-то фершел еще и недоволен, что ему пятиалтынный платят, двадцать копеек ему подавай... Иначе ему не годится... Ты погляди! А Жамина девка еще хочет ехать учиться «на зубы»... Да-а-а... Позавидовала кошка собачью житью! Вот увидишь! Дантистов этих как собак нерезаных. Та-а-к, пенсии... Театр. Пу-дра... Нечего читать и не на что смотреть!

И вдруг дяде Ури бросается на глаза напечатанный в газете сапог и крупная подпись: «Самая лучшая обувь». Он кричит тете:

– Фейга, Фейга, сколько ты заплатила за сапоги для детей? По четыре рубля за пару? Тоже мне скидка! На, вот тебе: пара сапог за три рубля. Хороша хозяйка, тебе бы только деньги мотать!

– Что это ты ко мне прицепился? – сердится тетя Фейга. – Расчитался тут! Хотел чаю, так и пей чай. Уж хватит тебе читать!

Дядя Ури швыряет в сердцах русскую газету:

– Эх, что с тобой говорить, налей-ка мне лучше стакан чаю.

Тетя Фейга наливает дяде Ури полный стакан чаю и накладывает ему малиновое варенье, чтобы успокоить его нервы, разыгравшиеся от чтения газеты. Прочитанный лист она кладет обратно на комод, куда завтра и послезавтра прибавятся новые листы, много-много, – бумага для субботних глечиков. И кто знает, может быть, когда через неделю-другую дядя Ури снова усядется за чтение газет, тетя Фейга вытащит для него двумя пальцами ту же самую газету, которую он уже давно прочитал и забыл, и дядя Ури будет снова читать все заголовки, как обычно. Он начнет с передовицы «Мы не хотим голодать» и дойдет до «Большого скандала в Думе» и будет долго рассказывать все новости тете Фейге, пока не наткнется на рисунок сапога среди рекламных объявлений. И тогда он остановится, слегка удивленный и раздосадованный, и швырнет газету на пол:

εὐοίῳτᾰ ἀοἰοῖε ἀεὶκέε αὐεῖτ ἰά μᾰῖνᾰ ἰἰὸῖῶεῖῶἰῶἰ. Ἄτ 1912 ᾰῖᾰ ἰ ἰἰᾰῶ ἔϕ ἰεῶ ἀεῖῶ ῆ ἰὸᾰᾰῶῖᾰ ἔ «:-ᾰῶῶῦ». Ἰἰῖῶ ὤεᾰᾰῶἰ:-ᾰῖῶῦ ϕᾰῖἰἰἰᾰ ᾰ 1912 ᾰῖᾰ ἰᾰ:-ᾰῖἰῖῖ ἰ ᾰῖῖᾰᾰᾰ ᾰῖῖῖᾰῖᾰῖᾰ ἔἰ ᾰἰἰἰ ἔοἰῶἰᾰ ἀοἰοῖε ἀεὶκέε. Ὑὸ ἰὸἰᾰῶἰ ᾰ ϕεῶἰῖἰ ἰᾰῖῖῖᾰῶῖᾰᾰᾰᾰ ᾰ ἰὸῖῖᾰ

[18] *Ὀϕεἰᾰῶῶῦῖ ἔᾰᾰᾰ ἔ:-ᾰῖῖῖῖ ᾰῖῖῖῖ, ᾰᾰ ἔᾰἰῖῖῖῖῖῖῖ ᾰῖῖῖ ὀἰᾰ, :-ὀἰᾰῖῖ ᾰῖῖῖῖῖῖῖῖ ἰᾰ ᾰῖῖῖῖῖῖ ἔἔἰῖῖῖῖῖ ᾰῖῖῖ:-ἔἰ.*

[19] *Ἰἰ:-ἔἰᾰῖῖῖ ᾰ Ὀἰᾰῶῶᾰ-ϕᾰῖἰ ᾰἰᾰ ἔϕ Ἐῖῖᾰ, ἰᾰἰ ἰᾰῶῶᾰῖῖ Ὀᾰᾰᾰᾰᾰ*

[20] *«Ἄᾰᾰ ᾰᾰᾰ - ἰῖῖῖῖῖῖῖ, ἰᾰῖἰ ᾰᾰᾰ - ὀᾰᾰᾰᾰᾰ » (ἔᾰᾰ). Ἄᾰᾰ ᾰᾰᾰ ἰᾰῖῖῖῖῖῖῖῖ ὀᾰῖῖῖ ἰᾰῖῖῖῖῖῖῖ ᾰᾰ ᾰᾰῖῖῖῖῖῖ ἰᾰ ἔᾰᾰῖῖῖῖ ἔ ἔᾰᾰῖῖῖ ᾰᾰᾰᾰᾰᾰ (ἔἰἰ ἰ ᾰἰὸῖῖῖῖῖῖῖῖ ἰᾰᾰᾰᾰᾰ ἰᾰ ᾰῶᾰᾰ ᾰῖῖῖῖῖ). Ὑὸἰ ἰὸῖῖῖῖῖ ἰᾰῖῖῖ:-ἰἰῖ ᾰᾰῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ ᾰᾰ ἰ ἰἰᾰῶῶ ἰᾰῖῖῖῖᾰᾰ ἰ ἔῶᾰ, ἰᾰ:-ἔἰᾰῖῖ ᾰ ὀᾰῖῖ ὤε:-ᾰῖῖῖῖ ᾰῶᾰᾰ ᾰἰ.*

[21] *Ὀἰ ᾰῖῖῖ ἰὸἰ:-ὀῖ ὀᾰῖῖῖ ἰᾰ ἔᾰᾰῖῖῖ ἰἰῖῖῖ ἰὸἰ:-ὀῖ ᾰᾰ ᾰῖῖῖ ἰ ᾰἰὸᾰῖῖῖ ἔ, ἰἰῖῖῖ ἰὸἰ:-ὀῖ ὀᾰᾰᾰᾰᾰ, ἔἰὸἰῖῖῖ ὀᾰῖῖῖ ᾰῶᾰᾰᾰᾰᾰᾰᾰ ἔᾰῖ ᾰᾰᾰ ἰᾰῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ ᾰῖῖ ἰ ᾰἰὸᾰῖῖῖ.*

[22] *«Ἰἰῖῖῖῖῖῖ» - ἰᾰῖῖῖῖῖῖ ἰᾰ ἰᾰᾰᾰᾰᾰᾰ ἔᾰ:-ἔᾰᾰ ἰᾰ:-ᾰᾰἰᾰᾰ ὀᾰἰἰῖῖῖ ἰᾰῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ «Ἰἰῖῖῖ ὀᾰῖῖῖῖῖῖ ἰᾰῖῖῖῖῖῖ».*

[23] *Ἰ ὀῖᾰῖῖῖῖῖῖῖῖ ἰ ᾰᾰᾰῖῖῖῖ ἔᾰῶ ᾰᾰῶῖ ᾰ ὀᾰᾰᾰᾰᾰ ἰᾰ:-ἔἰᾰῖῖ ὀῖῖ:-ᾰῶῖῖ ὀᾰῖῖ ὀᾰᾰ*

[24] *Ἄ.Ἰ. Ἰὸῖῖῖῖῖῖῖῖ (1870-1920) - ὀᾰῖῖῖῖῖ ἰἰῖῖῖῖῖ:-ᾰῖῖῖῖῖ ᾰᾰῖῖῖῖῖ ὀῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ ὀἰῖῖῖῖ, ἰ ἰἰᾰῶῖῖῖῖῖ, :-ᾰᾰἰᾰᾰ ὀᾰἰᾰᾰ, ᾰᾰἰῖῖῖῖ Ἄἰᾰᾰᾰᾰᾰᾰᾰᾰᾰᾰᾰᾰ ᾰῖῖ ὀῖ. Ἄᾰᾰ ἔἰῖ ᾰῖῖῖ ᾰῖῖ ᾰῖῖῖ ἰἰῖῖῖῖῖ:-ᾰῖῖῖῖῖ ᾰἰὸῖῖῖῖῖ ἔὸῖῖῖ ᾰ ᾰ Ὀἰῖῖῖῖῖῖ.*

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

ШУМ ЕСТЬ ШУМ

Ἄᾰᾰᾰ ᾰᾰᾰ Ἰ ᾰῖῖῖ ὀᾰᾰ

Этот несчастный шум буквально изводит Зору.

Раньше она была Сарой. Дворкин, когда женился на ней вскоре после смерти своей первой жены Эллы, уговорил ее поменять имя. В конце концов она его простила. Уже просто забыла, что не всегда была Зорой.

– Зора, нам надо торопиться.

– Иду-иду, о Г-споди. Я коричневые перчатки ищу. Ему был пятьдесят один год, она – на десять лет моложе, энергичная, пухлая, с обаятельным смехом и склонностью к безуспешной диете. Она звала его Дворчик: такой живой, думающий человек, страстный виолончелист – а по вдохновению даже и композитор – с артритным левым плечом. Сам он так говорил об этом плече: «Сломал, когда в погреб свалился». Когда она на него сердилась или чувствовала себя неуверенно, то называла его Цворкин.

* * *

Я что-то слышу и что я такое слышу? Зора высморкалась и вслушалась. Или мое больное ухо хуже стало? А если нет, откуда этот неотвязный шум, я всю весну его слышу? Слушаю – вот и слышу. Но зачем же я слушаю?

По-настоящему настырным этот шум стал с апреля, когда выставили зимние рамы и подняли сетки; но осознала Зора, какое это наказание, кажется, только в июне, после того как два месяца просидела на диете и абсолютно без толку. Она была толще, чем ей бы хотелось. И она ни разу не рожала, тоже не большое достижение.

* * *

Зора даже запомнила день – после дня рождения в конце июня, когда она разменяла пятый десяток, – вот когда этот шум начал действительно ее изводить. Может, до тех пор я не слушала в оба уха. Где-то еще были тогда мои мысли. Говорят, Вселенная взорвалась, и мы до сих пор слышим гул и шипение каких-то там газов. Спросила Дворкина, совсем упустив из виду, что он – ах, Б-же ты мой! – упражняется на своей виолончели, темно-лакированной, нежной монтаньяне^[1], «главной удаче в жизни» – сам так когда-то сказал.

Ответа она никакого не дождалась, кроме затравленного взгляда – будто бы он говорил: «Я специально играю в гостиной, чтобы составить тебе компанию, и не успел я начать – ты мешаешь моей музыке».

– Ах, прости, пожалуйста, – сказала Зора.

– Виолончель, – определил он коротко, когда они познакомились, – это такой самостоятельный еврейский зверек. – И Зора хохотала так, будто у нее надрывается сердце. В хохоте Зоры смешивались две струи: буйный, веселый отклик плюс еще что-то, тайное, скрытное. Вы ожидаете одного – и получаете совсем другое, иногда вам даже неясно, над чем она смеется, если вообще это смех. Дворкин, когда пилил наканифоленным, пахучим смычком по четырем стальным струнам, иной раз пел своей виолончели, и та грудным голосом ему отвечала. Зора с Дворкиным познакомилась сто лет назад, после концерта в Лос-Анджелесе, в тот вечер, когда он там выступал в филармонии.

- Моя виолончель продолжает меня, – сказал он ей тогда.
- Значит, я выйду за вас обоих.

Так вот и сделала мне предложение, говорил он друзьям за ужином, и все смеялись.

* * *

– Слышишь ты этот режущий, тошнотворный, насадный звук? – спросила она как-то, когда они раздевались летним вечером под высоким потолком своей спальни. Обои выбирала Зора – такие, все в белых астрочках, – и поверх малиновой толстой бумаги наклеены, которую облюбовала Элла сто лет назад, когда они с Дворкиным еще только въехали в этот просторный, удобный дом. «Тебе нравится?» – спросил он Зору. – «Еще бы». Зора тут же построила наверху террасу для солнечных ванн, на которую вели стеклянные двери, давая ей, она говорила, «доступ к небу».

- Какой еще тошнотворный звук? – спросил он.
- Ты не слышишь?
- Нет, сейчас именно я ничего не слышу.

– Да, не скажу, что это музыка сфер, – ответила Зора. Когда была молодая, она работала в химической лаборатории, хотя в целом у нее были скорей художественные наклонности.

Зора была толстенькая, на высоких каблуках почти с Дворкина ростом; у нее были четкие черты и голос почти контральто, когда она говорила. Она было по его совету стала учиться петь, но ничего из этого не получилось. Слух у нее был неважный, хотя слушать музыку она любила, даже собирала пластинки. Когда они только еще поженились, она работала в художественной галерее в Стокбридже. Жили они в Элмсвилле, городе по соседству, в обшитом досками доме мышино-серого цвета с синими ставнями. Зора обожала эти цвета. При Элле дом был белый, с черными ставнями. Обе умели найти применение своим любимым цветам.

Дворкин обучал игре на виолончели учеников по соседству и вел мастер-класс в консерватории в Леноксе. Концертировать он перестал через год после того, как свалился в погреб. Зора не рвалась куда-то таскаться и рада была, что теперь он больше будет дома, под боком.

– Так лучше, учитывая твой артрит. И мне так лучше. – Она пояснила насчет шума: – Можно сказать: абсолютно бесконечный, отвратительный вой, и он ужасно действует мне на нервы.

Это было в июле. Дворкин честно ничего не слышал.

* * *

Ночью она просыпалась в холодном страхе, напряженно вслушиваясь.

Неужели это будет длиться вечно? Ее пробирала дрожь. Мерзкое брнчание перебивал какой-то жалостный вой. Она прислушалась к дали, откуда, кажется, все это шло, будто далеко забросила невод; потом, будто втянула его, прислушалась к близи – как бы у самого берега. Ближе ли, дальше – разницы никакой. Наглый шум буквально входил в дом через спальню, хоть были плотно закрыты окна, он лез сквозь обшивку и стены, а раза два даже преобразился в пугающего незнакомца, рассевшегося в темноте, дышащего шумно и ровно, затихая перед каждым вдохом.

Вблизии пробивался даже легкий транспортный гул, хотя в такой час – какой транспорт? Разве что случайно урчал на повороте ночной грузовик. Еще ближе звучал спящий Дворкин, он дышал тяжело, временами впадая в храп.

– Дворчик, – говорила она кротко, – ты храпишь.

И Дворкин с покаянным, мучительным вздохом стихал. Сначала, когда она стала будить его во время крепкого, здорового сна, чтобы он не храпел, он был недоволен. «Но ведь ты будишь меня во время крепкого, здорового сна, – возражала Зора, – я же совершенно не собиралась тебя будить». Он понял логичность ее рассуждений и позволял ей будить его, когда он храпит. Встрепенется на миг, прервет свой могучий рокот и сонно затихнет.

Да, если кто тут сидел, то уж никак не храпящий Дворкин. Какой-то бесшумный дух, может, кто-то в старинном кресле у длинного витража в спальне, до которого Элла додумалась. И кто-то смотрит, как они спят? Зора приподнялась на локте и вгляделась во тьму. Ничто не светилось, не воняло, не бросалось на нее, отчаянно хохоча. И снова она слышала тот несчастный звук, с которым боролась, дрожащее жужжание, прослоенное протяжным, жалостным воем, которое пугало ее, потому что напоминало о прошлом, может быть, это ее детство просачивалось из темноты. Да, Зоре уже казалось, что такое у нее было детство.

– Цворкин, – позвала она взволнованным шепотом, – ты слышишь этот несчастный звук, про который я тебе говорила?

– И для этого надо было будить меня, Зора, чтобы задавать свой идиотский вопрос? И надо было в наши годы дожить до такого? Дай мне спать, я тебя умоляю. Хватит мне моего артрита.

– Ты мой муж – кого мне еще спрашивать? Я уже говорила с соседями. Миссис Дювивье говорит, звук идет от красильной фабрики на том краю города, но что-то я сомневаюсь.

Она была в колебании и в сомнении. Она была застенчивой молодой женщиной, когда он с ней познакомился. Она тогда не была толстой, просто солидной, как она выражалась, но при фигурке и с хорошеньким личиком, не толстая, нет. Элла – пожалуй, нервная натура – была, наоборот, совсем уж худая. Обе хорошие жены, и ни одна, конечно, не могла бы представить другую на своем месте. Чем больше Зора толстела, тем больше комплексовала. Иногда она вызывала в Дворкине мучительную нежность.

Он оперся на локоть и вслушался, стараясь услышать, что же такое она там слышит. Трескается Млечный путь? Шум космоса хлынул ему в уши, заполнил их и стал тишиной. Он слушал, и вот гул возобновился, стал вполне земным жужжанием – москиты вместе с кузнечиками пиликали на лужайке. Вдруг крикнула какая-то ночная птица. Потом насекомые унялись, и больше он ничего не слышал, только звук тишины в двух наостренных ушах.

И это все, хотя иногда Дворкин слышал музыку, когда ночью проснется – музыка будила его. Недавно он слышал Ростроповича, тот был как бы живым элементом в призрачном скоплении звезд и наяривал Ре-мажорный концерт Гайдна для виолончели. Сочный виолончельный звук тек как будто из ананаса, если вы желаете фруктовую метафору. Дворкин питался сплошными фруктами, однако звук его тек скорей из кислого яблочка. Но сейчас он слышал только спящий город.

– Я ничего такого не слышу, что можно назвать нытьем или воем, о котором ты говоришь, – сказал он. – Ничего именно такого.

– Не слышишь долгого, нудного, отвратного, жалостного воя?

Он слушал, пока у него не заболели уши.

– Нет, не могу сказать, чтобы я это слышал или слышу.

– Ну, спасибо и спокойной ночи, лапка.

– Спокойной ночи, – сказал Дворкин. – Надеюсь, теперь мы оба поспим.

– Надеюсь. – Она все еще внимательно вслушивалась.

Как-то ночью она проснулась от беспокойного сна, разглядывала в темноте одеяло, потом выскочила из постели, побежала в ванную, и там ее вырвало. Дворкин слышал, как она плачет, влезая под душ.

– Что-то случилось? – спросил он, просовывая голову под пары ванной.

- Сейчас пройдет.
- Я могу что-то сделать?
- Нет-нет, не сейчас.

Он вернулся в постель, но, промаявшись несколько минут, натянул штаны, рубашку и в кедах вышел на улицу. Кроме собачьего лая в конце квартала, он слышал только летнюю ночь, да еще, вдалеке, какой-то рокот, похожий на шум транспорта, а возможно, это транспорт и был. Но когда сосредоточиться, он действительно различал тук-тук-тук механизмов со стороны этой самой красильной фабрики на восточном краю города.

Зоре и Дворкину никакого не было беспокойства от фабрики и ее пресловутой вони, пока Зора не стала слышать этот шум. Что же, раз она говорит, что слышит, конечно, она слышит, хотя совсем непонятно, что тут похожего на вой.

Он обошел вокруг дома, чтобы послушать, может, какой-нибудь звук игроу акустики окажется громче на задней лужайке, но нет, ничего такого не оказалось. С тыла он увидел, как Зора, укороченная куцей ночной рубашкой, смотрит с верхней террасы в лунную даль.

– Что ты делаешь на террасе в ночной рубашке в такое время, Зора? – громким шепотом спросил Дворкин.

– Слушаю, – туманно отвечала она.

– Но почему же хотя бы халат не надеть после душа? Ночью холодный ветер.

– Дворкин, ты не слышишь проклятый вой, который я слышу? Из-за него я блюю.

– То, что я слышу, – это не вой, Зора. То, что я слышу, скорее грохот, который идет от красильной фабрики. Иногда там что-то погромыхивает, бухает и постукивает. Пожалуй, даже жужжит, но ничего другого, ничего необычного я различить не могу.

– Нет, совсем о другом звуке я говорю. Ах, как я ненавижу эти фабрики там, где должны жить люди.

Дворкин протопал наверх и лег.

– Интересно было бы узнать, что другие наши соседи, кроме этих Дювивье, скажут о звуках, которые ты слышишь. Я уже со всеми ними поговорила, – сказала Зора, – и еще с Канлифами и со Спинкерами.

А Дворкин не знал.

– И что же они говорят?

– Кое-кто что-то слышит, – Зора запнулась. – Но не то, что я. Миссис Спинкер слышит какой-то гул. Миссис Канлифф тоже что-то слышит, но не то, что я.

– Мне бы так.

– Я не хотела тебя задеть.

– Нет, я просто хотел бы услышать.

– Но ты же веришь мне, Дворчик?

Он серьезно кивнул.

– Возможно, нам придется из-за этого переехать, – размышляла Зора. – Мне не только с этим чертовым звуком надо бороться до того, что меня уже рвет, но и отопление без конца дорожает. А с другой стороны, недвижимость теперь в цене, и, пожалуй, нам стоит выставить дом на продажу.

– Да, и где, интересно, жить? – спросил Дворкин.

Она сказала, что не прочь в свое время вернуться к городской жизни.

– Это для меня новость. Я так понимал, что ты больше не любишь городскую жизнь.

– Как тебе сказать. Мне сорок один год, пора подумать о переменах. Возможно, мне надо вернуться в мир искусства. Хорошо бы жить рядом с музеями и галереями. Этот кошмарный звук все лето подряд не на шутку наводит меня на мысль о том, что нам стоит всерьез поразмыслить о продаже нашего дома.

– Только через мой труп. Я люблю этот дом! – крикнул Дворкин.

Когда она готовила на ужин филе лосося, пришел мальчишка с газетой. Глянув на первую страницу, Зора удивленно вскрикнула, да так и села. Дворкин, который упражнялся в гостиной, поскорей положил виолончель и пошел к ней.

– Все черным по белому, – сказала Зора, прижимая руку к груди. – Теперь я знаю, что не схожу с ума.

Дворкин взял газету. В статье говорилось об иске, поданном гражданами восточной части города против красильной компании «по причине загрязнения атмосферы». Они ссылались и на «постоянный мучительный шум», а одна из опрошенных женщин жаловалась на «гнусный звук, как сирена на потерпевшем крушение судне. Я его слышу ночью, но, бывает, я его слышу и днем».

– Я чувствую себя так, будто меня отпустили с миром после того, как решили upечь в сумасшедший дом, – сказала с горечью Зора.

– Только не я, – сказал Дворкин.

– Но ты, по-моему, никогда не слышал вой, который слышала я.

– Честное слово.

Зора тихо кружилась в вальсе по ковру гостиной. Виолончель лежала на полу, а Дворкин сидел рядом и пощипывал струны в такт танцу.

* * *

Как-то дождливым вечером, истово чистя зубы, Дворкин услышал надсадный, жуткий, прерывистый свист. «Что мы еще имеем?» – уныло спросил он себя. Он как раз пытался ухватить мелодию, которая от него ускользала, а тут будто острый ветер издалека затопил ему уши. Будто он лежал в постели, и кто-то вылил ему в уши полный кувшин свистящего ветра. Дворкин отчаянно тряс головой, чтобы отогнать гнусный звук, но звук ни за что не хотел уходить.

Зора лежала в постели, изучая газету, – она жаловалась, что не может настолько сосредоточиться, чтобы читать книгу, – а Дворкин спустился вниз за дождевиком, капюшоном и вышел наружу. Повернувшись в сторону красильной компании, он внимательно вслушался. Разглядеть сквозь дождливую мглу он ничего не мог, но мутные синеватые огоньки проглядывали на востоке, и он понял точно, что фабрика там работает. Свистящий ветер не умолкал у него в ушах. Возможно, там машина какая-то вышла из строя и визжит, как умирающий зверь. Возможно – да, но маловероятно, ведь уж нашли бы какой-нибудь способ ее отключить, подумал он с раздражением. А вдруг это просто самовнушение, результат его сочувствия к Зоре? Он ждал, когда это жалобное жужжание истончится, исчезнет – не тут-то было. Дворкин погрозил кулаком мутным синеватым огням и поспешил в дом.

– Зора, этот твой звук, он в последнее время видоизменился?

– Почему же он мой, – отвечала она, – его и другие слышат. Ты сам читал об этом в «Курьере».

– Безусловно, но не скажешь ли: может, он в последнее время стал сильней или еще как-то видоизменился?

– Он более или менее тот же и остается при мне. Я достаточно ясно его слышу. Я и в данную минуту его слышу.

– В этой комнате или по всему дому?

– Абсолютно везде. Раньше мне было тут так хорошо, лежу себе и читаю в постели. Сейчас прямо боюсь просыпаться ночью.

Вслушивание свехубедительно подтвердило протяжный, настырный звук, у нее – неотвязный стон, у него – навязчивый вой.

Тут Дворкин рассказал жене, что с ним произошло. Описал, что он слышит сейчас в обоих ушах.

– Кошмар – это еще мягко сказано.

Но Зора откликнулась радостно:

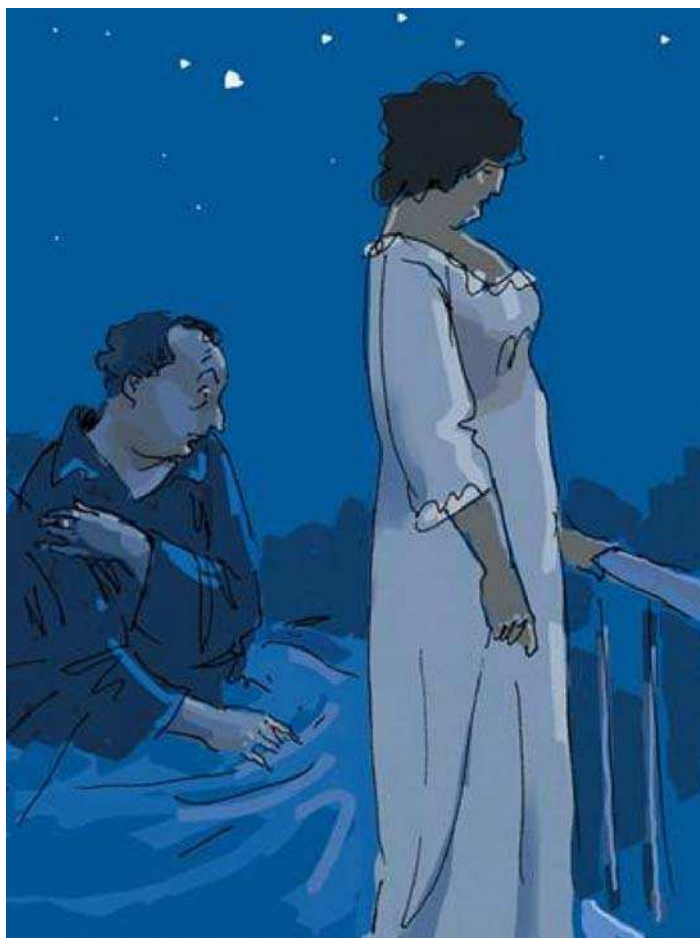
– По крайней мере, ты это слышишь. Слава Создателю.

Он хотел спросить, что же ее так радует, но удержался. Как будто бы он спросил, она сказала:

– Если я радуюсь, то исключительно потому, что теперь ты можешь подтвердить, что то, что я слышала и пыталась заставить тебя услышать тем летом, было вполне реально.

– И кто ж сомневался?

У нее дрогнули губы. Дворкин видел, как она на него посмотрела. Он кашлянул, она прочистила горло.

* * *

Наутро он пошел в музыкальную комнату и вынул виолончель из футляра. Это было как если бы нежно поднять девушку из постели. Музыкальная комната – это Элла так ее назвала, все комнаты в доме она называла – была большая, белостенная комната с сосновым лоснящимся полом. Восточная стена была закругленная, и в четыре окна нежно заглядывало раннее солнце. Зимой тут было холодно, но Дворкин завел печку. Здесь он упражнялся, сочинял музыку, иногда давал уроки. Понервничав над настройкой, он начал первые такты Баховой прелюдии к сюите ре-минор для виолончели. Он играл ее ночью во сне.

Дворкин скорчился над виолончелью, играя грустно, протяжно, и печалилась виолончель. Он играл Баха, будто молится Б-гу. Так говорит человек, понявший неотвратимость судьбы. Он говорит спокойно, и, пока играет, он доказывает, доказывает. Вот он поет, почти басом, как будто заточенный в колодце, он поет кружочку синего неба.

Музыка прервалась. Дворкин, склонив голову, вслушивался. Он старался изгнать этот сверлящий вой, но он буквально пачкал ему каждую ноту. Он не мог в чистоте сохранить Баха. После вступительных тактов он сам себя уже не слышал. Схватив за шейку виолончель, он со стоном поднялся со стула.

– Зора, – позвал он. Она мгновенно явилась.

– Что с тобой?

Он сказал, что не может играть сюиту. Она застывает от мерзкого воя в его ушах.

– Надо принимать какие-то срочные меры.

Она сказала, что они уже подписались под иском против красильной компании.

Он грозился бросить этот проклятый город, если не будут срочно приняты меры, и Зора, внимательно его оглядев, сказала, что это уж исключительно от него зависит.

* * *

Вне дома было несколько легче. Когда ехал в Ленокс на занятия, он прогонял этот звук в ушах – определенно, за Элмсвиллом звук шел на убыль, но Дворкин боялся, что он, кажется, вслушивается, не вернулся ли звук. Не было уверенности, что он окончательно с этим разделался. Но вот, когда Дворкин уже было подумал, что звук его повсюду преследует, ситуация изменилась.

Однажды зимним вечером «Курьер» сообщил, что неисправная вентиляционная система на фабрике заменена беззвучной аппаратурой. Распахнув два из трех окон в спальне, закутавшись в одеяла, Зора с Дворкиным внимательно вслушивались. Она слушала тот же проклятый шум, он – только восхитительную сельскую тишину. Но немножко звук сделался тише, Зора признала, и, возможно, теперь она будет в состоянии его выдержать.

* * *

Весной, когда надвигался ее сорок второй день рождения, Зора опять потеряла покой. Она вернулась в ту галерею, где когда-то работала, и сейчас готовила выставку двух художниц и одного скульптора. Днем Зоры не было дома, Дворкин был – занимался сам или с учениками. Он работал над сонатой для четырех виолончелей, и подвигалась она хорошо. Четыре виолончели звучали совсем как орган.

Но Зора после дня в галерее была беспокойна, недовольна собой, не в себе.

– Почему ты не скажешь, что у тебя на душе, – сказал Дворкин как-то вечером, после того как они ужинали в кафе.

– Да так.

– Или это все то же?

– Я не могу на тебя навешивать все мои заботы. – Зора утерла глаза, но она не плакала.

Ночью она разбудила Дворкина и срывающимся шепотом умоляла его прислушаться.

– Нет, ты только прислушайся к этой комнате. Что ты слышишь?

Он вслушивался, пока не расслышал гул пространства, свист пролетающих звезд; а так все было тихо.

– Ничего, в общем. Ничего такого особенного. – На земле он ничего не слышал.

– А ты не слышишь, – спросила она, медленно приподнимаясь, – жуткий какой-то вой? Как будто кто-то плачет вдали. Я бы сказала – призрачный звук.

Она сжала плечо Дворкина.

– Призрачный? – он старался разглядеть ее в темноте. Она жадно вслушивалась.

– Да, в таком роде.

– Нет, – ответил Дворкин спустя добрых две минуты. – Я не слышу воя, плача или чего-то в таком духе. Нет, нет и нет.

Утром она спросила решительно:

– Ты бы уехал из этого дома, если бы припекло, Дворкин? То есть если бы я тебя попросила?

Он сказал, что уехал бы, если бы определенно услышал тот шум, который слышит она. Она, кажется, сочла это справедливым.

* * *

Дворкин подходил к красильной фабрике при каждом удобном случае. Он говорил с владельцем, и тот заверил его, что проблема уже решена. Зора сказала, что очень сомневается. Они слушали вместе с террасы при спальне, и Зора,

бледная, поднимала бледный палец, когда особенно четко слышала тот шум. «Как будто вот тут, тут, буквально перед нами».

Он подумал, что, может быть, это у нее на психологической почве. Зора хотела ребенка, но так и не забеременела. Не происходит ли так: женщина не может родить и начинает слышать какой-то призрачный плач?

Очень даже просто, подумал Дворкин.

Элла – та легко справлялась с трудностями. Их ребеночек родился мертвым, и больше она не хотела детей. А Зора не могла забеременеть, хотя так мечтала.

Она согласилась проверить слух, когда Дворкин ей предложил. Он напомнил, что когда-то давно у нее было воспаление среднего уха, и она согласилась показаться своему прежнему ушному доктору.

Потом Дворкин тайком позвонил двум своим соседкам и удостоверился, что они больше не слышат шума, который слышит Зора.

– Мы с мужем вздохнули с облегчением, когда там поставили новую вентиляцию, – объяснила миссис Спинкер. – Так что мы отзываем свой иск, раз никто не слышит уже этих шумов.

– И даже их отзвука?

– Нет, совсем ничего.

Дворкин сказал, что тоже отзовет иск. Зора сказала, что попробует новую диету перед тем, как пойти к доктору. Но она обещала пойти.

Эта диета после нескольких недель оказалась негодной, и Зора все еще слышала жуткий дрожащий шум.

– Он начинается, будто флейта висит в воздухе, и потом затихает, тает. А потом прибавляется какой-то стон, какой-то мистический звук, уж не знаю, как его и назвать. А вдруг это какая-то дальняя цивилизация зовет, старается с нами связаться, и почему-то именно я должна слышать их сигнал, а понять его я не могу?

– Все мы слышим сигналы, которые не всегда понимаем, – сказал Дворкин.

В ту ночь она разбудила его и сказала сдавленным голосом:

– Вот, вот опять – ровный, ясный звук, а потом поднимается стон. Неужели ты не слышишь?

– Говорю тебе: нет, я не слышу. И зачем надо было меня будить?

– Что же делать, если я хочу, чтобы ты тоже услышал.

– А я не хочу. О черт, оставь ты меня в покое.

– Я тебя ненавижу, Цворкин. Ты животный эгоист.

– Ты хочешь отравить мои уши.

– Я хочу, чтобы ты подтвердил: то, что я слышу, реально или не реально. Неужели это слишком трудная просьба для того, с кем я связана браком?

– Это твой шум, Зора, и не обрушивай его на мою голову. Как, как я буду зарабатывать нам на жизнь, если не смогу играть на своей виолончели?

– Наверно, я глохну, – сказала Зора, но Дворкин уже храпел.

«Ля-ля-ля», – пела она самой себе в зеркале. Она еще потолстела и похожа стала, она говорила, на воздушный шар.

Дворкин, вернувшись из Ленокса, жаловался, что еле провел мастер-класс, так обострился артрит.

Когда около полуночи он поднялся в спальню, Зора читала в постели журнал, заткнув уши ватой. Она плотно сдвинула ноги, когда он вошел в комнату.

– Спальня – типичный кабинет звукозаписи, – сказала Зора. – Улавливает все возможные звуки, не говоря о невозможных.

Хватит, лучше не слушать, подумал он. Если буду слышать то, что слышит она, конец моей музыке.

* * *

Зора уехала одна на три дня, посмотреть Вермонт и Нью-Хэмпшир. Она не звала с собой Дворкина. Каждый вечер она звонила из другой гостиницы или мотеля и голос у нее был бодрый.

– Как дела? – спросил он.

– Прекрасно, по-моему. Ничего такого необычного не слышу.

– Никаких звуков из внешнего пространства?

– Из внутреннего тоже.

Он сказал, что это добрый знак.

– Как ты считаешь, что нам делать?

– В каком смысле?

– В смысле этого дома. В смысле нашей жизни. Если я опять услышу эти звуки, когда вернусь?

Помолчав, он сказал:

– Зора, я хочу тебе помочь избавиться от этой беды. Я любя говорю.

– Не надо со мной разговаривать, как с идиоткой, – сказала Зора. – Я знаю, что слышу совершенно реальный звук, когда нахожусь в этом доме.

– Предупреждаю тебя, я люблю этот дом, – сказал он.

* * *

Ночью после ее возвращения из одинокой поездки Дворкин, разбуженный вспыхнувшей в небе мелодией виолончели, в желтой пижаме и синем шерстяном халате, стоял на террасе и смотрел на густые звезды.

Вглядевшись в нити мерцающих огоньков на ночном небе, он увидел, как постепенно, будто освещенный корабль из тумана, появляется личное его созвездие – Виолончелист. Дворкин видел в детстве и часто потом, как кто-то сидит и играет на виолончели где-то между Кассиопеей и Лирой. Сегодня он видел Казальса^[2], тот сидел на стуле, построенном из шести драгоценных звезд, и бесподобно играл, а Дворкин подпевал ему хрипло. Дворкин сосредоточенно слушал, стараясь определить мелодию; похоже на Баха, но все же не Бах. Нет, он не мог разобрать, что это. Какой-то прелюд играл Казальс, оплакивая его судьбу. Очевидно, он – для Казальса – умер молодым. Было далеко за полночь, и Зора крепко спала, изможденная своим путешествием. Когда звезды потускнели и почти исчез Виолончелист со своей музыкой, Дворкин поддел под пижаму носки, влез в

кеды и тихонько спустился в музыкальную комнату, вынул виолончель из резного футляра ручной работы и минутку постоял, обнимая ее.

Он вонзил шпиль в щербину пола – никаких шпунтиков он не терпел, он предупреждал обеих своих жен. Пусть едет пол, если так надо виолончели. Обняв инструмент коленями, нежно выгнутой обечайкой к груди, он провел смычком по струнам, и пальцы левой руки трепетали, как будто они пели. Дворкин чувствовал, как виолончельная дрожь пронизала его с ног до головы. Он пытался откашляться. Несмотря на ночное время и острую боль в плече, он играл анданте из си-бемоль мажорного трио Шуберта, воображая музыку рояля и скрипки. Шуберт надрывает сердце, и он это называет *un poco mosso* [3]. Вот такое искусство. Сердце в тоске разбивается навсегда, однако с усилием сдерживается. Виолончель, на которой он страстно играл, сама управляла Дворкиным.

Он играл простору, и прочности, и благовидности дома, тому, как все ловко слажено здесь. И долгим годам музыки он играл, и комнате, в которой он четверть века занимался и сочинял, то и дело поднимая взгляд с партитуры к этому вязу в окне на закруглении стены. Здесь у него ноты, записи, книги. Над головой у него висели портреты Пятигорского и Боккерини [4], и они на него смотрели, когда он входил в эту комнату.

Дворкин играл темно-серому дому с шипцом и синими ставнями, который построен в начале века, в котором он жил со своими обеими женами. У Эллы был чудный голос, сильный и точный. Будь она похрабрей, могла бы стать настоящей певицей. «Ах, – говорила она, – если бы я была похрабрей». «А ты попробуй», – подбадривал Дворкин. «Нет, куда мне», – говорила Элла. Так и не решилась. А дома пела буквально всегда. Это она придумала вставить в спальне витраж с цветами и птицами. Дворкин сыграл аллегро, а потом снова анданте сокрушенного Шуберта. Он играл для Эллы. В ее доме.

Он играл, а Зора, в черном ночном капоте, стояла перед закрытой дверью музыкальной комнаты.

Минутку послушала и поскорей вернулась в спальню. Выходя из музыкальной комнаты, Дворкин учуял духи жены и понял, что она стояла под дверью.

Он заглянул в свое сердце и понял, что она хотела услышать.

* * *

Когда он шел по коридору, там вдруг кто-то мелькнул.

– Зора, – окликнул он.

Она остановилась, но это была не Зора.

– Элла, – заплакал Дворкин, – жена моя любимая, я любил тебя всегда.

Но не было ее тут, и некому было подтвердить или спросить почему.

* * *

Когда Дворкин вернулся в спальню, Зора не спала.

- И зачем мне сидеть на диете? Это противоестественно.
- Так ты тут лежала и думала про диету?
- Я сама себя слушала.
- Ты опять что-то слышишь, после того как в поездке тебя отпустило?
- По-моему, я понемножечку глохну, – сказала Зора.
- И ты все еще слышишь тот стон или вой?
- Ого, или я слышу.
- Может, это такой звук, будто кто-то поет?
- Скорей это звук моей неизбежной беды.

И тогда Дворкин ей сказал, что он готов переехать.

- Наверно, нам надо продать этот дом.
- Почему это надо?
- Через столько лет до меня дошло, что он так и не стал твоим.
- Лучше поздно, чем никогда, – смеялась Зора. – Правда – я никогда его не любила.
- Из-за того, что это дом Эллы?
- Потому что никогда не любила.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

АНГЕЛ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ

А'е'י א' בא'ע'י א'ת'ע'א'י

Окончание. Начало в № 9, 2010

Прошло лето, пришла долгая сухая осень. Уже облетели листья, а небо по-летнему золотилось, плыла по улицам длинная паутина, было тепло. В скверах доцветали розы и проклюнулась доверчивая трава. Большие фонтаны уже были выключены на зиму, но маленькие, из одной-двух струек, журчали по замшелым камням искусственных гротов, по заржавевшему мрамору. Закаты стали короче, темнело рано, вечера стояли тихие, и нежный звук ночной волны был слышен далеко от моря.

Мнацаканын и Хворостенко несколько раз за лето встречались, они были соседями, куда денешься. Чаще всего получалось, что Хворостенко стоял у своих ворот, когда Тер-Мнацаканыну необходимо было пройти мимо. Всякий раз Хачик многозначительно и строго смотрел через улицу на врага.

«Так я еще доберусь до той истории, – означал судейски-непреклонный взгляд. – Я еще займусь тем делом, не беспокойся. Оно не останется шито-крыто, можешь быть уверен на все двести».

Хворостенко в свою очередь тоже не отводил взгляда.

«Что ты можешь мне устроить, хотел бы я знать?»

«Посмотрим, посмотрим», – обещал взгляд с одной стороны улицы.

«Что посмотрим?» – шурился взгляд с другой стороны улицы.

«Ну-ну».

«Э!..»

С тем и расходились. То есть Хворостенко оставался стоять где стоял, а Мнацаканян шел по делам дальше.

Небольшими, очень местными геологическими изменениями прямо против ворот седьмого номера, как раз в том месте, где когда-то была воронка от не крупного снаряда и в нее положили мертвую неизвестную старушку, давным-давно образовался неглубокий провал в мостовой. Воронку, ставшую могилой, в свое время засыпали щебнем от разрушенного бомбой дома, утрамбовали, наново замостили булыжником, все сделали по правилам, а через какой-то срок мостовая осела. Ну, осела и осела, никому не мешало. Даже напротив, ямка стала привычной и уютной деталью этого уголка улицы. В первые послевоенные годы тихими летними ночами в ямке между булыжниками слабо блуждал зеленоватый кладбищенский огонек.

Водители грузовых машин пренебрегали провалом, водители легковых объезжали его. Как-то в полдень, когда на улице почти не бывает народу – люди на работе, дети в школе, старики заняты приготовлением обеда, – Хачик был послан в овощную лавку за капустой и тыквой. Он торопился, чтобы успеть до перерыва, но возле седьмого номера задержался, так как здесь произошла дорожная авария, и необходимо было посмотреть.

Груженный двумя штабелями красного кирпича грузовичок, очень старый, той допотопной марки, которую, когда она еще была гордостью молодой индустрии, с отвращением водил в их с Хачиком экспедиторских рейсах бывший биндюжник Семен Трахтман, въехал в ямку и сумел выехать из нее, но ветхие борта не выдержали наклона на правую сторону, от толчка кирпичи вывалились на мостовую, на тротуар, ободрали кору с молодого тополя и старой акации. Шофер, встрепанный, злой, юный, почти школьник, почти плачущий, длинный, как все они теперь, свежее поколение, влез в кузов и торопливо, однако заводским порядком складывал обрушившийся штабель.

На него нельзя было смотреть без сочувствия, Хачик так и смотрел.

Семка в их с Хачиком экспедиторские времена не мог любить свою машину, потому что за рулем невозможно было выпить, тогда как на облучке сам Б-г рекомендовал. Семка и уважать не мог свою машину.

– Где у нее характер? – каждый раз спрашивал он, включая скорость. Все включалось, и Семка злобно матерился на это беспрекословное послушание. В кузове, неизвестно с какой целью, он всегда возил немного свежего сена...

Шофер довольно быстро навел порядок в кузове, затем спрыгнул на землю, откинул борта, снял свою эффектную, в цветочек, рубашку, сунул в кабину и стал подбирать кирпичи, разбросанные по земле протяженным коралловым сугробом.

Хачик наблюдал, как парень, не щадя модных, на широком ремне, штанов заграничного происхождения, складывал на колене стопку в шесть-семь кирпичей, потом передвигал всю ее по животу на безволосую грудь, доносил, помогая себе подбородком, до машины и тут выкладывал наверх. Хачик прикинул, сколько же времени может занять вся работа, получилось – много. Учтя крайне расстроенное выражение парня и дряхлость грузовика, Хачик сделал вывод, что этот шофер очень недавно приступил к освоению профессии, иначе машину ему доверили бы не такую жалкую, и авария не была бы для него такой огорчительной. Хачик подумал, что если бы кто-то смог помочь шоферу, то штаны, купленные, вне сомнения, еще на родительские деньги, с отцовской или материнской полочки, остались бы в приличном виде, и тут спохватился, что лавку закроют на обед.

Когда он вышел, прижимая тыкву к груди, с тяжелым кочаном капусты в любимой оранжевой авоське, то первое, что увидел, – Хворостенко, помогающего грузить кирпичи.

Хворостенко стоял возле машины, парень подносил, а старик освобождал ему руки, аккуратно складывая кирпичи в кузове. Дряхлая машина, казалось, дремала на солнышке, как дремлет во время погрузки виноватый унылый осел. Парень сменил выражение плаксивой озлобленности на нормальную озабоченность, Хворостенко брезгливо ждал, пока шофер наберет стопку, потом брезгливо выкладывал кирпичи, и, похоже, в презрительной брезгливости старика мальчик находил необходимое для себя утешение, относя брезгливость к пустячности произошедшей аварии.

Хачик подумал, что если бы был третий человек, то самого шофера следовало бы загнать в кузов, пусть бы он укладывал штабель. Хворостенко в этом случае занимал бы тот же пост, а третий человек поднимал бы с земли и подносил кирпичи. Время простоя, думал Хачик, сократилось бы втрое, у шофера, таким образом, было бы втрое меньше неприятностей от начальства.

Палевое перышко акациевых листьев нежно опустилось на взмокшую спину наклонившегося за грузом парнишки и прилипло к ней. Парнишка выпрямился, подвигал лопатками, потряс плечами – оно и соскользнуло.

– Дедуля, ты, с капустой! Помог бы по способностям!

Хачик не сразу понял, что обращаются к нему. Одну руку оттягивала сетка с капустой, другая рука прижимала к груди тыкву, и он чувствовал себя человеком при деле, который не может быть отвлечен на другие дела. Но тут на него взглянул Хворостенко, брезгливости на его особенном лице стало вдвое, тогда Хачик понял, что обращаются к нему. А когда понял, отказываться не стал.

Он прицепил сетку на завитушку ажурных ворот, в уголок осторожно опустил тыкву, тут же кое-как приспособил пиджак, приблизился к работающим, насмешливо оглядел каждого из них и предстоящее поле деятельности, показывая всем своим видом, что только сейчас начнется то самое, которое он совершит и завершит. Хачик потер руки, прокашлялся, как перед ответственной речью, наклонился, упершись короткими руками в поясницу, поднял наконец и крепко грохнул по настилу кузова первую пару кирпичей. Сразу повеселевший шоференок загалдел:

– Работа – безотказный регулятор человеческой жизни, граждане! Труд облагораживает народы! Кто не работает – тот несчастен!

Пока парень выстраивал на своем колене стопку, Хачик успевал трижды наклониться за своими двумя – дело весьма двинулось.

– А ну-ка, марш наверх! – скомандовал Хачик шоферу. – Мы тут на земле без тебя все сделаем хорошо!

Так они стали напарниками – Мнацаканян и Хворостенко.

Хачик сноровисто шагал к кирпичам, бодренько кряхтя, нагибался, весело хмыкая, преподносил кирпичи Хворостенке – пару за парой. Хворостенко, не снимая с лица брезгливой гримасы, принимал кирпичи и передавал их шоференку. Хачик не смотрел на брезгливое лицо напарника, ему совершенно было безразлично его лицо, ему важны были только руки. А руки тянулись навстречу его рукам точно вовремя и передавали груз наверх в руки парня. И пошло у них – из рук в руки, и в слаженной музыке их работы наступила та упоительная гармония, когда сердце играет весельем, каждое движение тела пристрелено для единственно нужного в свой момент поворота, а мысли кружатся и рвутся от счастливой беспечности, как в танце, как в молодом беге...

Когда кирпичей на земле осталось чуть, Хачик, убедившись в молчаливой готовности и безупречной точности коричневых мозолистых рук напарника, решил даже пошутить над этими удивительно послушными руками. Что будет, шаловливо спрашивал себя Хачик, нагнувшись за очередной парой кирпичей, если я сейчас не дам ему в руки, а сам поставлю куда надо? Он даже засмеялся вслух от озорного любопытства. И понес кирпичи к машине, к ожидающим рукам, но пронес мимо и взгромоздил их прямо на машину. Руки Хворостенко раздвинулись от удивления.

«А! – ликовал и хихикал Хачик, поднимая с земли следующую пару. – А сейчас, так и быть, дадим!»

– Ай, что же вы! – с упреком в неловкости сказал Хачик, когда руки Хворостенко не с налета подхватили. Якобы недовольный работой напарника, следующую пару собрался опять водрузить наверх. И оплошал.

– Видать, закончили, – сипло вздохнул Хворостенко, заскрипел широким кожаным ремнем, на котором держался на плече его протез и неторопливо удалился во двор.

– С меня магарыч! – возвестил шоференок и выпрыгнул на мостовую. Он закинул оставшиеся кирпичи уже так, без порядка, поднял борта – и все бегом, шумно. Несчастные борта! От правого осталось всего несколько расщепленных дрожащих дощечек.

Парень сразу двумя руками влез в рубашку, вскочил в кабину, включил зажигание, высунувшись, что-то еще прокричал, благодарное или остроумное, хлопнул дверцей, и машина осторожно потрусила по булыжникам, завернула за угол.

Улица затихла. Уставший немного Хачик отряхнулся, поправил фуражку, надел пиджак. Потрескивали засохшие стручки акации над головой. В овощной лавке, уже закрытой на перерыв, цокали на счетах. Хачик разглядывал грязное пятно на желтой штукатурке, свою июньскую работу, когда услышал позади покашливание и непрокашлявшийся голос Хворостенко:

– Уехал, ядрена деревяшка!..

Хворостенко принес молоток, две планки и метлу, ту самую, знакомую, ивовую.

– От черт!.. Я же хотел ему кой-как борт заколотить... Уехал! И до свидания не оставил!..

Хачик повернулся.

– Как раз нет, – воскликнул он укоризненно. – Как раз и нет! Вам как раз и передана благодарность от всего сердца и обещание хорошего магарыча! Просто человек очень торопился, а вы ушли, вы, наверно, тоже куда-то торопились?..

– Надо мне его магарыч! – незло буркнул Хворостенко. Вечная его брезгливость странным образом ушла с лица, и оно освежилось гримасой добродушного омерзения. – А борт я бы ему забил. Что то за борт!..

– Не волнуйтесь, – твердо сказал ему Хачик. – Напрасны ваши волнения. Там, у него в гараже, есть, можете быть уверены, кому забить и чем забить. Кому положено, тот и сделает. О чем вам морочиться?

– И то, – согласился и кивнул Хворостенко и бросил принесенные планки в уголок за воротами, а молоток сунул в карман. – Борщец будет? – Он показал на кочан, и Хачик увидел в его взгляде печаль заброшенности.

- Борщ, – гордо ответил Хачик.
- Каша? – Хворостенко показал на тыкву.
- Адмакашови, – уточнил Хачик.

Не хотелось уходить от места, где они так приятно поработали.

- Намусорил он тут вам, этот специалист, – посочувствовал Хачик.

Хворостенко взялся мести. Он поскреб метлой по булыжникам и вокруг деревьев, кирпичной крошки образовалась немалая кучка, так что, когда Хворостенко сбросил весь мусор в печальной памяти ямку, она как раз и сравнялась с мостовой.

Хачик нахмурился. Такое действие Хворостенко было кощунственным на его взгляд. Он подбирал слова, чтобы заявить об этом, но тут Хворостенко, как бы извиняясь, сказал:

– В среду, – сказал он, обметая края ямки, – нашу улицу начнут асфальтировать. Домоуправ предписал, где есть ямы – позасыпать.

– Что вы говорите?! – просиял Хачик. Ему страшно понравилось, что Хворостенко счел необходимым дать объяснение. – Вот так новость! А я был совершенно уверен, что до нашей улицы дойдет очередь, когда меня совсем не будет на этом свете!

– До всего доходит своя очередь, когда надо, так я считаю, Хачатур Геворкиевич, – скудно ухмыльнулся Хворостенко и добавил: – В среду начнут, раз сказано.

Хачатуром Геворкиевичем Хачика называли давно, когда он еще работал на станции «Одесса-товарная», очень давно. Он взволновался, даже немного растерялся, стал уходить.

– Жена, наверно, ждет не дождется...

Но остановился, вдруг вспомнив свой вопрос, некогда оставшийся без ответа, вернулся к ямке:

– Так метете теперь вы? А что, Наталья Дмитриевна заболела?

– Нет, – с готовностью, но неторопливо отвечал Хворостенко. – Она – нет, слава Б-гу. Сестра у нее в деревне – та заболела и вот вызвала мою. Там поросята, там огород, вот все лето она и там. Родная, надо же, кому еще?

– И все лето вы один? – с чувством спросил Хачик.

– Куда уж хуже! Сам суп свари, сам кашу, сам в магазин и свою работу сделай, и за нее... – Он рассеянно наскреб еще немного красной пыли, смел в ямку. – Устал...

Хачик нагнулся, подобрал у своих ног кирпичный осколок, бросил в ямку и согласно покивал:

– Мы с моей тоже не любим разлучаться.

– Возраст, – значительно сказал Хворостенко.

– Вот именно, – отозвался Хачик. – Возраст. Болезни. Ей, например, ни в коем случае нельзя поднимать тяжелое. Так это мое дело. – Для наглядности он воздел кверху капустный кочан. – А мне, другой пример, ни в коем случае нельзя кушать слишком соленое. Так что, спрашивается, я сам буду для себя вымачивать селедку? Да никогда в жизни, – горячо, как клятву, выкрикнул Хачик и проникновенно добавил: – А она, конечно, сделает, и по всем правилам.

Хворостенко поправил ремень на плече и серьезно, мечтательно сказал:

– Приедет, попрошу у нее вареничков с творогом. – И долгим и теплым взглядом посмотрел в прозрачную перспективу улицы, сбегаящей к морю, как будто оттуда, из чистой морской дали, и должна появиться его недобрая супруга с полной сумкой деревенских гостинцев – салца, меда, чеснока.

Хачик смотрел туда вместе с ним.

– И скоро ли, Петро Матвеевич?.. – спросил он.

– Игнатъич, – поправил Хворостенко. Он оторвался от дали и опять зацарапал метлой по булыжникам и по кромке тротуара.

– Извиняюсь! Скоро ли, спрашиваю, вернется ваша Наталья Дмитриевна?

– Да кто ж ее сообразит!.. – безнадежно оказал Хворостенко. – В письме написала – скоро. А что по-ихнему «скоро»? – Он яростно зашваркал метлой. – Не вставал бы в такую рань!.. В пять часов надо встать, чтобы успеть прибраться во дворе и на улице – участок вон какой! К девяти в школе надо быть, а

я уже наработался, как битюг. Совести у ней нету, скажу вам честно. От приедет, я с ней поговорю. Что ж она – не понимает? – распалился вдруг Хворостенко со всем доверием. – Понимает, вредная старуха!

– Это так, – поддакнул Хачик. – С ними надо строго, тогда они не разу-

чиваются чуткости. Женская чуткость в прямой зависимости от нашей строгости, я этот закон давно усвоил.

– То-то! Она уже и забыла, как в пять вставать на работу! Она раньше

одиннадцати часов и не выходит двор мести, а то и в двенадцать не соберется, барыня!

– И ничего, можно? Домоуправ не в претензии? – спросил Хачик и

улыбнулся против желания и почувствовал, что улыбается сатанински, и знал почему. Потому что представил, как на желтой стене седьмого номера с раннего утра некоего дня и до одиннадцати, а то ж до двенадцати часов висит его припрятанная в чулане доска, и прикинул, сколько же народу успеет пройти мимо нее, идя в тот день на работу, и понял, что довольно много.

И второй, некогда оставшийся без должного ответа вопрос сам низринулся в их невинную стариковскую беседу.

– А кстати, Петро Игнатьич, где же все-таки находится тот ваш знакомый, который... Вы сами знаете, кого я имею в виду. А?

Хворостенко перестал мести и скорее удивленно, чем недовольно, замотал головой.

– От дался вам покойник!

– Ай, так он умер?..

Хворостенко пружинно ударил метлой об землю.

– А если я скажу – не умер?

– Но вы же только что сказали – покойник?

– А если я скажу вам – убили его?

Хачик помолчал.

- Кто? – он не скрывал ревности к мстителю.
- От человек! – Хворостенко опять надавил метлой на землю, и метла спружинила вверх. – Так его ж немцы и убили!
- Молчу... – в смятении сказал Хачик, но смотрел вопросительно.

Ах, судьбы, ах, судьбы человеческие! Тот ужасный гражданин был, оказывается, как еврей повешен – вот что услышал Хачик! Дана была ему Б-гом такая внешность удалого казака, что никаким документом, никаким унижительным раздеванием не мог он доказать новым властям христианскую свою сущность. С первого дня оккупации заметался бедный человек. До войны носил габардиновый костюм, штиблеты, а тут пришлось вышитую сорочку добыть, сапоги. Но и в этом специальном наряде он был похож на еврея, а то еще и больше похож, чем раньше. Для спасения жизни пошел записываться в полицаи – не взяли, еврей. До крайности дошел, убил, устроил публичное доказательство – не помогло. Попал однажды в облаву... На виселице кончились все переживания. Сапоги с него сняли, когда вешали, вышитая сорочка осталась. Так и висел босой. Жена осталась, дети...

- Жуткая история, Петро Матвеевич!..
- Игнатъич, – поправил Хворостенко.

Что за осень! Не припомнить другой такой осени, такой нежной застенчивости солнца, такой скромной синевы неба, такой целомудренной прозрачности деревьев, таких деликатных дуновений с моря, такой бережной тишины! В робком и ненадежном своем равновесии осенняя природа с трогательной настойчивостью призывала к плавному течению по жизни, к благородной созерцательной лени, к прощению, покою...

- А где же похоронен этот несчастный?

– А где ж ему быть похороненному? С евреями и похоронен, в одной яме. Там ему и памятник, верно, стоит. А не стоит, так поставят, а как же.

– Ему – стоит! – возмущенно воскликнул Хачик.

Хворостенко пожал плечом и ласково обмахнул метлой красную от кирпичного мусора могилку.

– Мое почтение, Петро Игнатьевич! Я очень надеюсь на самое скорое возвращение вашей супруги! – гневно выкрикнул Хачик, но его разгневанность распространялась на безответственные шуточки фортуны, и только.

– До свиданья! – сердито кивнул Хворостенко, но его недовольство распространялось на покинувшую дом жену, и только.

И Хачик наконец ушел.

«Неплохой старик, – думал он, удаляясь. – Надо было спросить, где он потерял ногу... Впрочем, не все сразу».

«Ангел Совместной Работы – самый веселый ангел», – заявил как-то Семка Трахтман, когда они однажды хорошо вспотели на складе ликеро-водочного завода и их после погрузки пригласили попробовать продукцию. Семка любил и умел между зеленым матом вбить выспреннее словечко.

Í á ò á ñ ÿ ù è é ñ ñ ð í ò è ð í á ñ í ú ñ,

ò à ñ á í è á á í á ñ ð è ÿ ç í è ò à è í í é,

Í í ñ ò á ç æ á á ñ ñ ò ñ è ð è ò,

Í á ñ í è í ÿ á ò ñ ñ ð ñ ò à ð à ñ ñ í è í æ á í ù ñ ñ

È ñ í á ñ à : è á á á ò é í á ù ñ ñ ó

ç à ñ ò í è ù ñ

Á á á í è á á á ù á á è è æ á è ó á ñ ресторане,

– неожиданно для самого себя продолжил Хачик, но не тогда, на складе, и не сейчас, косо пересекая улицу, и даже не в этот день тихой осени, совместной работы и примирения, а лишь некоторое время спустя, когда задули зимние жестокие ветры, море заледенело до самого горизонта, деревья коченели от стужи, а снег все не выпадал и в городе с немалой тревогой ждали эпидемии гриппа...

«Доска цела. Алебастр остался. Куплю ведро, куплю новый мастерок...» – думал он сейчас, нежно прижимая тыкву, раскачивая на ходу капусту в оранжевой авоське и многообещающе улыбаясь самому себе.

А в среду, конечно, никто ничего не асфальтировал. Хачик выходил удостовериться. Но в пятницу – действительно. В пятницу прибыли люди, прибыли машины, работа шла весь день и ночью. Улицу стало просто не узнать – зеркало!

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

Теорема Гёделя

Пролог нового романа «Однажды в Бишкеке»

С бутылкой водки в руке я стою на седьмой сверху ступеньке выхода из метро «Третьяковская» и прошу милостыню. Вернее, даже не прошу — требую. В былинном таком ключе: «Подайте на бухло, люди добрые! Подайте на бухло, люди русские! Люди добрые, люди русские! Подайте Христа ради ветерану ливанской войны на бухло!»

А одет я в черное роскошное пальто, которое было куплено за тысячу двести долларов в Нью-Йорке. Лет пятнадцать назад. На мне также льняные белые штаны, как у Ихтиандра, они полощутся на мартовском ветру. Обут я в разбитые армейские ботинки без шнурков. Волосатую грудь – под пальто ничего нет – украшает израильский армейский жетон.

В качестве попрошайки я пошел по пути агрессивного маркетинга и не ошибся: люди добрые, люди русские откликаются в общем и в целом неплохо. Приняв подавание, я благодарю страстно, от сердца: «Спаси Б-г, сынок! Бей жидов, сынок! Бей жидов, дочка!»

Бывает, что какой-нибудь русский интеллигент, пересилив страх и отвращение, взывает ко мне в том духе, что я махровый антисемит — как не стыдно! как не стыдно! Это моменты моего триумфа. Я хватаюсь за солдатский жетон Армии обороны Израиля: «Шибко грамотный? Читай! Что? Иврита не знаешь, жидофил? Ну так я тебе раскумекаю: “Мартин Зильбер. Личный номер 1358673”. Сайерет маткаль, слышал о таком? Спецназ Генштаба! Понял, нет? Я за Израиль кровь проливал! Ну да Г-сподь с тобой, ступай с миром, сынок! И бей жидов!»

Я делаю глоток из бутылки, занюхиваю рукавом американского пальто. Я не мылся, не брился и не ел уже десять дней. Жё не манж па ди жур.

Вниз по лестнице расположились другие завсегдаи «Третьяковки». Человек-сэндвич баба Настя, натуральная Баба-яга. Промотирует секс-шоп. С непредсказуемыми интервалами издает дикий вопль: «В интим зашел — счастье нашел!» За ней — девочка-припевочка Марина, вся в вязаном, со своей ручной крысой Хельгой и рекламной картонкой «Мы хотим в Париж!» У нее псориаз какой-то, по моему, у этой крысы, между ушей. Но подают им охотно, особенно пассажиры с детьми. Дальше идет безымянный бомж на коленях. Он истово кладет поклоны, но это не добавляет ему аттрактивности, и сборы его невелики. И в самом низу, но не низший — Вадик Флейтист. Он играет хорошо, только слишком тихо для выхода из метро.

Я делаю технический перерыв, чтобы заскочить в «Макдональдс» и там в сортире пересчитать бабло. Кажется, моя карьера совершила крутой вираж и выходит на новые рубежи: триста восемьдесят девять рублей! Притом что я до трехсот еще никогда не доходил.

Я возвращаюсь к метро и ору сверху:

— Флейтист! Эй, Флейтист! Поднимайся давай!

Вадик играет тихо, зато слышит хорошо. Он резко прерывает «Шутку» Баха, складывает флейту и бежит наверх, прыгая через две ступеньки.

Мы проходим по Климентовскому и спускаемся в «Апшу», демократический отстойник с умеренными ценами. Здесь мне разрешают распивать принесенное с собой. Разрешили, конечно, не сразу. Просто как-то раз попробовали не разрешить, и тогда их сраное кафе с менеджером-корейкой услышало всю правду о жидях, которые спаивают русский народ, и теперь меня терпят здесь в не худшей из моих ипостасей. Это когда я рассказываю Флейтисту что-нибудь философическое, подливая в рюмки (первые две я честно покупаю у заведения) и не слишком форсируя голос. Шугаются только за соседними столиками.

— Не, а ты понимаешь суть теоремы Гёделя «О неполноте» в ее самой житейской, самой банальной и самой поповской формулировке? — спрашиваю я и оглядываю окружающих, чтобы никого не упустить. Речь идет об очень важных для всего человечества материях.

— Не, в такой формулировке я, пожалуй, совершенно ее не понимаю, — признается Вадик.

— Слушай тогда внимательно, — говорю я и перехожу на шепот, склоняясь к уху Флейтиста (а на хера раскрывать тайну всем и каждому), — в любой достаточно богатой системе аксиом существует утверждение, которое внутри этой выбранной системы аксиом нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Я в теме и прекрасно отдаю себе отчет в том, какого рода информацию я сообщил сейчас Флейтисту. Эта фраза. Как вам объяснить? Вот если бы человечеству грозила гибель и нужно было передать потомкам весь человеческий опыт, его квинтэссенцию, то она — квинтэссенция — была бы в этой фразе.

— Понял? — я заглядываю Вадика в глаза.

— Понял, — говорит Вадик.

Я не верю ему ни разу. И вообще, он начинает меня раздражать. Но я должен смирить гордыню. Я ведь ангел, настоящий ангел, посланник Б-жий. И если Вадик Флейтист не понимает того, что понимаю я, это не вина его, а беда.

— Ладно, брат! — в предвкушении того, что собираюсь сказать, я пробиваюсь слезой восторга. — Только тебе и... только сейчас... здесь... сегодня... веришь?

— Верю, — отзывается Флейтист.

— Слушай и мотай на ус, — шепчу я ему прямо в ухо. — Правды нет, брат! Нет ее, правды! Как не было, так и нет! Какую ты, блядь, систему аксиом ни возьми! И отсюда какой следует вывод?

— Какой? — спрашивает Флейтист. Он заметно нервничает.

— А такой, что надо вовремя менять аксиоматическую систему. Побег из предлагаемых обстоятельств — вот единственная форма движения!

— Ну ты загрузил! — Вадик хватается за голову и начинает мотать ею из стороны в сторону. — Ну ты запарил, брат! Да как же теперь жить-то?!

— Не парься, брат! — говорю я ему. — Я сейчас схожу поессу, а потом объясню тебе, как надо жить.

Я запахиваю пальто и начинаю маневрировать между тесно расставленными столиками. За одним сидит компания молодых ребят, и, проходя мимо, я ловлю синхрон плачущей девушки, которая всхлипывает, размазывая тушь: «И вот я, домашняя, блядь, девочка, должна, как сука, вкалывать целый день в офисе!»

Я начинаю думать о том, что это крик нового поколения, да и моего в том числе, и что я должен быть счастлив, даже если жизнь моя трудна и безнравственна. Но ведь если бы я сидел каждый день в офисе, то такая жизнь показалась бы мне, конечно, совершенно невыносимой и я готов был бы сменить ее хоть на галеры — хотя на галерах я бы тоже долго не выдержал... Но там уже все, там бежать некуда. Настоящий и последний экстрим — так думаю я, выходя из туалета, и налетаю прямо на Сергея.

— Здравсьте, Мартын Александрович! — говорит Сергей и улыбается мне кинг-конговской улыбкой.

— Здравствуй, Сережа, — говорю я спокойно и пытаюсь разглядеть за тушей этого орангутанга моего друга Эйнштейна. Что-то не видать.

— А бежать вам некуда, Мартын Александрович, — ласково произносит Сергей.

— Знаю, Сережа, — признаю я смиренно и сразу делаю озабоченное лицо: — А что это за х...я у тебя к жопе прилипла?

Радостно глядеть, как этот перекачанный амбал покупается и обеими руками хватается себя в панике за задницу. Я изо всех сил бью его ногой по яйцам. Но я пьян, слаб и неточен. Хорошо бы, пронесится у меня в голове, сменить аксиомы прямо сейчас и перейти в другую систему координат.

Возможно, в будущем люди научатся менять систему мгновенно и побег из предлагаемых обстоятельств станет секундным делом. Но пока это еще трудоемкое и затяжное предприятие.

Сергей успевает нанести мне два чудовищных удара, прежде чем его останавливает голос Эйнштейна:

— Сергей! Я просил нейтрализовать, а не калечить!

— Альберт Исаакович, он первый начал! — оправдывается Сергей.

Я не могу дышать от удара под дых и ничего не вижу, потому что кровь из рассеченной брови заливает мне лицо. Где-то это уже было... Ах, да! Это когда в иерусалимском пабе «Пророки» много лет назад мне разбили голову бутылкой, вот так же кровь мешала зрению.

— Пакуйте, Сергей, пакуйте клиента! — приказывает Эйнштейн.

— Альберт! — молю я, задыхаясь. — Дозволь попрощаться с товарищем по нищете!

— Прощайся, — разрешает Эйнштейн. — Только быстро.

Я шагаю через три зала, капая кровью (или «искапывая кровью» по модели «истекая»?), и во весь голос пою, но не об этом. Я пою старый и прекрасный цыганский романс о женщине, которая едет домой. По пути к дому ей кажется, что все окружающие смотрят на нее с лаской и любовью. Душа ее полна. Душа ее то путается, то рвется. То рвется, то путается!

Я вдруг осознаю, что на полной громкости выкрикиваю песню прямо в лицо официантке, которую схватил за плечи и трясу так, что ее наполненные ужасом глаза то появляются передо мной, то снова исчезают.

— Слива! — извиняюсь я почему-то на иврите.

Все, надо и вправду сваливать. Это место как-то себя уже изжило... Так, а кто же здесь Флейтист? А, вон он!

— Флейтист! — зову я.

Ко мне оборачиваются десятки лиц.

Ну раз так, тогда я обращусь уже ко всем:

— Люди! Наша интеллектуальная база покоится на чрезвычайно хлипком основании! Будьте бдительны!

И ухожу.

Тропою снежною к черному-пречерному лендроверу. А за рулем в нем Сережа-шкаф сидит.

В машине Эйнштейн начинает причитать:

— Нет, блядь, но почему я? Почему я? С каких дел? За какие такие грехи? Г-споди! За что? За что ты сделал меня женой алкоголика?!

— Take this cup away from me, for I don't want to take this poison! — отзываюсь я песней с заднего сиденья.

— Г-споди! Какой же ты противный, когда пьяный! Мартынуш! Не пей, а? Умоляю! Пожалуйста! — произносит Эйнштейн устало и горько.

Мне становится ужасно стыдно. Честное слово.

Но еще ужаснее мне хочется выпить.

Но теперь уже больше никто не даст.

Мне предстоят капельница, долгий сон на транках и две недели в психушке на амитриптилине.

А все не так плохо.

ИЦИК МАНГЕР. ПЕСНИ ПЯТИКНИЖИЯ

Áàéàðéé Áùì øèö

Моя прапрабабушка говаривала: «Верно Хумеш (Пятикнижие) книга не человеческая, а истинно Б-жественная. Я ее всю жизнь каждый год перечитываю, а она все не наскучит». Полагаю, она читала не само Пятикнижие, а «Цейне-Рейне», пересказ на идише вместе с комментариями и мидрашами, своего рода библейский роман. А «Цейне-Рейне» не могла ей наскучить, потому что она твердо знала: это не только для нее писано, но и про нее.

Каждый еврейский писатель, поверивший в свое призвание национального писателя, рано или поздно садился писать свою Библию. Библия Мангера – ностальгическая Библия. Ведь для его читателя, жителя большого города, старый штетл был не менее далекой и не менее важной частью национальной мифологии, чем библейский Ханаан. Это с одной стороны, а с другой, быть может, это и есть новая «Цейне-Рейне», та самая, которая не наскучит. Ведь лирические баллады «Хумеш-лидер» возвращают читателю ощущение, что книга Бытия – не древний восточный эпос вроде «Гильгамеша», а что-то очень близкое; книга, написанная если уж не о нем самом, то и не о праотцах, а, в крайнем случае, о прадедах.

Мангер называет «Цейне-Рейне» в качестве источника своей книги «Хумеш-лидер» («Песни Пятикнижия»). «Цейне-Рейне» была составлена в начале XVII века, тогда же появились пуримшпили, еще один источник «Хумеш-лидер». И «Цейне-Рейне», и пуримшпили всецело принадлежат эстетике барокко, любимому и, в сущности, единственному всецело адаптированному народной культурой евреев Восточной Европы европейскому стилю. Им присуще барочное смешение высокого и низкого, трагедии и фарса, барочные густые тени и неожиданно выхваченная светом деталь. Все это есть и в стихах Мангера.

«Хумеш-лидер» – книга очень еврейская (не только по теме и языку), но вместе с тем и очень европейская. В библейских балладах Мангера есть очарование подлинного примитива, которое было присуще, например, художникам Кватроченто. Мадонна сидит у окна, а за окном родной городок художника где-нибудь в Умбрии или Тоскане, и итальянский мужик пашет поле, и убегает вдаль дорога «печальная и прекрасная», и над миром разлито сфумато, дымка столь любимых Мангером сумерек.

Напряжение этой удивительной книги – напряжение между европейским модернизмом и еврейским поздним Средневековьем, между Библией и повседневностью – точно задано двумя предисловиями: первое – стихотворение в прозе во французском духе, а второе – рифмованная проза, стилизованная под предисловие к средневековой народной книге. Взятые крайние точки, уравнивающие

противоположные эстетические полюса, поэзию и прозу: стихотворение в прозе и проза в стихах. В этом напряжении суть «Хумеш-лидер»: поэзия библейской прозы выражена в городской балладе, самом прозаическом из поэтических жанров.

В оригинале баллады «Песен Пятикнижия» были впервые опубликованы в Варшаве в 1935 году и впоследствии вошли в книгу «Медреш Ицик» («Толкование Ицика»). Эта книга, впервые изданная целиком в Париже, кроме «Хумеш-лидер» включает в себя еще три цикла «библейских» баллад: «Портновский подмастерье Ноте Мангер читает Танах», «Руфь» и «Мегиле-лидер» («Песни книги Эсфири»).

Черновцы. Город, в котором родился Ицик Мангер. Рисунок Анатолия Каплана. Фрагмент

Избранные баллады из книги «Песни Пятикнижия»

*Ààð ì íàì ó íòóó èíéóíí ì ó è í ðàáíííáíí ì ó ííðóíí ì ó Àèéàèð á Ààðí ó
Í àí àíðó*

Песни, собранные в этой книжке, шалют с убеленными сединой бородами праотцев и с концами платков праматерей.

Такое вот интермеццо, что-то вроде видений в духе народной баллады.

Искушенный читатель заметит, что ландшафт, в котором действуют персонажи Пятикнижия, не ханаанский, а скорее славянский. Я представлял себе Восточную Галицию.

Этот ландшафт с ветлами вдоль дороги, вишневыми садами и странными тихими сумерками мерцает в моих воспоминаниях о раннем детстве.

В обрамлении этого ландшафта мой отец, когда он был странствующим портновским подмастерьем, затверживал пуримшпили и разыгрывал их со своими товарищами.

Пока я писал эту книгу, шутовской колпак пуримшпиля маячил перед моими глазами.

Так же как мамыны поэтически-благочестивые пантомимы над Тайч-Хумешем.

Кстати, о ландшафте.

Некогда, уезжая из Черновиц на каникулы к деду.

В повозке деда, балаголы Аврома Мангера. Вечер. Смеркается, смеркается. Тучи уже не тучи, а удивительные создания, что висят и лежат на ветлах вдоль дороги и пугают детскую душу.

О, сладостный детский страх! Не везет ли меня дед как Исаака на жертвоприношение?

У деда грустные глаза. У его кнута красное кнутовище. У каурой правой пристяжной ободран бок.

Хвала Тебе Г-сподь хвала / Меня Ты укрепил / Чтоб слабою своей рукой / Свой труд я завершил / Усердно, долго я сдувал / Пыль с наших праотцев / Веков серебряную пыль / И пыль высоких слов / И вот живые праотцы / Стоят передо мной / Они приветствуют тебя / Читатель дорогой / Теперь ты должен им внимать / Уста их святые готовы / О чудесах рассказать / А тот кто книгу сочинил / На то все силы положил / Зовется Ицик Мангер он / Волошскою землей рожден

Í ðàí ò äö Ááðíì ñò ù äè ò Èí ò à

«Èí ò, ñÿ äü è äü ñé ó áé - ñð àì í ò à!

Òú æ á ááç í ðí ñú ó ó ì ù äü

Á-áð à “Çí è í ò ò ñ ì è á í á” ñ ÿ ò ù

Ó ñ ò ð í è è ä ÿ ç í ú é ä ä á í ø.

Ò à é ì í æ á ò È ö è é Í á í ä ñ, ñ ñ ð ò í í é,

Ò á á á í á ñ ð ñ ò à è í ò à é:

Á á á ä ñ ÷ à ð è á ä ä è á ò è í ò ñ ù é ä ä,

È ò ú, ò ù ó ò ù ó ó í á á á ä ÿ é.

Í í á í è ñ ÿ Á-ä: ä ñ ò ù ó ò á ä ÿ

Ç á ð í ñ è ä ñ ñ à ø í è è ñ è í ò.

Í è à æ ä ñ ñ ä ÷ ò ñ ñ à ð ò á ð ñ ñ ù ò,

Óřéúσéσúř óēáúáò éàé Ēřò.

Ā éàí óí řááíòú řááí řá áđáđ -

Ī ř í àéáíúéřé, éàé āáíđýò,

Ēřááá řá řò řéá řáóééòá-òéσ

Ē řáá-é řáýòúá āđýò.

Ī ř óú-òí óēáúáσúáíé řáíđřéáò.

Ē éàé řá éúáò éç óσáé?

Òáé í řáéáò Āááđééá, σáááíř-āé,

Ī ř óáé řá āřéááí ááđáé.

Ī řáóí áé řáí říā - éřááá-řéáóúú

Ī á-řóò ářéòáòúíđř í áíý:

“Ī éáí ýí řéé Āáđří á íúýíéòá áúé,

Ī řáí říé - řóé đřáíý!”

Ē óáé ářéòáò... - Ēéóσáé áá óú!

Āúéđááò! Ī řçđ í řá řò íáíé! -

...xòí σááóáí řá řò đřéò řá óáé říđřá

Éàé áóáòí óáé áíí ÷óí říé.

xòí đáúú ířéááíéé ířòóíýáééí řúí

Ē óááá řá ířéááò áçýòúý.

Ēáááò éířú óáééó áí-ááé,

Ā óú řá áđřířéσúíéòúý.

Ēřò, řýáúé áúřéóσáé - řáí řòá!

Óú áá ááç íđříúóó íúáóú

Ā-áđá á “çřéřòí řéáíá” říýòú

Óřòđřéé áđýçíúé áááíσ.

Òáé í řáéáò Ēééé Ī áí āā, ířòóí řé,

Òááá í á í ðèñò àèí ò àé:

Ááá áí: àðè á ääèèàò èí ò í ðúé äíä

È òú, òüòó-òüòó, í á áááíýè».

Òðè áí äèèá í ðèðíäýò

é í ðáí ò óó Ááðí í ó

Ñò àðèé Ááðí ñèèè ò í á èðúèüòá

Áñò óèí èèè, äèýäý äí òüü ó

Èç äí à äíí ñèèè òèèèé í èá:

Í ðáí à ò àðè Ñíðá é í áí ó

«Í íè: è, èí ðíáá! Ñèüòèèü òú, í à ò?»

Í ó òáò è ò óèá ðúáà òü

Í áááðíýèá í á: è ò àèèñí í í á

“Òáéí á-Ðáéí á” ííýòü».

Í í í ðí ò è ðáà ò í: èè í èá ò èí í,

Í á øèýò áá: áðí èé äèýäè ò:

«Èáé áóá ò í ò áí è, èáè áóá ò í áüí,

È ýò í ò ááí ü í ðíèá ò è ò».

Òðè è ðáñ í áí ðí áüò ò óðèá ááðá

Áúðíäýò èç òüü ú í á øèýò

Í ðèèèè í í è, àèáí í, èçäèèèèè,

Í í íüèè í á ò í á ò óóèýü

«Çáðááñò áé ò á, áñòè, çàéèè ò á é í áí

Í í óèèí à òü í ò áí òí ó òü

Ñíðá í íý èñí áéèá èáðááé.

Í í áè, í á áèèçíè ááè í óòü».

Áíñò è ñáýò ñý äí èðááñò í èá

È ããðÿò á ò è ø í á

Í á ø ð ã æ à à í í ã ã ñ ò ÿ ò

Í ä à ò ÿ ò ä ä í ü ã ñ ò ä è í á

Ñ ð ä ñ ò í è ò è ñ è ø ã à ò è ã

È í ó ð ù ä à ò ü í ñ ã ã ã :

« Á í ú á ç è ä è ø à ñ è ü ø ü Á ä ã ã è

Ñ ò í á ã ð ò à è è ñ ã è à ã ».

À ã ñ ò è á í ò ä à ò : « Í à ò , ð ä Á ä ð ñ ñ ,

Á à ø à æ á í à í í á ñ ò ,

Á ù á ø ñ ä à ò á ñ ð ä æ ò ü á ð è ñ

Ð ä í ü ø à ÷ à ã ã í ð ñ è ä à ò ».

Ò ð ð è ø ñ ä ÿ ò . È á ò í ò æ á í è ä

Ð ä ä ñ ñ ò ü ä è à ò ä à ò á ä ñ ñ .

Í à ñ è í á ã ä à ð ò ñ ñ ñ ñ è à ò ù ä ä ð ñ ø ü

Á ñ ð è ò ç ñ è ñ ò ù í í ñ ã ã .

Ñ ð ä í í á ò È ø è è ø è ñ è ù ä ä è ü ð ð

È ä ÷ à ò Ñ ð ä è ñ è ù ä ä è ù

« Ñ ñ è , È ø è è è - í ò ä ò !

Í à ò ð ä ä è á , Í à è ø æ à è è á

Í à ñ ò ø ò í à ñ ò í á ñ ò .

Í ä ñ à ñ è à ç è à : « Ý ò í ä ä í ü ».

Ä ð ã ÿ : « Ý ò í í í ÷ ü

Ñ ñ í ò ð è : ñ è á ñ ò ä ä è ù è è Á ä ð è

È ä à ò è ç è ä ä è è í ð ñ ÷ ü

Ó Á ñ è ä - Á ä ð à á è ø í è ø ä

Æ ä è á ç í á ç ä ñ è ò ,

È i æiũ èé i'áðáá i æiũ èöáé

Í à èàáî: èá ñèèèò".

Íáíà ñèàçàèà: "Ýòí ááíü

Á i íéæiũ á øòí è ááí :

Èíò-ðááá ó: èò ñí ù øéíé

Áèááó èç Õíðú òàì.

Í à èðú øó çàáðáèáñí èíçà

Ñíèíì ó í ù èí àòü

À Èöèèè, à i æáí üèé

Í èéàé í á òí: áò ñ' àòü".

Í àñò óó ñèàçàè: "Í ó áñá, í ó áñá

Èàé ñí ì ðèòü ááì í á èáí ü?

Í í éááì è ñ' ðí ñèì Èöèèè,

Í í: ü ýò í èèè ááí ü".

Í ó, ñí è-áñé, í í é Èöèèè,

Í ó, ñí è-áñé è ñèí ðáé,

Í ðè øèè í àñò óó è í áóü

È ñí ì ðýò ó áááðáé.

Í ó, ò è ø á-ò è ø á, í àñò óó í é,

Óéì è ñáí èò í ááó.

Í í: ü ýò í. Áèèèøü- ãèàçí í üèè

Çàèðúé Èöèèè- í ò áá.

Áèáñò ýò ñáí ü èáí áéáé ðí ñí

Í à i æéíáíì öááò éá

Í áò óó è èáí: èà ðýäü øéíì

Óñí èèè í á øáñò éá".

Í àñò óó ñéàçàè: «Í ó àñ, í ó àñ...»

È ì ì à à ò ò è è à ì ì í é,

À yò ó í à ñ ð Ñ ï ò à

À ç y è á à ò à ì ÷ è á ñ ñ à í é.

Í ì ñ é à ì y y ì ì ÷ ù À à ò è á à ì ì á À à ò ì á

À à ò ì ñ é à ì é à á é ó ò í á ñ é è ò,

È à ì í à è ì ì ò è ò ì à ò à í á é,

Í ò è à ì ì ù í à ñ à ò ù ó ñ ò à í à ò -

È ì ó è è - ì ù ó è è ò à í á é.

Í è à ÷ à ò À à ò ì Ó ì ç y è í á à

Í ù í ÷ á è ç à ì ì á ì ò ì à ì á à è.

«Ò ì è ù è ì á à ç ò ì é ó ñ á Í ì ì y è à?»

Ó é á á ó ù è ò ì ÷ è à», - ñ é à ç à è.

À à ò ì è ó à - ñ ò à ò ì ñ ò è ó à á ÷ à ò à

Ñ é à ç à è à à ì ó «Á ù á è ò à è -

È è è ñ é ó à ì é ó è ç à ì ì á ñ í é,

È è è ò à ç à ì á ì í á à à à à à è».

È ç ñ ò í à ò ÷ è à à ù í è ì à à ò À à ò ì

Í è ò é ó è ì ò à è è ì à ì ò á ó ñ

Ó è y ì é ó ñ è ì ì á ì í ó ð, ç à í á é

Ñ é à à ì ì - ç à è à ì ù é á ó ò ì ó ñ

Á à ù è, è ì ò ì ò ì á è à è - ò ì ò à ç

À à ò ì è ó ì è è á é, è ì à à

Á ó è y è è ì í è í á ì é ò à è í á

Á à à ó ì à y ò ì ì à ç à

«Á ù ì è ç ò ò à ù ì ì à ò ì à ì ç í í é,

Áúì èç ò ðáúú íá-ííé -

Òàéäý áîò, íé ì àì í-èè,

Óáí à èþáàè ì óæñéíé.

Éóüà ò áì áðí ò ú ááí áεúñý

Ñ ðááí éíì - ò í ãðáí úì ?

Áíçüü è áéèáò í à í íáçä,

Í ðεñέæè ááé ÷ óæèì ».

Ááðáò í àì íñéááíé ááí èè Áãðüü

È í íáì áò ááò ñð..

È ÷ ò í - ò í í íá áέóçéíé çí ááò :

Ááðíì áé èþá áí ñεò í íð.

Òáðáéèè ì íáò í íñéááí èé ðáç,

× èñòεò èáñò ðþéþ í í à

«Áúì èç ò ðáúú í áðí áíçí íé -

Èþáàè ì óæñéíé óáí à».

Áãðüü í à í íéí óòè

Áãðüü ñεèò è í éá-áò

Í à èàì í á í á í óòè.

«Ñéáæè ò á ááò ðü, éóüà ì í á

Áááí íé, ò áì áðí èáò è?»

«Ñò óí áé í à çáì áá», - í äéí áí áí ðèò.

Áðáíé: «Ñò óí áé í à áíñò íé».

Á ò ðáò èé í óò ááò áíéíñí áé,

Í ááñúé ò áéíé ááò áðíé

Í í á áí í ðí σ ááò í ò è-áé,

Í í ðáþ ù èò áí é ðáá

«Ñò óí àé í à ñááò», - íáí à ñáí ðèò,

Áðúúy: «Ñò óí àé í à ðã.

«Áãðí óy ÷ áíò í í ñéóééà,

Í òãó í áááí úé í íé,

À yò è áíò ðú è í ò èöú

Ñí áðò ñy í ááí í í íé!»

Áãðí áçà í íáí èí ááò

È áéèò èáðááí:

Í áðáí á çéáí í ò áéàò á

Ááò ò óðúééé ñéò áí.

Í í íáúáçé ááò áéèéá

È ñáí ðèò ñáí èí :

«Áà yò í Áãðí, ò à ñéóéáí éà,

× ò í áúá áé Èáðáéí !

À yò í ò èáðáí óçé -

Èòí íyè, ñéí ðáé áíá,

Í ðí ðí é ñéàçé í àí, ÷ ò í áááí

Ñáí é ðí á í ú í ò í ááí».

Ñéò áí ñéàçáò ñ ááðáé ðáá

È - áóó í áðáá í áé áí í ðáó:

«Í àçé è í ú í ðáðí áéò áéy

Óáéà ò ááá, Áééáó!»

Áãðí áçàí í á ááðèò

È, í í áí áá, ñéèò.

Ñáðááðyí úé í íéòí ányö

Á áá áí éí ñúó áéáí ðèò.

Í ðáí ò äö Ááðí ãáçà Òèèèà íà æáð ãí ðè í í ðá í è á

Á ò ðá í è ò ñá ðí ò ñí à ðé äö

Ó í ðý æü þ ò è ò í çá í ý,

Ñ ò à ðí é ñé ðá Ýè ý çá ð

Çá í ðý ãá ò ã áá í ã é í ý.

È ä ò Áá ðí . Ó í áá í à ðé ä ö

«Ñú í ñ ò à ðí ñ è» ñé ä è.

Çá çá ã á è ó á ý, ÷ è ñ ò ä ý

Í ä ä ñ ò à ðí é è ðí ðá é á é á ñ è è.

«Ò ðí ã è, Ýè ý çá ð!» Çá ù á é é ä è é í ó.

Á í á ðá è ñá ðá ð è ò ñ ý ð è ý ö

(Á á ç ý ò è ò í á: ä è ü í í ðá è ðá ñí ù ö á í ðí á

Ò á í ä ö, ý ñ é ä æ ó, í á Ò á í ä ö)

Á á ò è ü í ð è á í ð í æ í ú á

Í á ç á í í á á æ ä è ä ð í á í é

Ñ í í ò ðá ò ü í á í è ä: á ò è è Ñ í ð á

Í ä ä é í è ú á æ ü þ í ó ñ í é.

«È ó á á í ú á á í, í á í í: é ä?»

Í à ý ðí à ð é ó á È à ð é í á? Ñ é ä æ è.

Á ÷ ò í ò ú é ó í è ð ü, í á í í: é ä,

Í à ý ðí à ð é á? Ñ é ä æ è».

«Ò á á á - ò ð á ó è á á ð á á í,

Ñ í é ä ä ò è é í á ó á è ú é í í è é,

Á í á í í: é á í á í è ä ò ú á

Ñ ò í á í é í ú é ó í è ì ð á é é».

Á é á ç á Áá ðí à á é ä æ í á þ ò,

Íí ÷ óñò áñò, éàé í íæ

Çà ì àçóõíþ ææàòñý:

«Í ó è ýðì àðéà... × ò í æ,

Ýèýçáð, æàé ó ì æéñí èõù!

Í ò ò óää ì ù áññí àí

Ñ Èöèééíì áñááðàì ñý

Áí ýðì àðéè ì áæéíì ».

Ýèýçáð áñð: è ò í à éíçèàð

È áññí æýäè ò í à øéýã

(Áç ý ò è ò í á: æéñí ì-ì ðáéðáññí ù ò áñ ðñá

Òáí àð, ý ñèàæ ó, í á Òáí àð.)

Βίέää ì ì éóí áà ò ì áðáñ ðñáñ ò áñ ó Ýéññää

«Ýéññää, è þáçí ù é áðà ò áð,

Çàéè ò á éí ì í á, ý éàè ðáç

Ðàè ò à èíññ ñé ò: àý

Á ò ù éí: é ó ì ðé ì áñ ».

Ýéññää ÷ á ò á ç à ò ù ééá

È áññí í è è à é í á ðá ò è ò,

È ä ò è è è í à ò: áñ ðñá ì á ò á ò

Í à é á ì ù è è ò è ò ðñé æ è á?

Í í Βίέää ì à è è á à ò ñ ò à é á ì

È é ññ ò ó ì í á ì ñ è ò á é í í,

È æ è è ò Ýéññää, ÷ ò í é ðáññí í á

È ðáññí áá ññ é í ò à, á é í í.

«Áàé Á-æá Βίέè... - Ýéññää ì ù ò. -

... Çáñ ðñá ñý!» «È ò ù í á áí è è é», -

Áoi ààò Bíéáà è í ðÿ:àò

Ñì àòíé á áí ðí àá ñáíé.

Ýéñá í úúò çà ñò àéáí ïì ñò àéáí...

È áí ò óæá áñ í à éí í ó..

«Á í ó-éà, Bí éé, àààé áí àí ò àò,

Áààé - í à çàéúíéó Í ó?»

«Èàéíé ò ááá áí àí ò àò, áóðáé,

Í á Í óðèì ñé:áñ í íáé.

Áéíí ááñ èàò í í, ñàí í ñáíé,

À ðí:àòú áñòú - í èàò è.

Çà ýò ó ì èñéó áàðáí úó áí áí á

Í áðáí ðí áñò áí ì í á í ò áààé,

À áñé í áò - í á í íéó:èòú

Áàæá è í á í á:ò àé».

Ýéñá ñáí á í áðáí ðí áñò áí

Èç çà í àòóé áí ñò áàò.

«Áà èèè í áò?» Í í ì èñéà áí áí á

Óéò è áí ó í á áàò.

«Í á!» - áí á ðèò í í, è Bí éáá

Èèáàò í áðáí ðí áñò áí á ñíí áóé.

Ýéñá áí áàí è :áéáò

È :óáñò áúò óæáñ ááðá

È ááðáí í :óáñò áúò: á í áí ðáñò áò

Çéí ñò ú í á í í éí è í ò:áñ.

Ýéñá óáàò áàò í óñò í é ñò àéáí

È ðàçàèääò àã...

Ðíõë èääò é êíêíäöö çà àíáíé

Çàí èàò äÿ ÷ àðí óþ êíñá

Í áðää çàðéàèíì Ðíõë ñò íèò.

Áäððáíñèùòèò: ìò äö í à èáíò í èöá

Èàøÿäò è ñí í èò.

Ðíõë í íááááñäò é ñí àèúí á

«Èäÿ! Í ò äö! Ñèíðáé!»

Èäÿ í ðÿ ÷ àò ääò ááúé ðí í àí

È àíäÿäúáúàò èç äááðáé.

Ãèàçà áá çàí èàèáí ú,

Í íä ãèàçàí è - èðúã.

«Óääòèò óæá ññáíÿ ÷ èò àòü

Ãèàçà í íááááñè».

Bí êáá ðñò àèî ò àùè ò ñÿ.

Óæá î î ÷ ò è ò àì í î.

«Âî ò è èî èî ááò ñè ááà,

Óòò áñá áú ò ù è áî èæ í î».

Î í ñ î ò ð è ò á è à ò ì à ì í ó þ Ò ð ð :

«Âñá, è à è í à ì è ñ à í î, - áî ò.

Î í á ñ è è áñá, è à è í à ì è ñ à í î,

× ò î æ á î í à í á è á á ò ?»

È ä ä ò, á æ è ò, í é á à ò þ æ è !

Â ÷ á ð í î é è î ñ è ö á - á á í ò.

Î ð à è ð à ñ á è, ÷ à ì ñ è à ç à í î á Ò ð ð á -

× è ñ ò á è ø è é á ð è è è à í ò.

«Á ó ò á í á á á í ä, ì á á á ì ó à ç à è ù

B, è ç à ì è è ò á ç í à ò ù

È ç ä à è á è à, ÷ æ á ñ ò ð à í ä ö,

Î á ì á ñ ò í ù é, ò à è ñ è à ç à ò ù

B ç ä ä ù è ù ó, è ç à ì è è ò á ç í à ò ù

Ä ý ä þ æ ó ò ì í ä ä,

Â ù, ì á á á ì ó à ç à è ù í á á ð í ý è à

Ñ è ù ø à è è ì ð ì í ä ä.

Î í é ä ý ä ý È í á í, è ç à ì è è ò á ç í à ò ù

Â í á ñ á í á á á ú è ò í.

Õ í á è è è ñ è ø è: ó í ä ä

Î è è ù ì í î á ÷ ò ù í á ñ ò í».

«È ä ä ä í Ò à ð ð à ì ñ è è ? Î á æ æ ä è ù !

Á ä ä ù ý ò í ì í é í à ì à !»

«À âî, ý îîîèî àþ,
 Í ààðíî, ôðíéëýéí Ðà?..»
 «À âî - Èàéíà ì íé éóáí», -
 Êðàíí ààò ààðáííà,
 È Áíéàà äòì ààò ì ðí ñáý:
 «Áà-à, äääèà í ääðíà!»
 Áäðòíý çà ðééé ííé,
 È ààò äðéé íí-ííé
 Õàò ààò èõ è áòîò æáì èã
 Õíîðò çà ñáíé.

Í ðàí ò äò Áíéàà ì íàò ñáðáí ààò ì íà íéíî ðíðé

Í íèà ò ù ò àì óæá äääí î
 Áéóç ààò ù ñí à óíè àäó,
 Ð ííà íéíî ò äääí íþ
 Ñ æ ò äðéé ñáðáí àäó
 Í íé äýäý áäèò, èàè ì àíðäí ííé.

«Eäè - ääðèò - è òí:éà!»

Íííÿòüíá ì íæàò äÿäÿ ì íé,

×òíÿ äíðäè äí òí:èè.

Òäáÿ, èþáíäü ì íÿ, ñäí ü èàò

B äíèæáí äíæèääò üíÿ,

Í íá íò äíèíñ ò äíèõ è äèç

Í é íá èóüà äääò üíÿ.

Òðæ óíüÿ á í íèá ò äèüé äáí ü

À ò íèüèí íí:ü íáñ ò áí àò,

Í íéíÿ íáò: ì áíÿ é ò äáá

Í ó èàè ì ää è ò íí òÿ í áò.

Í íéí áò èè óü ì äíÿò á í ááíäü,

Èäè ò ðäí í ñò ðíè ò ü èóðü,

Èäè òÿæèè, òÿæèè, òÿæèè ì íá

Äíä ÿ è óóðü-ì óóü.

Ñäñ äíÿ ÿ ñäí ü ðäç ÷ äð èè

«DÍ ÕË» í á í äíèá ðèéíþ,

Ñäñ äíÿ á í íèá äíò ðäò èèíÿ

Ñ äääèéíþ óðí ì íþ.

Í í ò äð ò þ éíèíáó èäðò

Í í á á ðèá ääðæ àèà,

È ñèíèüèí ÿ í è ñí ðäò è äèè,

Äíü äðü ÿ í ò äá: àèà:

«Äáá äääèè àò þ ðèèè ñí á ò äáÿ,

Òü ñí óí á óü ì í íáí íé,

Í í ò í é è ç í èü, ÷ ò í ñò äð ó á

Áúòü òáíæ æáí íé».

È õí ò ü äääèèà ðá:ü ñáí þ

Áää à íæí ýéàì è,

B çí àþ, ðá:ü í Éáá øèà,

Ñ ò ðàõí ñ íúì è æáçàì è.

Í õíò ü èáðá ñáá áí è ò áàò,

Í õíò ü ñ íé äýäý ñ í ò ðè ò áñ çí í,

Í í ñ ñ ò áàè ò í àì õí ó

Ðáí í èèè ñ í çáí í.

Ðááý, èþáí áí ñ í ý, ñáì ü èáò

B áí èæáí áí æè àò üñý,

Í í á í ò áí è ñ ò áí è ò è æáç

Í é í á è õá à áá àò üñý.

Í ðáí ò áö Bí éáá ðáçó: è ááàò ñ ñáí í áí ý ñ í è «í ðí áá æ ó Éí é ñ á ò à»

«Ðááí, ñáì ü é ñ ò áð ø è è ñ í é ñ á í,

× áñ ò ú ò àì çá ñ ò ú è?»

«Í ò áö í á ø Bí éáá, á ò í á í ñ í ú

Ðáç ú á ñ á àò ü ñ í ò è ñ í è è».

«Éí é ñ á ò, ñáì ü é èþ á è ñ í è ñ í é ñ á í,

Ááá ðáá à ò à á ý?»

Áð à ò üñ ý á ç á ò ò á á ý ñ í ý ò ü

Í ðí áá á à ò ü á ÷ æ è á è ð á ý.

Éá è á ð í ñ ý ò ò á á ý á ý ñ ó

Í ááí, ÷ ò í á ò ú á ñ í è è,

Ðááá, æ è ò ý ñ í á, í á á í á ð á í é

Éáá ò ú ý ò ñ í ò ñ í è ñ í è è.

Êĩããã ãĩéããõũãĩ ãĩãĩãĩéõũ

Đĩõë, ì ãòãðë òãĩãé,

Íĩĩéã-ãõũ ãçãĩ ðãããó íãã éãì íãĩ ãã

È òèõĩ ñãããõũãé,

× òĩ ßĩéãã ñĩãã ãĩ òĩã ñãĩ ùéãò

Ñëãéèõũ ìò çãĩéã ãĩ çãĩéã,

× òĩã ìããã ñĩ ãðõĩþ ãũã õĩõũ ðãç

Êĩ ñĩ òõũỹ ãã ãĩéĩñéã

À ããëũã, Êĩéĩãó, ÷ òĩ ãã éãé

Õũ çĩããõũ Æãëũã - ñĩ,

Â éĩ òĩõĩ òãã ñãĩ ù òó-íũõ éĩõĩã

Õãëãë òãðãĩ.

Ñĩĩ ãã éñò ìééé, ãã ñĩ ì òðë,

Ãĩã ì ðããëëũĩ ì ì ðããðãéë,

È, ðããë Á-ãĩ, ãëỹ ì ãĩỹ

Íã çããóãũ ì ãõĩ-ãé ì óéè!

È, ðããë Á-ãĩ, ìã çããóãũ

Êĩéĩãó-ì ðãããĩ éé ì ìé:

Íĩ ñò ìõĩãéãé ìã ÿ ò ðãç

Ñ õĩçéñéĩþ ããĩ ìé!

Ýé ãũ, ããòéé, ìĩãéããé,

Íã, éò ì ãũã ðĩëũ çããũé?»

«Í òãã ìãõ ßĩéãã, òũ ãã ìãĩ

Ê ñĩ ì òéé ããũ ì òðë ì õĩéé».

Íããããã ñéãéõã Êãõỹ Áóéã ò ìãéĩã

БАЙКИ ПРО ДАНЬКУ

יֵבֹאֵם אִידֵם

ПРО ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Бабушка знает русский и английский.

Мама знает русский, английский и иврит.

Дедушка знает только русский. Но не очень хорошо: он постоянно заглядывает в словари.

Дедушка пытался выучить английский язык.

У дедушки ничего не получилось.

Дедушка взял английский большой толковый словарь из тридцати толстых томов. И стал его заучивать. За всю жизнь дедушка выучил половину слов, начинающихся на букву «А», но так и не научился их правильно произносить.

Дедушка пытался выучить иврит.

У дедушки ничего не получилось.

Дедушка взял Библию на двух языках: на иврите и на русском. И стал читать. Он думал, что так выучит иврит. Будет сравнивать текст на русском (ведь русский он хотя и плохо, но знал) и на иврите и так постепенно научится понимать иврит.

За всю жизнь дедушка не прочел даже одной главы.

Это потому, что дедушка размышлял подолгу над каждой фразой.

Но все равно толком не понял ни одной.

Дедушка не дошел даже до сотворения человека.

Дедушка не огорчается.

Дедушка говорит, что у него все впереди и вообще сотворение крокодилов гораздо интересней.

Дедушку спрашивают:

– Ата медабер иврит? («Вы говорите на иврите?»)

Дедушка отвечает:

– Берешит бара («В начале сотворил»).

Это самые первые слова Библии.

Дедушке они очень нравятся.

Дедушка считает, что они важнее всего остального.

Гораздо важнее.

Что бы дедушке ни говорили на иврите, дедушка всегда отвечал:

– Берешит бара.

Данька эти слова запомнил. Можно считать, что Данька тоже говорит на иврите. Как и дедушка.

А вот Данькин папа знает очень много языков: двадцать или тридцать – Данька точно не помнит.

Папе нравится учить новые языки.

Папа любит переводить с одного языка на другой.

Например, с арамейского на суахили.

Данька даже не знает, что это за язык такой – суахили.

Или с турецкого на японский.

Или с китайского на идиш.

Папе нравится, как выглядят рядом еврейские буквы и иероглифы.

Папа любит писать иероглифы.

Вот как он это делает.

Папа надевает кимоно.

Растирает в красивой квадратной лакированной мисочке палочку сухой туши.

Капает в лакированную мисочку воды.

Получается тушь.

Садится на колени так, чтобы попа была на пятках.

С очень прямой спиной.

Перед ним низенький столик. На столике лакированная мисочка с тушью, кисточка, лист рисовой бумаги.

Папа долго сидит с закрытыми глазами.

Потом обмакивает кисточку в тушь.

Рисует иероглиф на белом листе бумаги.

Ах, как это красиво!

Папа любит писать еврейские тексты.

Вот как он это делает.

Папа надевает кипу.

Произносит благословение.

Обмакивает остро отточенное птичье перо в баночку с тушью.

Каждую букву он рисует.

Каждая буква прекрасна.

Каждая буква – целый мир.

Папа переводил Горация на японский.

Папа переводил Горация на идиш.

Папа переводил Горация на эльфийский.

Потому что папа знает эльфийский язык.

Иначе как бы он переводил Горация на эльфийский язык?

Когда-то очень давно, когда Данькин папа был совсем молодой, он приехал в Лондон на конференцию. Конференция – это собрание людей, которые обсуждают что-нибудь интересное. На этот раз обсуждали Толкиена. Толкиен – английский писатель. Он несколько раз побывал в стране эльфов и много писал о ней.

Данькин папа тогда плохо знал английский язык и общался с участниками конференции только на языке эльфов.

Когда-то давно, когда папа еще не женился на маме, папа побывал в стране эльфов.

Папа там жил долго.

Папа любит рассказывать про страну эльфов.

Задание: немедленно надень кимоно, сядь, как Данькин папа, и нарисуй иероглиф.

Вопрос: ата медабер иврит?

Еще вопрос: как ты думаешь, что интереснее – сотворение человека или сотворение крокодила?

ДЕДУШКА ПОЭТА ЛЕРМОНТОВА

Когда-то давно, когда папа еще не женился на маме, папа побывал в стране эльфов.

Папа там жил долго.

Папа любит рассказывать про страну эльфов.

Папа рассказывал, что есть такой русский поэт – Лермонтов и есть такой английский поэт – Байрон. Они были двоюродные братья. Их дедушка тоже ушел в страну эльфов. Папа там с ним познакомился. Они подружились.

Дедушка Лермонтова был интересный человек.

Дедушка Лермонтова ходил не в штанах, а в килте. Килт – это клетчатая шотландская юбка.

Все шотландцы ходят в килте – им так нравится.

Дедушка Лермонтова все время ходил в килте, играл на волынке и пел шотландские песни.

Эльфам это очень нравилось.

Эльфы любили слушать дедушку Лермонтова.

Дедушка Лермонтова все время сочинял песни – совсем как Данькин папа.

А может, даже и лучше.

Дедушка Лермонтова из-за этих песен попал в страну эльфов.

Вот как он попал в страну эльфов.

Королева эльфов прослышала, что дедушка Лермонтова лучше всех на свете играет на волынке и поет песни. Вот она его и пригласила в страну эльфов.

Королева эльфов послала за ним белого оленя и белую олениху.

Однажды вечером, на закате они подошли к его замку.

Уж не знаю, что они сказали дедушке Лермонтова. И никто не знает. Никто этого не слышал.

Дедушка Лермонтова тут же оставил свой замок, поднялся с оленями на поросший вереском холм – больше его никто не видел.

Больше его никто не видел в Шотландии.

А в стране эльфов его видели эльфы и Данькин папа.

А еще Данькин дедушка. Два раза.

А бабушка Лермонтова не ушла в страну эльфов.

Бабушка Лермонтова терпеть не могла песни дедушки Лермонтова.

Бабушка Лермонтова говорила дедушке Лермонтова: «Как же ты мне надоел со своими песнями!»

Бабушка Лермонтова очень любила смотреть телевизор. По телевизору как раз показывали какой-то сериал, и бабушка Лермонтова даже не заметила, что дедушка исчез. Так до сих пор и не заметила.

Дедушке Лермонтова понравилось в стране эльфов. Он там остался.

Страна эльфов прекрасна.

В стране эльфов нет телевизоров и мобильных телефонов.

Дедушка Лермонтова терпеть не мог телевизоры и мобильные телефоны.

Кому мешают мобильные телефоны?

Кому от них плохо?

А дедушка Лермонтова их ненавидел.

И сериалы ненавидел.

И папа тоже.

Папа не Лермонтова, а папа Даньки.

Папа Лермонтова как раз любил сериалы, а по мобильному телефону говорил не переставая.

Папа Лермонтова принимал душ с мобильным телефоном.

Папа Лермонтова ел с мобильным телефоном.

Папа Лермонтова спал с мобильным телефоном.

И даже когда папа Лермонтова писал и какал, он говорил по мобильному телефону.

Иначе у него ничего не получалось.

Папа Лермонтова говорил с мамой Лермонтова только по мобильному телефону.

Когда они сидели за одним столом, они говорили друг с другом только по мобильному телефону. В это время они ели и смотрели телевизор. А папа Лермонтова еще читал газету, слушал радио и решал кроссворд.

Папа Лермонтова считал, что талантливый человек может делать сразу много дел одновременно, а малоталантливый человек – только одно.

Дедушке Лермонтова было тяжело жить с такими талантливыми людьми.

Вот почему дедушка Лермонтова остался в стране эльфов. Ему было там хорошо.

А Данькин папа вернулся из страны эльфов. Хотя ему тоже было там хорошо.

Если бы Данькин папа не вернулся из страны эльфов, как бы он женился на Данькиной маме?

Ведь ее не было в стране эльфов.

Пока папа жил в стране эльфов, папа переводил на эльфийский язык русского поэта Лермонтова.

Эльфам Лермонтов нравился.

В папином переводе.

А лермонтовскому родному дедушке – не очень.

Он говорил, Байрон лучше, и переводил на эльфийский язык своего другого внука – английского поэта Байрона.

Эльфам больше нравился Лермонтов.

Наверное, потому, что Данькин папа лучше переводил.

Когда папа вернулся из страны эльфов, папа стал переводить эльфийскую литературу на арамейский, на китайский, на суахили – на все двадцать или тридцать языков, которые знал. Все, что было переведено с эльфийского на все языки мира, – это все перевел Данькин папа. Больше никому.

Некоторые говорят: «Это мы перевели». Вы им не верьте. Все перевел Данькин папа. Ну еще чуть-чуть Толкиен перевел. Но совсем чуть-чуть.

Мог бы перевести дедушка Лермонтова, но дедушка Лермонтова переводить не захотел. Дедушка Лермонтова сказал:

– Зачем? Зачем переводы? Если кому нужно, пусть учит эльфийский и читает в оригинале.

Дедушка Лермонтова считал, что переводы вредны.

Что переводы все врут.

Что переводы – это фантазии переводчика и полная чепуха.

Что если на одном языке написано «морковка», то на другом языке непременно выйдет «гамбургер».

Ничего тут не поделаешь: разные языки по-разному устроены.

Но Байрона дедушка Лермонтова на эльфийский все-таки переводил.

Как же так? Как же он мог заниматься переводами, если считал, что переводы – полная чепуха?

Дедушка Лермонтова не мог ответить.

Он считал, что переводы – это чепуха, но ему нравилось переводить Байрона, и он переводил Байрона.

Дедушка Лермонтова, который был дедушкой не только Лермонтова, но и Байрона, остался в стране эльфов. Он и сейчас там живет.

Когда папе скучно и грустно, папа хочет опять уйти в страну эльфов.

Папа говорит:

– Уйду в страну эльфов.

Но папа не уходит в страну эльфов.

Папа не уходит в страну эльфов только потому, что он не может жить без мамы и Даньки. А мама и Данька не могут жить в стране эльфов. В стране эльфов, кроме эльфов, может жить только дедушка Лермонтова и Данькин папа. Других туда не пускают.

Еще Данькиного дедушку пускают.

Иногда.

Вопрос: ты умеешь говорить по-эльфийски?

Задание: немедленно попробуй пробраться в страну эльфов – может, и тебя тоже пустят.

Совет: но сначала все-таки выучи на всякий случай эльфийский язык – иначе как же ты будешь говорить с эльфами?

Еще задание: немедленно попроси папу надеть килт и сыграть на волынке.

Еще вопрос: ты когда-нибудь видел белых оленей?

ÊÑÒÀÒÈ Î ÔÈËÎËËËË

(äëÿ âçðññüó)

Если помните, дедушка Лермонтова говорил, что перевод с одного языка на другой невозможен, что это все фантазии и полная чепуха. Он так говорил

вообще обо всех переводах, за исключением собственных переложений Байрона на эльфийский.

Перевести можно разве что инструкцию по использованию холодильника. Все остальное даже и пытаться не стоит. Так считал дедушка Лермонтова.

Дедушка Лермонтова ругательски ругал семидесятерых толковников: всех вместе и каждого по отдельности. В мифологический день завершения Септуагинты дедушка Лермонтова постился. Даже воды не пил. Дедушка Лермонтова считал, что с этих толковников все беды и начались.

Дедушка Лермонтова ругательски ругал блаженного Иеронима.

Дедушка Лермонтова ругательски ругал Лютера.

Дедушка Лермонтова ругательски ругал доброго короля Иакова.

Дедушка Лермонтова ругательски ругал синодальный перевод.

А уж что говорил дедушка Лермонтова про переводы Библейского общества, даже и повторить невозможно.

При упоминании перевода Талмуда равом Адином Штейнзальцем дедушка Лермонтова выходил из себя.

Дедушка Лермонтова говорил:

- Ничего тут не поделаешь, разные языки по-разному устроены:
если на одном языке «морковь», на другом – непременно «гамбургер»,
если на одном языке «казнь», на другом – непременно «песнь»,
если на одном языке «свирель», на другом – непременно «сирень»,
если на одном языке «алма», на другом – непременно «бетула»,
если на одном языке «Гораций», на другом – непременно «Марциал».

Это дедушка Лермонтова так гневался на умника, превратившего нашего римского друга в эпистолярный объект Марциала.

Данькин папа, большой любитель «умника» (цитировал его беспрерывно), пытался возразить, что замещение это вполне сознательно, что это такая литературная игра в обобщенно-римское.

Дедушка Лермонтова не считал нужным возражать.

Дедушка Лермонтова сердито говорил:

– А! – И махал рукой.

Что касается Данькиного дедушки, тот вообще был уверен, что Гораций и Марциал – разные имена одного и того же автора, и ссылался на никому не известные научные исследования последних лет.

Данькин папа, кстати сказать, пытался переложить на маме лошн «Нынче ветрено и волны с перехлестом», но потерпел полный афронт: «волны с перехлестом» перелagаться на идиш не желали.

Данькин папа был не согласен с дедушкой Лермонтова, хотя тот и был его другом.

Данькин папа все время переводил с одного языка на другой.

Данькин папа переводил Амихая на идиш.

Данькин папа переводил «Цезна урезна» на иврит.

Данькин папа, если вам интересно, перевел «Оду Постуму».

Данькин папа перевел «Оду Постуму» на тайский.

Данькин папа почитал Девятого Раму короля Пхупимона Адульядета и любил порассуждать о вопросах престолонаследия в королевстве. Откуда это все бралось у него в голове?

Данькин папа перевел «Оду Постуму» на русский.

Данькин папа перевел «Оду Постуму» на идиш.

Eheu fugaces, Postume, Postume –

labuntur anni nec pietas moram..

Àõ, Î îñò óí, Î îñò óí,

ëàò ñéíëÿÿùèõ

è ñàÿò îñòùð ñàí îé

í à îñò àí î àèøü..

Î é-âé, àè éíðí éíéóí, Î îñò óí,

Î îñò óí,

óí óðóí éàèò ðàò ààò óí ç í èøò

óóí çàé...

Кто только не переводил «Оду Постуму»! Многие ли переводили на идиш? Данькин папа считал, что он первый и единственный. Я думаю, папа заблуждался.

Как видите, Квинт Гораций Флакк звучит на папином идише не хуже, чем на латыни. Может быть, даже чуть-чуть лучше. Если бы Квинт Гораций Флакк знал идиш, он был бы доволен. Но Квинт Гораций Флакк не знал идиша. Академик Гаспаров утверждает, что Квинт Гораций Флакк не знал идиша. Я верю академику Гаспарову, хотя это и удивительно. Как это не знать идиша?!

Дедушка Лермонтова, как всякий шотландский сноб, разумеется, знал идиш. Щегольнуть идишем в высшем эдинбургском обществе – это был особый шик. Говорил он с легким гэльским акцентом. Само собой, дедушка Лермонтова довольно знал и по-латыни. На которой тоже говорил с легким гэльским акцентом. Впрочем, на эльфийском языке он тоже говорил с легким гэльским акцентом. Эльфов это забавляло.

Дедушка Лермонтова говорил, что перевод Данькиного папы – полная чепуха.

Дедушка Лермонтова говорил об анекдотическом несовпадении просодий и саркастически повторял: «Ой-вей, ди йорн лойфн, Постум, Постум!» – строка, которой так гордился Данькин папа. Еще бы, блин, азохунвей написал!

Дедушка Лермонтова говорил, что иудео-христианская фрумкайт ничего общего не имеет с pietas, означающей принесение скотов в жертву, о чем прямо у Квинта Горация Флакка далее говорится.

Дедушка Лермонтова говорил о когнитивном диссонансе.

Будь рядом Данька, Данька не понял бы дедушку Лермонтова совершенно.

Но Даньки рядом не было.

Рядом были эльфы.

Эльфы не понимали дедушку Лермонтова совершенно, но ничуть от этого не страдали: они пропускали проклятия дедушки Лермонтова мимо ушей.

Данькин папа только посмеивался.

– Фрумкайт! На что она нужна, ваша фрумкайт! – ворчал дедушка Лермонтова и повторял слова Джона Сильвера, с которым пару раз пил эль в одном из абердинских кабаков: – «Я прожил долгую жизнь и много чего повидал. Лишь одного я не видал никогда: чтобы добродетель приносила кому-нибудь пользу».

Расправившись с добродетелью, дедушка Лермонтова принимался поносить своего русского внука: зачем тот испортил «Nachtlied».

Данькин папа предположил, что старый чернокнижник не довольно знает по-русски. Как вежливый человек, Данькин папа этого, конечно, не сказал вслух: он, как Сарра, произнес это, так сказать, внутренне, мысленно, в сердце своем.

– Достаточно, чтобы судить! – гремел прозорливый сокрушитель Макбета, с легкостью читая мысли Данькиного папы. – Вот Байрон никогда ничего не переводил. И правильно делал.

Впрочем, дедушка Лермонтова равно любил обоих своих внуков и с особенным удовольствием повторял (сто раз повторял, всем надоел, все эльфы давно знали), что, в отличие от своих пропавших родителей, Байрон и Лермонтов никогда не смотрели телевизор и не пользовались мобильниками.

Задание для взрослых: немедленно переведите на идиш «волны с перехлестом».

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

י

י' עבדע' יא'ע'יו'א'ע'י

1.

Граф Т. по прозвищу Железная Борода, владелец Ясной Поляны и знаток восточных единоборств, на основе которых он создал систему непротивления злу насилием (сокращенно «незнас»), направляется в таинственную Оптину Пустынь. Его преследуют агенты охраны, которых граф-непротивленец уничтожает в товарных количествах. Кроме агентов ему встречаются карликовые индейцы, стреляющие отравленными стрелами (привет «Сокровищам Агры»), и говорящая лошадь, останавливающая графа, когда он, в отместку за плотский грех с крестьянской девкой^[1], собирается отрубить себе палец (привет «Отцу Сергию» и «Холстомеру»).

Но главное: графу Т. является некто Ариэль Эдмундович Брахман, который представляется творцом всего окружающего мира и, следовательно, самого графа. Оказывается, Т. – персонаж романа, который бригадным методом сочиняют пять человек. Среди прочих колоритных типов в пятерку входит не названный по имени «метафизик абсолюта» – злой автошарж Пелевина, – отвечающий за внутренние монологи графа и его «мистические прозрения» («Посмотрели бы вы, как он рецензии на себя читает. Шуршит в углу газетой и бормочет: “Как? Погас волшебный фонарь? А что ж ты в него ссала-то пять лет, п...да? Ссала-то чего?”»).

Имя Ариэль досталось бригадиру-редактору Брахману от дедушки-каббалиста («не шарлатана из тех, что торгуют фальшивым знанием в глянцевого журналов, а истинного эзотерика»). Хотя тот был не евреем, а сыном ксендза, но имя внуку подбирали «по своим каббалистическим выкладкам». В результате Ариэль терпеть не может евреев.

– *За что?*

Ариэль засмеялся:

– *Да вот за имя свое главным образом. Попробовали бы вы с таким вырасти в бандитском дворе, вопроса бы не возникло. Ладно бы я действительно евреем был – у них хоть маца с христианской кровью есть, чтобы на время забыться, скрипочки там всякие. А тут вообще никакой отдушину.*

Впрочем, есть от дедушки и польза: Ариэль унаследовал от него знание, как выходить на связь с литературными героями. Надо написать на полях вокруг печатного текста буквы еврейского алфавита (обязательно против часовой стрелки), сжечь страницу и выпить воду с пеплом. Таким способом он и устанавливает контакт с графом Т.

От Ариэля граф узнает, что прежний владелец издательства, где идет работа над романом, собирался «подготовить прочувствованную книгу о том, как граф Толстой на фоне широких полотен народной жизни доходит до Оптиной Пустыни и мирится перед смертью с матерью-церковью». Проект был заведомо некупаемый, но хозяин надеялся, что его «после такого патриотического дела пустят бюджет пилить». Однако наступил кризис, на издателя наехали чекисты, и он отбыл в Лондон.

Издательство перешло к чеченцам, которые решили превратить главного героя в графа Т. («маркетологи говорят, сегодня граф Толстой интересен публике только как граф, но не как Толстой... Если “Анну Каренину” и “Войну и мир” до сих пор читают, это для того, чтобы выяснить, как состоятельные господа жили в России, когда Рублевки еще не было»), героя-одиночку, возрастом лет около тридцати – старец на роль главного героя не годится, – который пробирается в Оптину Пустынь *с приключениями и стрельбой. Ну еще с эротическими сценами и умными разговорами, с учетом того, что на рынке востребован влюбленный герой байронического плана.*

– *Что значит – байронического плана?*

– *Байронический... Ну, это типа такой Каин и Манфред. Утомленный демон с зарплатой от ста тысяч долларов в год.*

– *А если меньше?*

Ариэль усмехнулся:

– *Какой же байронизм, если денег нет.*

В финале граф «поднимается на пригорочек, крестится на далекий крест и понимает, что был конкретно неправ перед церковным начальством».

Кающегося графа пытаются продать пиар-отделу патриархии, но церковь оплачивать возвращение блудного сына отказывается. В отместку криэйторы сочиняют историю à la Дэн Браун про древнеегипетский культ кота-гермафродита, адепты которого якобы первыми перешли от политеизма к единобожию: «Суть их плана сводилась к тому, чтобы оставить гермафродита с кошачьей головой единственным богом, а всех остальных богов объявить демонами. Но, поскольку подлинный образ гермафродита следовало скрыть, решено было заманить людей в ловушку, использовав в качестве приманки невидимый идол нематериальной природы». С этой целью египтяне послали молодого жреца Моисея к иудеям – «дикому кочевому народу, острая практическая сметка которого сочеталась с трогательной наивностью в духовных вопросах... Было предсказано, что через древних иудеев учение единобожия распространится на весь мир и даст множество ветвей – и все души, уловленные с его помощью, уйдут в созданное египетскими магами черное озеро тьмы, где будут поглощены гермафродитом». Верховным жрецом кошачьего культа в современной графу Т. России оказывается обер-прокурор Синода Победоносцев.

Вскоре, впрочем, от египетского следа отказываются, а вместо романа начинают делать компьютерную стрелялку «Петербург Достоевского»: «Пиндосы выпустили шутер для иксбокса, называется “Петропавел”. Про то, как четыре американских моряка – негр, еврей, грузин и китаец – спасают мир от двухголового русского императора, которого гуннская принцесса Анастасия родила от Распутина. И мы хотим нанести ответный удар. Но сложность в том, что удар нанести тут мало, надо еще, чтобы пиндосы его купили».

Американцы, однако, шутер не покупают: «Им сценарий не понравился. Особенно с того места, когда Достоевский приземляется в Нью-Йорке. Они письмо прислали, вежливое такое. Идея, мол, интересная, динамично, но в целом вынуждены отказаться. У вас, мол, в одном эпизоде хор гарлемских евреев поет песню “черный moron[2], я не твой”, а в другом появляется темный властелин по имени Батрак Абрама. Вам не кажется, что тут какое-то противоречие в мировоззрении? Потребитель, мол, запутается».

На этом этапе церковь проявляет-таки интерес к проекту, и шутер решено конвертировать обратно в роман. Новый заказчик требует обрисовать «духовные мучения графа», «передать весь ужас церковного проклятия» и «показать, что бывает с душой-отступницей после извержения из церкви». Но тут уже граф Т. не выдерживает и решительно берет свою судьбу в собственные руки...

2

Таков сюжет последнего на сегодня романа Виктора Пелевина «Т» (М.: Эксмо, 2009). Ключевым словом в отзывах на него рецензентов оказалось слово «усталость»: «Она явственно проступает и в тексте, вроде бы энергичном, местами остроумном и все же невыносимо тяжелом для прочтения, отягощенном избытком никуда не ведущих аллюзий, обилием ребусов и затейливых, но по сути пустых философских диалогов о кажимостях, мнимостях и нереальности писательских выдумок. “Зачем это вообще читать?” – вопрос, который начинает преследовать с первых же страниц книги» (Майя Кучерская). Основная мысль критиков – Пелевин окончательно исписался: «Роман оставляет впечатление не вымученного даже, а скорее вытравленного из себя. Собранного по стенкам, исторгнутого из

практически пустого уже желудка» (Вадим Нестеров); «густопсовая пелевинскость» (Анна Наринская).

Все это и так, и не так. В том смысле, что все процитированное, в общем-то, верно (разве что насчет «невыносимой тяжести для прочтения» готов поспорить), но с тем же успехом может быть приложено и к любому другому пелевинскому тексту. Ну да, Пелевин есть Пелевин есть Пелевин. Но это было ясно с первых его вещей. Всякое новое произведение Пелевина – по сути, модифицированная версия его же предыдущих сочинений. Все они полны никуда не ведущими аллюзиями, ребусами и затейливыми, но пустыми философскими диалогами. И вопрос «Зачем это вообще читать?» относится к «Т» в той же мере, что и, допустим, к «Жизни насекомых» или к «Числам». И замечательное определение, данное новому пелевинскому роману Натальей Кочетковой в «Известиях» – «ярмарочный балаган, Comedy Club для продвинутых, которым хватит ума и начитанности посмеяться над тем, как автор покрошил в буддизм теорию Ролана Барта о множественности прочтений текста, приправил получившееся блюдо психоанализом и украсил “вишенками” из детективов Конан Дойла и Бориса Акунина», – приложимо (разве что с заменой имен) практически к любому его тексту.

Короче говоря, одно из двух: волшебный фонарь либо светит как светил, либо никогда и не горел вовсе. Но уж точно не погас.

Тут, разумеется, неизбежно возникает вопрос: «Так был ли фонарь?», на который существует два равноправных ответа. Конечно, Пелевин ни разу не писатель, если вкладывать в это понятие минимально серьезное содержание. Но в то же время он очень талантливый фельетонист, который в своей нише фельетонного описателя действительности с философскими претензиями много лучше западных аналогов. Пелевин – это практически единственное (может быть, еще Акунин) реальное достижение российского литературного мейнстрима, один из немногих нестыдных экспортных продуктов отечественного производства.

Здесь имеет смысл заметить, что, несмотря на все сказанное выше о неизменном равенстве Пелевина самому себе, определенная «смена парадигмы» в его прозе все же произошла. Он отбросил всяческую маскировку и перестал притворяться писателем и делать вид, будто пишет романы (этим, кстати, и объясняется во многом недоумение, сквозящее в рецензиях на «Т»). Процесс этот, впрочем, начался не вчера, в «Т» он лишь нашел свое предельное выражение. Если до «Чапаева и Пустоты» включительно о Пелевине еще можно было, при всех оговорках, говорить как о факте художественной литературы, то хваленый «Generation “П”» был уже в чистом виде фельетоном, хотя, надо признать, изумительно остроумным. Все, что там оставалось от романа, вся эта попытка освоения аккадской мифологии и прочее, было, конечно, из рук вон.

И последний его роман представляет собой почти столь же остроумный [\[3\]](#), очень изобретательный, в меру злой и социологически точный фельетон, где бригада авторов, управляющих героем, – это метафора одновременно и построенного на манипулировании социума, когда человека дергают за ниточки все кому не лень, и отношений человека с Б-гом:

– *Ваш дедушка случайно не объяснял, зачем Б-гу нужен устроенный подобным образом мир?.. Что, Б-г наслаждается спектаклем? Читает книгу жизни?*

– *Б-г не читает книгу жизни... Он ее сжигает, граф. А потом съедает пепел* [\[4\]](#).

Итак, Пелевин не столько писатель, сколько яркий фельетонист, обладающий несомненным даром придумывать для окружающих явлений точные, смешные и запоминающиеся ярлычки. Проблема тут вот в чем. В конце 2009 года портал OpenSpase провел опрос «Самый влиятельный интеллектуал России» – Пелевин победил с большим отрывом. В критике титул «главного писателя» закреплен за ним всерьез и надолго, несмотря ни на какие частные недовольства рецензентов. Павел Басинский после «Т», пусть не без некоторой иронии, определил Пелевина как «почти что Достоевского наших дней». Что уж говорить о «простых» читателях: достаточно набрать в любом поисковике что-нибудь вроде «Пелевин и буддизм» (а после нового романа наверняка еще и «Пелевин и каббала»), чтобы выскочили ссылки на несколько тысяч записей.

Виктор Пелевин

Конечно, до сих пор находится немало число умных людей, которые готовы всерьез обсуждать философские глубины творчества братьев Стругацких. Так что появлению ученого слова «онтология» в критических статьях о Пелевине удивляться не стоит. И все же ситуация, когда сколь угодно талантливый фельетонист воспринимается как «наше все» и едва ли не как религиозный учитель, – более чем очевидный сигнал общего неблагополучия литературной системы и, если угодно, интеллектуального нездоровья соответствующей среды.

Конечно, однообразие пелевинских вещей можно объяснять по-разному. Выше речь уже шла про наиболее распространенную версию: Пелевин устал, вероятно, вследствие кабальных условий контракта с «Эксмо», требующих от бедолаги выдавать каждый год по роману. Эта гипотеза действительно многое объясняет: и ту злость, с которой описывается в романе издательский мир, и явную

Вокруг Шмуэля Йосефа Агнона

Михаил Эдельштейн

В серии «Проза еврейской жизни», выпускаемой издательствами «Текст» и «Книжники», вышел роман Шмуэля Йосефа Агнона «Вчера-позавчера». Как организован сложный символический мир этого романа? Почему один из крупнейших писателей XX века, нобелевский лауреат Агнон так плохо известен русскому читателю? Какие трудности встают перед переводчиками его прозы? Об этом мы побеседовали с литературоведами Зоей Копельман и Еленой Римон и прозаиком и эссеистом Анной Исаковой.

Безусловный классик, Агнон переведен на русский язык в объеме, явно не соответствующем его значению. В чем причина этого: он «устарел», слишком сложен для перевода, коммерчески неперспективен?

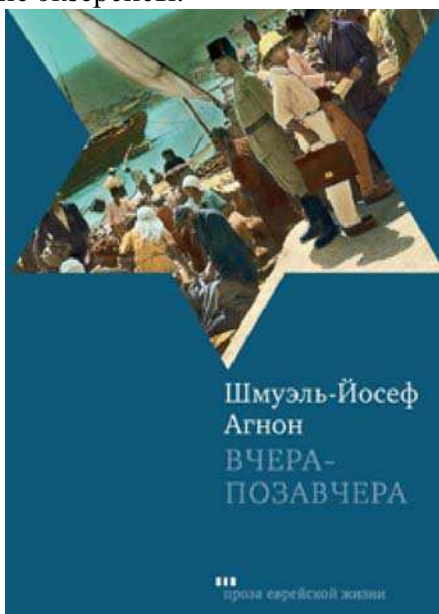
Зоя Копельман. Назову лишь две из ряда причин. Первая: Агнон исходит из предпосылки, что мир делится на евреев и все остальное человечество, а подобное с трудом поддается переводу. Вторая: язык Агнона привязан к древним и не столь древним еврейским книгам, и он берет оттуда редкие формы слов и фразеологизмы, которым нет стилистического аналога в русском языке. Переводы получаются или неоправданно архаичными, как у Исраэля Шамира, который, говоря о 1935 годе, называет английских чиновников «приказными», или далекими от стиля подлинника. Удачи добились немногие, например, Михаил Кравцов, опустивший в переводе рассказа «Разлученные» («Агунот») некоторые уж слишком специфические, апеллирующие к еврейским религиозным книгам и понятиям фрагменты. А на другом полюсе назову перевод Авраама Белова, человека образованного и в высшей степени достойного, который рассказ с нагруженным в еврейской традиции названием «Ад олам» («На веки вечные») озаглавил «Во славу науки», лишил его мистики и поэзии и превратил в отчет о казусе из жизни иерусалимского ученого.

Елена Римон. Конечно, количество и качество переводов Агнона на русский язык совершенно неудовлетворительно. Но количество его переводов на английский и французский еще меньше (о качестве судить не берусь). Причина, видимо, в том, что израильские издательства, которые финансируют переводы современных авторов, мало заинтересованы в переводах Агнона (в частности потому, что не готовы платить немалые суммы за авторские права издательству «Шокен»). Агнон, конечно, труден для перевода, но есть замечательные переводчики (такие, как Михаил Кравцов), которые могли бы взяться за переводы его романов (например, «Гахнагат кала»). Но адекватные издания Агнона дороги и финансово невыгодны. Кроме того, такие серьезные тексты, как «Тмоль шилшом» (правильный перевод «Совсем недавно», а не «Вчера-позавчера») просто стыдно издавать без соответствующего справочного аппарата. Хорошо бы кто-нибудь взялся за издание рассказов Агнона или, скажем, романа «Гахнагат кала» так, как это сделал когда-то Авнер Хольцман, – не только с примечаниями, но и с картинками, фотографиями и т.д. **Какие произведения Агнона необходимо в первую очередь перевести, чтобы русскоязычный читатель получил более или менее полное и адекватное представление о его творчестве?**

Е.Р. В первую очередь «Гахнагат кала». Затем роман «Гость на одну ночь». Новый сборник новелл, которые еще не переведены. Сборник рассказов Агнона для детей с картинками и комментариями.

З.К. Из любви и почтения к Агнону не скажу, чтобы не поощрять любительские переводческие эссе.

Переводчик романа «Вчера-позавчера» Тамар Белицки использовала для передачи агноновского иврита особый языковой сплав, восходящий, сколько

можно судить, отчасти к русской Библии, отчасти к древнерусской словесности. А к какой языковой традиции апеллирует Агнон в оригинале?

З.К. Я не считаю, что стиль перевода Тамар Белицки можно назвать сплавом. Сплав — это нечто новое и органичное. Я в ее стиле не нашла ни новизны, ни органичности. Мне он представляется псевдостилем, то языком современной газеты, то не слишком умелой стилизацией «под старину».

Е.Р. Для романа «Тмоль шилшом» была существенна традиция хасидских рассказов с одной стороны и стиль, разработанный в ивритской прозе первой трети XX века, с другой (возможно, самым близким тут будет Хаим Хазаз). Но вообще стиль Агнона оригинальный, ему трудно подобрать аналогии.

Анна Исакова. Гершом Шолем, с которым Агнон был достаточно близок, показал в своих исследованиях, как соотносится хасидизм с дзэном и хлыстами, средневековой еврейской и христианской мистикой, а также с фольклором, еврейским и заимствованным. То же верно и относительно Агнона: брал, откуда хотел, и знал, где лежит то, что ему нужно. Еврейская литература этого времени на разных языках переполнена мистической составляющей: [Дер Нистер](#) на идише, [Бруно Шульц](#) по-польски, [Кафка](#) по-немецки, а Агнон — принципиально на иврите. До Агнона эту жилу, кажется, разрабатывал на идише и иврите Лейбуш Перец. Мистический компонент силен и у [Шагала](#). Замечу, что и Нобеля получили два еврея-мистика, Агнон и [Башевис Зингер](#).

Как вы оцениваете перевод Белицки?

Е.Р. То, что сделала Белицки — это подвиг. В течение многих лет она переводила этот роман из любви к Агнону, без всякой надежды на издание. Так что надо сказать спасибо уже за то, что книга переведена на русский язык. Если бы не благородное бескорыстие Белицки, этого перевода вообще бы не было. Конечно, он нуждался в хорошей профессиональной редактуре, и жаль, что ее не сделали (как я уже говорила, даже перевод названия спорный).

З.К. Перевод Белицки — не первая попытка перевести роман «Тмоль шилшом». В русскоязычной литературе за ним закрепилось название «Совсем недавно». Это библеизм, смысл которого именно в этом: «недавнее прошлое». Выбранное Белицки буквалистское «Вчера-позавчера» свидетельствует, по моему мнению, о пренебрежении к труду предшественников и отсутствии слуха.

Еще в 1975 году были опубликованы фрагменты перевода Ицхака Орена. Перевод Орена может не нравиться, но доверять знаниям этого крупного писателя и знатока еврейской культуры (он был, в частности, главным редактором Краткой еврейской энциклопедии) Белицки, на мой взгляд, была обязана. И тогда она, по

крайней мере, верно озвучила бы фамилию главного героя — не индийское Кумар, а идишское Кумер. Его фамилия образована от глагола «кумен» — «приходить». Аврааму было сказано: «Иди... оставь...», а Ицхак Кумер как раз приходит в ту самую Страну. И еще: в идишском переводе Танаха слово «кумер» означает «печаль».

Наверное, хорошо, что перевод есть. У меня дома два экземпляра этой книги, один гуляет по друзьям, которые не могут или ленятся читать Агнона на иврите, а другой на всякий случай стоит на полке — вдруг понадобится на лекциях. Но его едва ли можно счесть переводом, поскольку он никак не передает стилистические изыски подлинника. Как пишет сам Агнон в «Тмоль Шилшом», «не всякий переводчик достаточно хорошо знает язык, с которого переводит».

А ведь Агнон даже целый рассказ «Хуш а-реах» (попробуй переведи! это и «обоняние» и «чувство слова реах (запах)») посвятил своей борьбе за правожителство извлеченных им из редких книг морфологических и синтаксических конструкций. Не случайно в послесловии к изданному посмертно роману Агнона «Шира» дочь писателя, Эмуна Ярон, сочла нужным указать, что все странные формы слов в книге — не описки и не опечатки: она консультировалась с крупным лингвистом, и он определил их как законные, встречающиеся в незнакомых нам, но родных Агнону еврейских книгах.

Словарный запас Агнона на иврите несравненно богаче русского словаря переводчицы. Последний вообще на удивление скуден. Что же касается стиля, это дело вкуса. Сравним одну фразу: «Стоял Ицхак на земле Эрец-Исраэль, увидеть которую мечтал всю свою жизнь» (Белицки) и «Стоял Ицхак на земле Израиля, которую всю жизнь свою вождедел узреть» (Орен). Выбор за читателем.

А.И. Агнон создавал литературный иврит из того, что считал подходящим. Там и ТАНАХ, и [Талмуд](#), и респонсы, и средневековая еврейская литература, и майсл-бихер на идише-иврите, и восточноевропейский фольклор с его языковой мешаниной, и попытки отыскания в иврите эквивалентов для новейшей терминологии. Переводчику требуется либо знание всего этого комплекса, что маловероятно, либо решение переводить тем или иным способом. Кстати, еврейская мистическая литература переводилась в начале XX века в достаточных количествах. Наверное, лучше было руководствоваться принципами тех переводчиков, хорошо знавших, что они делают и почему.

Автор «Вчера-позавчера» отказывается от традиции европейского психологического романа XIX-XX веков в пользу повествования более

объективного, эпического. С чем связан этот сдвиг, и видите ли вы в новейших европейских литературах какие-то параллели ему?

З.К. Вопрос явно не для краткого обсуждения. Скажу лишь, что эпос, иначе говоря, череда поступков, а не психология, — метод, который демонстрирует нам Писание. А современные Агнону ивритские писатели, как правило, затруднялись именно эпической формой, предпочитая рассказ-эпизод, или зарисовку, или психологический этюд. В то же время и Бялик, и Агنون мечтали составить четвертый том Танаха — Писания нашего времени, куда Бялик, скажем, предназначал свой «Свиток о пламени». Не скажу, что обсуждаемый роман предназначался для той же цели. Но не следует забывать и о том, что Нобелевскую премию обычно присуждали авторам больших романов, а Агنون еще в 1919 году писал своему корреспонденту, что собирается получить эту награду.

Е.Р. Мне не кажется, что Агنون совершенно отказывается от психологизма, в романе есть описания переживаний Ицхака Кумера. Но дело в том, что это особый герой, сложный, но при этом не слишком умный, поэтому его внутренний мир описывается не только путем традиционного психологического анализа, но и непрямой путем, символически. Для европейской литературы первой половины XX века (Роллан, Мартен дю Гар, Голсуорси, Томас Манн, Шолохов, Алексей Толстой и т.д.) вообще характерна тенденция к созданию больших эпических полотен. Причина понятная: желание осмыслить огромные сдвиги в культурной и национальной жизни. Именно такого типа роман Белинский, вслед за Гегелем, называл «эпосом частной жизни».

А.И. Агنون не одиночка. Он относится к особому культурному пласту, к поколению золотого века европейской культуры. В тот период в Германии, а потом в Палестине собралась группа еврейских интеллектуалов: Агنون (тогда, еще, кажется, Чачкес из Бучача), [Маргин Бубер](#), Гершом Шолем и многие, многие другие. Не просто могучая кучка, а могучее не бывает. И вот эта публика, воспитанная на Талмуде и еврейской истории-культуре галута, но прекрасно ориентирующаяся не только в европейской, но и в мировой истории-культуре-литературе, получает редкий исторический шанс: создать на новом языке (современном иврите) секулярную культуру, которой не было. С этим сопоставимо только создание в Средние века культуры ладино силами общины в две тысячи человек. При этом, несмотря на якобы архаичность, Агنون относится к XX веку, читается с приятностью, во многих местах ужасно смешит, в иных — смешно ужасит. У него все пронизано хлесткой и болезненной сатирой как на старые, так и на новые еврейские нравы и порядки. Это должно быть передано в переводе, иначе читатель читает не Агнона.

Школьный вопрос: «О чем этот роман»? Почему он заканчивается смертью героя? Из-за чего гибнет Ицхак и распадается разум рабби Файша? Что это: возмездие, рок, случай, гнев Б-жий?

Е.Р. [Амос Оз](#), отвечая на этот вопрос, написал целую книгу «Молчание небес». С его точки зрения, особенность агноновских сюжетов именно в том, что в них у каждого события есть целая сетка причин и автор воздерживается от окончательного определения, какая из них правильная. Рассказ «Агунот» заканчивается словами: «А истина известна только Вс-вышнему». О чем этот роман? Ну конечно, о репатриации.

3.К. Одной из главных тем творчества Агнона я бы назвала непостижимость человеческой — индивидуальной и коллективной — судьбы. Об этом его первый ивритский рассказ «Агунот» (1908), об этом и его роман о сионистском подвижничестве, который мы обсуждаем. Первые фрагменты романа увидели свет в 1931 году, а целиком он появился лишь в 1945-м. Евреи тогда задавались вопросом «За что?» и «Как могло произойти такое?» (я имею в виду Холокост), а Агнон предложил им полный загадок роман о том времени, когда он сам пытался определиться среди жителей Страны Израиля, но не нашел себя ни среди светских сионистов, ни среди еврейских ортодоксов, противников сионизма.

Почему он захотел развернуть своих читателей к недавнему прошлому? Писатель не дал ответа на этот вопрос. Он вообще не любил объяснять свое творчество. Но подчеркивая непостижимость обстоятельств, участниками и свидетелями которых жители Страны были еще совсем недавно, Агнон, как мне кажется, уберег их от бесплодных и травмирующих размышлений о смысле Катастрофы.

Агнон не страдал излишней скромностью. Беря за образец Тору — словесную Истину, имеющую 70 различных ликов, он создавал многозначную прозу и провоцировал читателя на многократное чтение и разные истолкования, верные одновременно. И потому любой перевод Агнона так много теряет: его проза — палимпсест, сквозь авторское повествование проступают речения его предшественников, и кто более их обнаружит и свяжет с сюжетом — тот и достоин. Это не постмодернизм — это наше традиционное отношение к Писанию. Текст взывает: «объясни меня!».

Чем ближе к финалу, тем большую роль в повествовании играет пес Балак. Его появление ощутимо меняет тональность текста: повествователь становится более саркастичным, в роман вводятся сатирические сцены. В то же время все несчастья, происходящие с героями, — также «на совести» Балака. Какова смысловая нагрузка этой линии, зачем автору Балак?

Е.Р. Балак — и двойник Ицхака Кумера, и пародия на него. Тынянов писал, что пародия на трагедию — комедия, а пародией на комедию может быть трагедия. По-моему, это именно тот случай. Вернее, Балак — это трагедия и комедия одновременно. Кумер — человек, неспособный на тонкие определения своих собственных чувств и идеологических исканий. Все это делает за него Балак. То есть герой-идеолог в этом романе — собака. Поэтому все его переживания окрашены иронией и одновременно трагичны, ведь Балак — живое существо, он страдает всерьез. Кумер — маляр, он не строит, а красит. И он просто так, без всяких размышлений, пишет на теле Балака слова, которые сначала были неправдой, а потом стали правдой. Существует роковая связь между реальностью и ее символическим обозначением, знаками. Кумер не виноват в том, что эта связь существует, но он расплачивается за то, что несерьезно к ней относится. Видимо, Балак — орудие

наказания, он мстит Кумеру за его неспособность понять суть вещей. В этом смысле, наверное, правы те, кто утверждает, что Балак — воплощение рока.

З.К. Как известно, Балаком звали царя Моава, который хотел проклясть сынов Израилевых, просивших разрешения пройти по его земле, и нанял для этой цели жреца Бильяма. Но б-гобоязненный Бильям изрек то, что изрек, и вслед за ним евреи тысячелетиями повторяют внушенные ему Вс-вышним слова: «Как прекрасны шатры твои, Яаков, жилища твои, Израиль!..» Бильям и сам затруднялся понять, где та зыбкая мистическая грань, что отделяет проклятие от благословения.

О том же, думается, пишет Агнон. Жуткая по своим лишениям жизнь евреев в строящейся Стране Израиля, жизнь в нищете и голоде, пресекаемая смертями, самоубийствами и эмиграцией, оказалась благословением по сравнению с обеспеченной и культурной жизнью в Европе. Смерть Ицхака Кумера совпала с живительным дождем, которого так ждала изнемогающая в засухе земля, ее всходы и ее люди.

Как кажется, пес Балак принял на себя неблагоприятную роль заполнить логические связи там, где на деле их принципиально невозможно отследить. Он стал персонифицированным мистическим началом этого еврейского эпоса, как то присуще хасидскому фольклору. Воплощением того самого беса, который понадобился Пушкину, чтобы сказать: «В поле бес нас водит видно», когда поэт столкнулся с заурядным и вполне объяснимым природным явлением — метелью.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

НА ФОНЕ ПУТИНА СНИМАЕТСЯ...

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Основная проблема, которая обсуждалась на XXIII Московской международной книжной выставке-ярмарке, прошедшей, как обычно, в самом начале сентября на ВВЦ (в девичестве ВДНХ), – продвижение современной русской литературы на англоязычный книжный рынок. Несколько дней

подряд лучшие люди – писатели, критики, литагенты – пытались предложить свои рецепты увеличения экспортного потенциала отечественной словесности, но так ни до чего определенного и не договорились. Больше прочего запомнилась гипотеза критика Льва Данилкина: как только в России случится что-нибудь этакое, так сразу появится интерес к ней со стороны зарубежного читателя. Будем надеяться, что проверить это предположение нам не доведется, – пусть лучше при таких условиях французы великую литературу сочиняют, не жалко.

Элла Яблонская и Борис Зайдман

Александр Гаврилов и Роман Гершуни на литературно-кулинарном шоу «Рисовый кугель: еда в книгах Исаака Башевиса Зингера»

Событием ярмарки стала биография Бориса Ельцина работы журналиста и прозаика Бориса Минаева, вышедшая в серии «ЖЗЛ». Книга неплоха и сама по себе, но дополнительную прелесть ей придает предисловие, написанное Владимиром Путиным. Это-то обстоятельство и нарушило на второй день мирное течение ярмарки. Дело в том, что автор предисловия неожиданно решил прибыть на презентацию жизнеописания Ельцина, по каковому поводу территория ВВЦ оказалась наводнена ОМОНОм, сделавшим все передвижения граждан, не относящихся к свите премьера, весьма затруднительными. В результате презентация прошла с изрядным ажиотажем, но несколько мероприятий других издательств пришлось отменить.

Среди прочего под секвестр попала и пресс-конференция израильских писателей, на которой должны были присутствовать операционная сестра, радиожурналист и прозаик Элла Яблонская, рекламщик и автор романа «Хемингуэй и дождь из мертвых птиц» Борис Зайдман, а также переводчицы Мири Литвак и Дина Маркон. В итоге программа визита Яблонской ограничилась интервью «Маяку» и «Сити-FM», Зайдман отправился читать лекцию по пиару в Московский гуманитарный университет, а Литвак и Маркон поучаствовали в Конгрессе переводчиков, также имевшем место в рамках ярмарки.

Впрочем, посмотреть на израильский стенд стоило и в отсутствие пресс-конференции. Количество разного рода экранов живо напоминало о репутации Израиля как страны высоких технологий. По одному телевизору крутили фрагменты экранизаций романов израильских прозаиков, по другому – интервью израильских писателей, а компьютер на входе выдавал всем желающим информацию о гуманитарных программах посольства. Сотрудницы Израильского культурного центра, в качестве физкультурминутки танцевавшие макарену, хотя к высоким технологиям и не относились, общего впечатления явно не испортили.

Вениамин Смахов «дает автограф» Валентину Смирнитскому

Но вообще, читателя, приученного к насыщенным еврейским программам на книжных мероприятиях последних лет, нынешняя ярмарка вполне могла оставить разочарованным: ни ярких презентаций, ни автограф-сессий, ни информативных круглых столов. Отчасти положение спас неутомимый проект «Эшколь», кроме традиционного детского утренника проведший – правда, не на ВВЦ, а в ресторане «ArteFAQ» – литературно-кулинарное шоу «Рисовый кугель: еда в книгах Исаака Башевиса Зингера». Два с половиной месяца назад на Открытом книжном фестивале «эшкольцы» уже представляли подобную акцию, но тогда источником кулинарного вдохновения служили романы Агнона и, соответственно, блюда готовились как восточноевропейские, так и ближневосточные. На сей раз критик и ресторатор Александр Гаврилов и неизменный «эшкольский» шеф-повар Роман Гершуни из любви к Зингеру сосредоточились на специфически ашкеназской кухне.

Стенд издательства «Книжники» и Федерации еврейских общин России

Впрочем, главное на любой книжной ярмарке все же новые книги, а они были представлены в достаточном количестве. «Мосты культуры» ака «Гешарим» выпустили воспоминания одного из руководителей восстания в Варшавском гетто 1943 года Марека Эдельмана «И была любовь в гетто», а также – несколько в сторону от своего привычного репертуара – «Радиодетали: голоса на бумаге» Николая Александрова и Антона Ореха (по мотивам передачи «Радиодетали», выходящей на «Эхе Москвы»). Издательства «Текст» и «Книжники» порадовали очередным прибавлением в сериях «Проза еврейской жизни» и «Чейсовская коллекция»: сборником пьес современного французского драматурга Жан-Клода Грюмбера «Дрейфус... Ателье. Свободная зона», сагой Исроэла-Иеошуа Зингера (старшего брата Исаака Башевиса Зингера) «Семья Карновских», книгой Меира Шалева «Впервые в Библии» (своего рода продолжение уже выходявшей по-русски его «Библии сегодня») и исследованием гарвардского профессора Джеймса Кугела «В доме Потифара. Библейский текст и его перевоплощение», посвященным, как понятно из названия, истории Йосефа Прекрасного и ее метаморфозам и интерпретациям в различных культурных контекстах. Двухтомник Вениамина Смехова (см. Лехаим. 2008. № 12) прирос третьим томом – с пьесами автора, в том числе любимой многими с детства «Али-Баба и сорок песен персидского базара» (отдельное спасибо издательству «Время» за приложенный к комплекту диск, на котором записаны произведения в авторском исполнении). На стенде фонда «Историческая память» обнаружился сборник «Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы», составленный по материалам конференции, прошедшей в Москве в конце апреля (редкая оперативность). Питерская «Алетейя» издала новую книгу известного прозаика и борца с антисемитизмом Семена Резника «Непредсказуемое прошлое: Выбранные места из переписки с друзьями», куда вошли по преимуществу материалы его переписки позднесоветских лет с разными редакциями, которым Резник ставил на вид те или иные «антисионистские» публикации, переполненные, понятное дело, натяжками и попросту враньем. Неизвестное мне до сей поры издательство «Партнер СПб» выпустило любопытную биографию самого знаменитого советского диктора Юрия Левитана «Левитан. Голос Сталина», написанную Эллой Тарановой. Наконец, в петербургском отделении «Науки» вышел второй, заключительный, том описания легендарной коллекции автобиографий и биобиблиографических документов, собранной в начале XX века Семеном Венгеровым и хранящейся в Пушкинском Доме. Интервал между томами составил почти десять лет, что и понятно: подобные книги делаются небыстро плюс неизбежный страх издательств, даже специальных, перед выпуском трудоемкой и изрядно толстой книги. Но все

хорошо, что хорошо кончается. Двухтомник «Русская интеллигенция» представляет собой важнейший (по многим персоналиям абсолютно уникальный) свод материалов к биографиям деятелей отечественной, в том числе русско-еврейской, культуры.

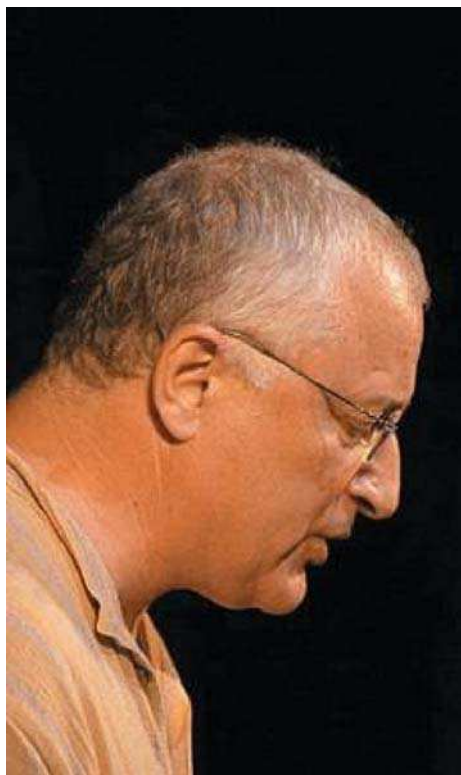
Президент ассоциации «Мосты культуры» Михаил Гринберг встретил на ярмарке свой день рождения

И все-таки хотелось бы надеяться, что скудость еврейской программы на XXIII ММКВЯ – это не начало новой тенденции, а просто случайность. Проверить можно будет уже очень скоро – в самом начале декабря в Центральном доме художника стартует 12-я ярмарка интеллектуальной литературы «non/fiction». Там все и выяснится.

**АНДРЕЙ ГРИЦМАН:
«МОЯ ДУША – ДУША ПЕРЕМЕЩЕННОГО
ЛИЦА»**

Аניאוו אײאוו עֵסָרִי תַאֲעֵטָאָו

Андрей Грицман родился в 1947 году в семье московских врачей. С 1981-го живет в США. Пишет по-русски и по-английски, печатается в российской и зарубежной (как эмигрантской, так и англоязычной) периодике. Автор сборника эссе «Поэт в межкультурном пространстве» и нескольких поэтических книг, в том числе итоговой на сегодня «Вариации на тему», выпущенной в конце прошлого года издательством «Время». Кандидат медицинских наук, магистр искусств по американской поэзии. Редактор журнала «Интерпоэзия». Работает врачом.

Андрей Грицман

– В предисловии к сборнику «Вариации на тему» вы говорите, что вам пришлось долго ждать своего голоса. Когда вы пришли к поэзии?

– Стихи я начал писать, как все, в подростковом возрасте; кажется, это было ужасно. Я их показал одному из знатоков из круга моего отца (отец дружил с Самойловым и Слуцким, знал Межирова, то есть я рос в «облученной» среде). Ему

не понравилось, и я как-то сжался и надолго замолчал. А потом, где-то лет в 25–27, пошли стихи, и я собрал машинописный сборничек, как в то время делали в Москве. Дальше – переезд в Америку. Я впал в анабиоз – сдавал экзамены на врача, проходил обучение, а потом, когда перебрался в Нью-Йорк, году в 1985-м, начался новый этап, и я, с переменным успехом, продолжаю писать в течение последних 25 лет.

– **Вы учились в университете Вермонта, это был «американский литинститут» или же филологический факультет?**

– Да, я проучился три года и окончил литературный факультет. Это не филфак, а именно что «американский литинститут», creative writing program. Для поступления туда нужно подать рукопись – стихи, эссе. К тому моменту я уже прошел много семинаров («workshops», как говорят в Нью-Йорке), участвовал в чтениях, то есть у меня накопился какой-то корпус английских стихов. Меня на факультет сразу приняли, и это были совершенно упоительные три года. Для меня это было крайне полезно, потому что я работал врачом, а обучение давало мне возможность общения с литературной средой. Потом, у меня же английский не родной, поэтому такая «обкатка» с опытными профессионалами была особенно важна. В отрицательном смысле, как предупреждали, – в смысле уравнивания, сглаживания стиля, голоса, – программа на меня не повлияла.

Кстати, что интересно. Считается, что поэзией мало интересуются, особенно в Америке. Действительно, людей, которые берут книжку стихов и читают ее, немного. Но тех, кто пытается писать, поступает на creative writing, приходит на семинары, – тысячи.

– **Мы знаем много прозаиков с медицинским образованием – а на вашу поэзию профессия как-то повлияла?**

– Есть и поэты-врачи, известный пример – Уильям Карлос Уильямс. Но, похоже, медицина и впрямь лучше сочетается с прозой...

Медицина повлияла на словарь моей поэзии, и в русских, и в английских стихах. Для меня слова, описывающие ткани, симптомы и тому подобное, естественны в ежедневной жизни. А вот в стихах они создают «странное» звучание, отход от привычного поэтического реквизита: «Вен венок, Медуза Горгона, / arbor vitae, борозд корона, / древовидная вязь мозжечка. / По височной кости читая, / за преградой, за чудным барьером, / в веществе горделиво-сером / две мечты лежат как чета».

– **Расскажите о вашем новом сборнике «Вариации на тему», каково в нем соотношение старых и новых текстов?**

– Сборник содержит избранные стихи лет за 20–25. Мне кажется, старые стихи, стихи последних десяти лет и самые новые распределены там более или менее равномерно. Естественно, со временем интонация несколько изменилась, да и тематика, пожалуй, тоже. Меня меньше стали интересовать темы ностальгии или адаптации к новой жизни в Америке: американский пейзаж, города, те чувства, которые развились здесь. Мои последние стихи – это больше взгляд внутрь себя.

– **К сборнику прилагается CD с записью авторского чтения – для вас особенно важно слово звучащее?**

– Я работаю «с голоса», поэтому звуковые записи – очень важное и очень адекватное приложение к книге. Это совершенно другое измерение, как бы сравнение черно-белого и цветного изображений. Кроме того, для меня важнейшим критерием является, ложится ли текст мне на голос. Меня интересует некое смещение русской просодии. Ткань поэтической речи может растягиваться, складываться, обрываться. И такие особенности индивидуальной поэтики лучше всего отражаются в авторском чтении. Мне кажется, наиболее последовательно и ярко это выразилось в поэме «Хамсин».

– **В сборнике не только совершаются частые перемещения между Москвой и Нью-Йорком, Римом и Гурзуфом, но и передано ощущение «всемирности» поэзии: «Аравийский хамсин сдувает пену / с тополей на Пресне...»**

– Это правда: в моих стихах довольно много географии, но они ни в коем случае не являются травелогом, «стихами путешественника». Скорее это отражает мою концепцию поэзии над культурами, над границами, мое самоощущение «безродного космополита». Естественно, я являюсь русским поэтом, скорее даже московским, но моя душа – душа «перемещенного лица». Однако с этим же связано и ощущение «одомашнивания» мира. Поэтому мне так близок Мандельштам с его «тоской по мировой культуре», с его тягой к Средиземноморью.

– **В стихотворении «Иерусалим» у вас в толчее возле иерусалимского автовокзала мелькает «лик Гумилева». Насколько значим для ваших «израильских» стихов «иерусалимский текст» русской поэзии?**

– Пожалуй, не слишком. Я даже об этом не думал... Стихотворение «Иерусалим» было написано во время и сразу после моей первой поездки в Израиль много лет назад. Я почувствовал что-то очень родное, узнаваемое во всей этой мешанине: лица моих «родственников» – польских евреев (в стихотворении мелькает и лицо моей бабушки), загорелые свободные сабры, сефарды... А лик Гумилева здесь, скорее, знак характерной для русской литературы традиции сквозного прохода по миру, взлета над почвой, перемещения души: Кавказ Пушкина и Лермонтова, Туркестан, Азия набоковского «Дара»...

– **Вообще возникает ощущение, что израильские пейзажи, политические реалии, иную топику вы в стихах пропускаете через культурное «сито», в роли которого может выступать даже канон рождественской поэзии. Для вас непосредственные впечатления менее важны, чем культурные напластования, или же такое представление обманчиво?**

– Мне кажется, обманчиво. Конечно, многие годы «облученности» культурой не проходят бесследно. Но в моем случае ощущение места или ситуации основывается скорее на психофизиологии, чем на культуре. Тем более если речь идет об Израиле, занимающем центральное, осевое место в моем сознании и в моей душе. Когда я там, подмосковные зеленые холмы и столь мною любимые индейские речные долины Америки «духовно» представляются дальними странами, недавно открытыми, – какими они, впрочем, и являются.

А мои «Рождественские стихи» – это горькая шутка, сарказм по отношению к этой линии русской поэзии. На самом-то деле: вот конвой бронетранспортеров прошел, пыль стоит, автобусная станция в Ашдоде, пропасть между мирами – за свалкой близкие колючие огоньки Рамаллы. И все это на библейских холмах, все тех же. И вот это, мне кажется, важно ощутить, а не умозрительно переживать темы духовной истории.

– В Москве в 2005-м вышел ваш сборник эссе. Изменилось ли с тех пор положение «поэта в межкультурном пространстве»?

– На мой взгляд, за несколько лет актуальность этой книги не уменьшилась. Неудобно про свою книгу так говорить, но, мне кажется, она была недостаточно замечена, а жаль, потому что там ставятся вопросы личности культуры авторов, живущих многие годы вне своей родной языковой культуры, – и живущих не потому, что их выгнали или им пришлось бежать, а потому, что они хотели уехать и вполне прижились на новой родине. И это совсем не измена русской культуре; это – перенос ее зерна на другую почву, где оно, естественно, принимает несколько иные формы. Никому ведь не придет в голову обвинять Шеймуса Хини в том, что он предал Ирландию, или Уолкотта – в измене острову Санта-Лючия. Но этот душок – мол, поэт эмиграции все-таки немножко изменник и по ночам плачет по родине водочными слезами – плывет над Москвой-рекой.

– Вы издаете журнал «Интерпоэзия». Как вам видится сегодняшняя роль литературного культуртрегера, способен ли он повлиять на ситуацию общего «нечтения»?

– Мне кажется, что «имперским» путем с культурой ничего нельзя сделать. Когда Бродский стал поэтом-лауреатом Соединенных Штатов, он пытался нести поэзию в массы, предлагал держать книжки поэзии в каждом гостиничном номере, как гидеоновскую Библию, и так далее. Мне кажется, это подход неестественный, потому что поэзия развивается сама по себе. Ситуация 1960-х, например, была не совсем здоровой – об этом много написано и говорено, – так как из-за недостатка СМИ и других отдушин поэзия занимала несвойственную ей позицию.

И в России, и в США все равно к поэзии имеет отношение довольно большое количество людей. Поэтому, если мы говорим, что такой-то журнал – только для людей искусства, мы все равно имеем в виду сотни, тысячи, а то и десятки тысяч людей. «Интерпоэзия» позиционирует себя как журнал поэтов для поэтов, но к нему проявляет интерес множество людей по всему миру. А в том, что стихи читают, в основном, сами поэты, мне кажется, ничего дурного нет. Более того, если поэзия общедоступна – для чтения, для создания, для издания, – ее уровень, на мой взгляд, снижается.

– Как вы находите авторов для вашей антологии «Stranger At Home»? Поэтов иностранного происхождения, пишущих по-английски, становится больше или меньше?

– Идея создать антологию американских поэтов «с акцентом», то есть тех, для кого английский не является родным, пришла мне в голову несколько лет назад. Таких поэтов становится все больше. В Америке живет множество активных художников, которые приехали со всего мира и довольно быстро «колонируют»

эту область. «Американский язык» становится их речью, появляется поэзия американской идиомы, но выраженной с разнообразным акцентом, с разной интонацией. Так что мы будем продолжать этот проект, будем делать следующее издание с новыми именами, новыми голосами.

– **А есть ли подобные антологии поэтов-репатриантов, пишущих на**

иврите?

– По какой-то странной причине, при большом количестве израильских поэтов, пишущих по-русски, очень мало авторов, которые пишут на двух языках или полностью перешли на иврит. Мне известна буквально пара имен. Есть какая-то звуковая стена, которая не преодолена. Может, дело как раз в том, что там так много русских, что это в значительной степени русскоговорящая страна, – трудно сказать. Но тот процесс, который так естественно пошел в Америке, когда мы, иностранцы с акцентом, начинаем хозяйничать в американской литературе, – этого, мне кажется, в Израиле не произошло.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

МИМИКРИЯ «ИНОСТРАНКИ»

יֵעֹבֵד יִשְׂרָאֵל

Блогер Евгения Коробкова (eugenia-korobkova.ya.ru) прочла июльский номер журнала «Иностранная литература» – и огорчилась. Расстроило ее, что «Иностранка» «постепенно мимикрирует в журнал “Лехаим”».

Во-первых, имею сообщить уважаемой Евгении, что, согласно норме русского языка, мимикрировать во что-то нельзя, мимикрируют всегда подо что-то. Во-вторых, скромно замечу, что не так уж плох наш «Лехаим», чтобы сходство с ним других изданий должно было приводить девушек в расстройство. А в-третьих и в-главных, оснований для вывода о мимикрии, увы или ура, немного. Даже если к седьмому номеру «ИЛ» прибавить еще и полную подшивку журнала за первое полугодие. Да, еврейская тема в «Иностранке» присутствует – но не более чем, допустим, польская или венгерская, не говоря уже, разумеется, о немецкой или английской.

Итак, разложим пасьянс из семи номеров и пройдемся по ним в хронологической последовательности. В январской книжке журнала, помимо Набокова, Монтале и Флобера, обнаруживается интервью Елены Калашниковой с замечательным переводчиком с английского Владимиром Бошняком. Там много всего интересного и очень интересного про Берджесса, Доктороу, Райт-Ковалеву, Аксенова и Шимона Маркиша (после эмиграции Маркиша и запрета на упоминание его имени Бошняк перепереводил за ним фолкнеровскую «Деревушку»). Среди последних работ Бошняка – «Версия Барни» Мордехая Рихлера: «Было интересно преодолевать вкрапления неизвестных мне языков – там французский, немецкий, итальянский, черт знает что, да еще и идиш сплошной. И каламбуры на всем этом базируются, шутки. Потом мне Сергей Каледин позвонил и говорит, что все дело в еврейских корнях. У нас с Калединым у обоих есть и еврейские корни (у меня бабушка еврейка, у него, кажется, тоже). “Видимо, вы идиш с молоком бабушки впитали”. Можно так сказать – “с молоком бабушки”? Но я не утверждаю, что это именно Каледин сказал. Сейчас просто на язык подвернулось». Бабушкино ли молоко тому причиной или нет, но в результате у Бошняка получился шедевр, конгениальный шедевр Рихлера. Ничего не имею против работы Ларисы Беспаловой, переведшей рихлеровский роман «Кто твой враг» (см. Лехаим. 2010. № 9), но...

В третьем номере «Иностранки» помещен новый перевод Ларисы Беспаловой – на этот раз non-fiction (авторский жанровый подзаголовок – «подлинная история») Филипа Рота «По наследству». В книге 1991 года знаменитый прозаик рассказывает о своих родителях, прежде всего об отце, «страховом агенте на пенсии, закончившем всего восемь классов ньюаркской школы на Тринадцатой авеню». У него обнаружена опухоль головного мозга, по всей вероятности смертельная, и повествователь, размышляя, как сообщить ему об этом, попутно разворачивает в памяти историю своей семьи. «Стоя у могилы, все мы думаем примерно одно и то же, и мысли эти не слишком отличаются, за вычетом красноречия, от мыслей Гамлета над черепом Йорика. Ну что такого можно подумать или сказать, что не будет вариацией на тему “он тысячу раз носил меня на спине”». На мой вкус, «По наследству» сильно выигрывает по сравнению с поздними романами Рота, в большинстве своем предсказуемыми и однообразными.

В апрельской книжке в рубрике «Carte blanche» представлено эссе живущего в Праге поэта Игоря Померанцева «Czernowitz. Воспоминания утопленника». В Черновцы Померанцев приехал ребенком, в середине 1950-х годов, и прожил там 15 лет. Впрочем, пересказывать эссе – занятие предосудительное, его надо цитировать, если уж нет возможности привести целиком. Ну а поскольку текст Померанцева хорош, цитаты должны быть большими.

«Чем Черновцы отличались от других украинских городов? В этом городе в конце 50-х годов еще жила горстка австрийских евреев. Они были ни на кого не похожи и особенно отличались от стилистов. Стилисты носили одинаковую одежду: плащи болонья, белые кепки (батоны) с серыми прожилками. А горстка австрийских евреев носила потертые велюровые темно-синие шляпы, серые в елочку двубортные пальто, стоптанные туфли с узкими носами, запонки с матовым мраморным отливом – и все это было старое, почти древнее, затрапезное, но как же стильно они выглядели! Черновцы так и остались для меня этим самым ископаемым австрийским евреем, заброшенным машиной времени в советский заповедник. <...> В середине 50-х только пятая часть городского населения были

евреями, причем из них меньшая часть – австрийскими, а большая – бессарабскими. Но евреи обладают мощным энергетическим полем. Даже если их всего ничего – три десятка тысяч, – они делают погоду в городе. Я уже в детстве знал, что евреи живут в Киеве, в Москве, в Ленинграде, но столичные евреи мне казались сплошь уважаемыми, богатыми, процветающими, а вот в Черновцах были всякие – шпана, проститутки, убийцы, валютчики, вундеркинды, по улицам бродили еврей-горбуны, таскавшие на своих горбах контрабандную мацу. Конечно, там была не только еврейская голь – там были, например, знаменитые боксеры и борцы, участвовавшие в Олимпийских играх, в чемпионатах мира. Мне в детстве казалось, что евреи – самые замечательные спортсмены, особенно борцы и боксеры».

А вот и объяснение названия, вернее, подзаголовок эссе: «Есть такая детская игра “Замри!” Между войнами Черновцы “замерли”. Они жили своей жизнью, не ожидая, не предвидя Холокоста. Это был город книжных червей, о чем написано много воспоминаний, в том числе Розой Ауслендер. В 1978 году, когда я оказался в Германии, моя подруга, учительница немецкой гимназии, позвонила в Дюссельдорф Розе Ауслендер и сказала: “Мы не знакомы лично, но я вам звоню, потому что ко мне приехал русский поэт из Черновцов, и, может быть, вам интересно было бы с ним встретиться”. К тому времени Р. Ауслендер была лауреатом, знаменитостью, классиком. Она ответила: “Я бы охотно встретилась, но я больна”. Она тогда действительно болела тяжелой формой артрита, уже не могла писать, только диктовала стихи, но, думаю, был у нее и другой резон. Она когда-то написала, что Черновцы – “затонувший город”. Это она придумала образ города-Атлантиды. Поэтому, мне кажется, она боялась встретиться с человеком, который жил и сочинял стихи на дне затонувшего города. Оказалось, что ее Атлантиду кто-то заселил. И мое физическое присутствие, разговоры о стихах и то, что я просто их пишу, разрушало хрустальный образ затонувшего города. Она не захотела встретиться с утопленником».

В майском номере «ИЛ» – некролог Сергея Гандлевского Петру Вайлю и главы из книги Валерия Белоножки «Невынесенный приговор. О Франце Кафке. Холодно и пристально». «В сражении за еврейство Франца Кафки поломано столько копий, что обломками их усыпаны поля критических и литературоведческих сражений, пожалуй, сверх меры, – не без иронии замечает автор. – К сожалению (или счастью), у нас нет прямых свидетельств семитизма или антисемитизма (бывает и такое) Франца Кафки. Весьма корректное упоминание Максом Бродом размолвки между друзьями по поводу напористого вовлечения Максом Франца в пражский семитизм не дает определенного ответа на вопрос: БЫЛ ЛИ КАФКА ВОИНСТВУЮЩИМ ЕВРЕЕМ?» Дальше, однако, Белоножка пытается-таки дать свой ответ на этот вопрос и приходит к выводу: «воинствующим евреем» Кафка не был, но его романы «Америка» и «Замок» вполне могут быть прочитаны как насыщенные еврейскими смыслами истории об изгнании и рассеянии (с финальным возвращением под отчий кров в первом случае).

Тут же помещена рецензия Александра Мелихова на книгу Примо Леви «Канувшие и спасенные» – столь же пессимистическая, как и сама книга. К «Канувшим и спасенным» уже в июньском номере возвращается Михаил Визель, приводящий поразившую его фразу Леви: «Любой бывший узник подтвердит вам, что первые удары ему нанесли не эсэсовцы, а заключенные <...> одетые в такие же полосатые куртки, какие только что выдали им <...> и это было настоящим потрясением».

Наконец, в июльском номере, с которого мы начинали, напечатаны фрагменты книги Меира Шалева «Впервые в Библии», ныне вышедшей из печати в «Чейсовской коллекции» издательств «Текст» и «Книжники» (перевод, разумеется, Рафаила Нудельмана и Аллы Фурман). Тут же рассказ израильской писательницы Иехудит Кацир «Шлаф штунде» (перевод Светланы Шенбрунн) – минорный, тонко сделанный прустинский текст о подростковой любви кузена и кузины; наличествуют и «вкусные» вещные детали, и похороны, и гомосексуальные мотивы.

Впрочем, цитированного в начале блогера возмутило не исследование-эссе Шалева и не рассказ Кацир. Причина ее негодования – «опять в рубрике Non-fiction обозревают еврейские издания. “Кто и как изобрел еврейский народ” и “Два корня и формы евреененавистничества”». Не понимаю, как самим не надоело».

Что касается Вальтера Зульцбаха, то разговор о его книге на страницах «Лехаима» еще впереди. А вот сочинение Шломо Занда мы уже подробно обсуждали (см. Лехаим. 2010. № 8), и должен сказать, что наше обсуждение этого бестселлера разительно отличалось от того корректно-сочувственного пересказа его основных положений, который предлагает читателю «Иностранной литературы» Алексей Михеев. Так что и тут никакой мимикрии.

Но сколь бы детальным ни был тот наш разбор, реплика Михеева позволяет дописать к нему нечто вроде постскриптума. Все авторы материалов «зандовского» блока в «Лехаиме», по сути, пытались ответить на один и тот же вопрос: корректно ли определять книгу Занда как фоменковщину? И по всему выходило, что да, более или менее корректно. На самом же деле получается, что так, да не совсем так.

И разница именно в том, что представить себе положительный или хотя бы просто нейтральный отзыв на работы Фоменко на страницах журнала уровня «Иностранной литературы» абсолютно невозможно. Оно и понятно: открывает профессиональный читатель (а Михеев, чтобы было понятно, лингвист, в РГГУ преподавал и бывший главный редактор этой самой «Иностранки») книгу и видит там, предположим, следующее: «В середине XII века, в 1152 году, рождается Иисус Христос. В светской византийской истории он известен как император Андроник и апостол Андрей Первозванный. В русской истории он описан как великий князь Андрей Боголюбский» (цитата, если кто сомневается, самая что ни на есть подлинная). И сразу все ясно, никакие дополнительные объяснения не нужны.

А Занд пишет, в сущности, приблизительно то же самое, только гораздо лучше замаскированное под научный дискурс, под спорное сочинение ученого-историка. То есть внутри бяка-бяка, но внешние приличия соблюдены. И оттого разобратся, что к чему, сколь угодно квалифицированному читателю-неспециалисту гораздо сложнее. А следовательно, и «разоблачение» Занда – занятие куда более трудное, но и более важное.

Если XVIII век был веком поляризации как еврейского общества в Европе, так и мировой еврейской диаспоры, то XIX-й – веком создания новых связей и укрепления новой солидарности. Университетски образованные просветители, некогда отвернувшиеся с презрением от своих местечковых соплеменников, бросились их окультуривать и образовывать; западные интеллектуалы, банкиры и министры-капиталисты потянулись к своим «братьям меньшим» в колониях и в Османской империи, желая наградить их достижениями европейской цивилизации и оградить от варварских притеснений местных властей. За XVIII век сформировался еще один – постеврейский – полюс еврейского общества – прослойка выкрестов. В слове этом – вопреки словарной дефиниции – нам слышится оттенок осуждения, и действительно: если говорить о средневековых наветах, о которых идет речь в рецензируемой книге, то выкресты зачастую выступали «адвокатами дьявола», свидетельствуя против своих соплеменников; если говорить о российском XIX веке, то на ум прежде всего приходит кладезь отечественной юдофобии Яков Брафман с его «Книгой кагала». Впрочем, всегда были и иные выкресты, выкресты совершенно замечательные.

Даниил Абрамович Хвольсон, виленский ешиботник, протеже Лилиенталя и Гейгера, лейпцигский студент, религиовед и ориенталист, принял христианство на заре своей блестящей карьеры на востфаке Петербургского университета. По преданию, принял он его из соображений прозрачно прагматичных: «Да, – якобы говорил Хвольсон, – я крестился по убеждению. По убеждению в том, что лучше занимать место профессора в Петербурге, чем место меламеда в Эйшишках». И он стал профессором, а также завкафедрой и членом Петербургской академии наук, крупным гебраистом, семитологом и библеистом, автором большей части Синодального перевода Библии. Но и учеников меламеда в Эйшишках не забывал. Войдя в комиссию МВД по рассмотрению саратовского кровавого навета в 1851 году, Хвольсон через десять лет издал свой отзыв в виде брошюры «О некоторых средневековых обвинениях против евреев»; в 1880-м, после аналогичного «кутаисского дела», он существенно дополнил и переиздал эту работу. И вот она перед нами.

Данная книга профессора Хвольсона – не научный труд, и это впечатление усугубляется минимализмом издательского вмешательства: текст, насколько можно судить, оставлен без изменений, в то время как ему совсем не повредили бы несколько десятков примечаний научного редактора. Большинство цитат приводятся без указания источника, а если источник и указывается, то не указываются его выходные данные и страницы; латинские цитаты и немецкие

названия даются без перевода, имена многочисленных иностранных авторов – без транскрипции, а ряд имен и топонимов – в транскрипции, отличной от общепринятой (Эгезипп, Троя и др.). Но дело, конечно, не в справочном аппарате. Дело в том, что Хвольсон – при всей своей обширнейшей эрудиции – не был медиевистом, и его сочинение по части описания средневековых процессов вторично; некоторые легенды он принимает за чистую монету и, напротив, о некоторых источниках не знает. Естественно, наука за прошедшие с тех пор полтора века шагнула вперед в изучении иудео-христианских отношений – как в сфере действий, так и в сфере интенций и даже подсознания; взаимная изоляция более не принимается за аксиому, – наоборот, допускается высокая степень взаимовлияния, результаты которого и исследуются во многих новейших работах в этой области. По средневековым наветам написан целый ряд фундаментальных монографий: Дж. Трахтенберга, Г. Лангмира, Д. Ниренберга, Р. Чейзена, И. Юваля, Дж. Коена, Р.П. Хсия, К. Стоу и др.

Но научной ценности сочинение Хвольсона лишает даже не это, а сам его подход – крайне тенденциозный, недопустимый для беспристрастного исследователя. Автор прямо заявляет свою задачу – доказать, что евреи смотрели и смотрят на христиан как на своих братьев, что «многие раввины не знали, как превознести благочестие, добродетели и ученость христиан» и, наконец, что «нетерпимость к другим религиям и иноверцам совершенно не в духе раввинизма», иными словами – представить иудаизм эталоном гуманизма и толерантности. И далее он весьма гладко свои тезисы доказывает. Из всего безбрежного корпуса алахической литературы приводятся самые лояльные к иноверцам высказывания; молитвы, содержащие проклятия в адрес гоев, объявлены устаревшими, вышедшими из употребления или имеющими узко локальное значение; к прочим неполиткорректным фрагментам еврейской литературы требуется отнестись с пониманием, так как их написание обусловлено было гонениями, изгнаниями и прочей агрессией со стороны христиан. Пространные экскурсы в историю евреев и учение иудаизма с целью доказать еврейскую невиновность и, более того, виктимность перемежаются пассажами против клеветников-юдофобов. Хвольсон со вкусом разделяет под орех своих малограмотных оппонентов, коих за долгие века существования кровавого навета накопилось предостаточно, для пущей наглядности сравнивая их писанину с выдуманной абсурдной конструкцией из области отечественной истории: «Представим себе, что кто-нибудь написал бы историю России <...> и в ней сказал бы примерно следующее: Владимир Св., имевший местопребывание в Манчестере, заключив союз с Александром Македонским и императором Юстинианом для завоевания Сахары, послал затем своего сына Ивана Грозного в Ташкент, откуда при его помощи изгнал Наполеона Бонапарта». Отточенное перо.

В этой своей книге Хвольсон выступает не как ученый, а как адвокат. Это не научное исследование, а публицистическая полемика, причем ведущаяся с довольно специфических позиций. Хвольсон обладает статусом эксперта по еврейскому вопросу (благодаря не только своей эрудиции, но и происхождению), выступает в защиту евреев, но сам находится в лагере христиан («Но в этом не Талмуд виноват, а мы сами, так как мы не задавали себе труда ознакомиться с сущностью нашей религии»). Ценность этой книги не научная, а гражданская. И пусть поступок Хвольсона не подвиг: в то время многие христианские деятели, в том числе деятели культуры, выступали с юдофильскими заявлениями и, как он сам отмечает, «редакторы охотно принимали тогда статьи в пользу евреев». Однако его решимость отложить свои «любимые» и «прямые занятия» ради написания такой

книги и добиться ее максимально широкого распространения, его представление о своем долге как «человека, гражданина и христианина», а также как ученого, чьей «высшей целью должно быть распространение света и истины и борьба против суеверий и предрассудков», – все это важная реплика в давнишнем споре о том, должен ли интеллеktуал что-то обществу или пусть себе беззаботно играет в бисер. Отдельный вопрос, проигрывает ли наука от яркой гражданской позиции ее жрецов, но общество явно выигрывает: любое меньшинство должно быть счастливо иметь такого предстателя, прочно укоренившегося в большинстве, но от своего меньшинства не отрекающегося.

Άαείτ à Çαείτ εί à

Чужой среди своих

Ν.Α. Ούρου

Çàτ èñέέ. Οδè ãää ãññääðñòääτ í τé ñέέεáú

Ì.: Í íáτá έέòáääòóðí τá íáτçóáτ έá, 2009. – 854 ñ

На короткое время бессарабским евреям повезло. После беспрецедентной критики царского режима за кровавый кишиневский погром власти, дабы выпустить пар и успокоить общественное мнение, в конце мая 1903 года назначили на пост губернатора края умного, дельного и лишённого юдофобских предрассудков князя Сергея Дмитриевича Урусова (1862–1937). В бурную эпоху реформ и революций он умел совмещать мораль и политику, находить разумный компромисс, действовать, не противореча здравому смыслу.

Урусову предстояло умиротворить край и поднять упавший престиж власти. Вскоре по прибытии в Кишинев новый губернатор отправился в ту часть города, которая больше всего пострадала от погрома: «Следы его были очень заметны. Во многих домах сломанные окна и двери... виднелись поломанные крыши и разрушенные печные трубы». Но главные последствия погрома, вспоминал Урусов, надо было искать «не во внешних повреждениях, а в нарушенном обычном труде, в застое промышленности и торговли, главным же образом в том настроении, которое поддерживало среди населения рознь и вражду». Губернатор разрешил евреям торжественно похоронить свитки Торы, разорванные и оскверненные погромщиками. С того дня, писал князь, «возникло во

мне по отношению к кишиневским евреям какое-то чувство расположения и признательности... С той же поры и я в их глазах получил право на доверие как человек, который не только хочет, но и может обеспечить им безопасность». Благодаря решительности и своевременным мерам Урусова в Кишиневе был предотвращен новый погром накануне православной Пасхи 1904 года. В своих поездках по Бессарабии губернатор не отказался посетить молебен в хотинской Хоральной синагоге – поступок для государственного чиновника такого ранга крайне нестандартный.

Князь Урусов дал свое объяснение причин погрома, которое не может игнорировать современный историк. Нельзя, отмечал он, снять с петербургской администрации нравственную ответственность за произошедшее в Кишиневе насилие: «Я считаю наше правительство виновным в покровительстве, оказываемом им узконационалистической идее; в недалновидной и грубой по приемам политике его по отношению к окраинам и инородцам; в том, что эта политика поддерживала среди отдельных народностей взаимное недоверие и ненависть, и в том, что власть, потакая боевому лжепатриотизму, косвенно поощряла те дикие его проявления...» Урусов был уверен, что правительство должно было заявить: «Погром на почве национальной розни есть преступление, за допущение которого ответит местная администрация». С гневом писал он о поощряемой властями, в частности военным ведомством, «противоеврейской пропаганде при помощи всем известных брошюр и воззваний». Он спрашивал: «Отвечает ли достоинству русского войска поведение офицеров и солдат во время еврейских погромов» и «Не будет ли правильно назвать разложением христианского духа ту изуверскую проповедь ненависти к евреям, которую духовное начальство допускает на церковной кафедре только потому, что гражданская власть поставила евреев как бы вне закона»? Сам Урусов был решительным сторонником еврейского равноправия. «Я убежден, – писал он, – что русский народ не потеряет при этом ни своих материальных благ, ни своего духовного богатства».

Мемуарист оставил важные свидетельства об отношении к евреям лиц из высших правящих сфер, включая самого Николая II: «До того времени репутацией непреклонного врага еврейства пользовался лишь великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор. Но с 1903 года стало для всех очевидно, что и государь, если не действием, то по сердцу и убеждению, враг еврейства. Попытки вызвать государя на какое-нибудь проявление осуждения погромов или хотя бы на выражение жалости к пострадавшим дарованием им из собственных средств денежной помощи потерпели полную неудачу. Между тем авторитетное слово или действие императора в этом направлении неизмеримо облегчило бы задачу поддержания порядка в губерниях черты оседлости, уничтожив прочно засевшее у многих и утвердившееся после погрома убеждение, что такого рода расправа населения с его исконными врагами – дело полезное с государственной точки зрения и угодное царю».

Еврейский народ надолго сохранил память о справедливом и честном государственном деятеле. Софья Урусова – младшая дочь Сергея Дмитриевича – вспоминала, как спустя много лет, в начале 1930-х годов, старый еврей-сторож на одном из «закрытых» московских заводов, куда она не могла попасть по делам службы из-за отсутствия необходимого документа, узнав, что перед ним дочь бывшего бессарабского губернатора, помог ей со словами: «Если бы я мог, я не только на любой завод, я и в рай бы дал вам пропуск».

меня обучали люди, многие из которых учили иврит в подвалах, и какой-то дух свободы и энтузиазма (помните – «воля и труд человека...»?) еще сохранялся в самом факте изучения. Теперь и эти времена канули в прошлое. Уже давно в еврейских школах иврит – просто один из учебных предметов, от которого большинство учеников, в духе лучших школьных традиций, стремятся «откосить». Я до сих пор не могу к этому привыкнуть: все-таки странно прийти в класс и убедиться, что вместе сидят те, кто учит иврит год, и два, и пять, – и все примерно на одном уровне, уровне нескольких недель улыпана.

Ну что ж, теперь ученик может взять книгу Эйбрамсон и быстро нагнать пропущенное. Самоучитель (или, как дважды указано на обложке, упрощенный языковой курс) «Иврит за три месяца» позиционируется автором как предназначенный «в первую очередь иностранным туристам, посещающим Израиль» и знакомит «с базовым словарем и грамматикой, которые помогут перейти к более глубокому изучению языка». Транскрипция дана кириллицей, все упражнения – с ответами, общее их число (больше сотни) вполне представительно. Учебник входит в серию самоучителей издательства «Dorling Kindersley», русские версии некоторых из них («Немецкий за три месяца», «Турецкий за три месяца», «Китайский за три месяца» и др.) выходили в том же «АСТ», а кое-что и в других издательствах. Например, «Немецкий за три недели», выпущенный в 1997 году ООО «АФОН» и до сих пор переиздающийся, совпадает с «Немецким за три месяца» в немецкой части на 100% (кроме отсутствующего раздела «Тексты для чтения»), а в русской – с точностью до переводческого синонима. Хотя и авторы указаны другие, и издание подается как оригинальное, а не переводное. Так что, как видите, серия очень неплохо себя зарекомендовала. Вот только...

Вот только какую книгу этой серии ни возьми – непременно наткнешься на что-нибудь анекдотичное. Про «Немецкий...» я уже сказал (впрочем, «АСТ» здесь не виновато), в «Турецком...» перепутаны местоимения (переводчик с английского не везде разобрался, где «you» – единственное число, а где – множественное), в «Китайском...» авторы ограничились только произношением, только разговорным языком, без всякой иероглифики – так «АСТ» и здесь отличилось, в описании звуков все перевернуто. Может, хоть «Иврит за три месяца» стал приятным исключением?

Увы, для самостоятельного изучения иврита книга просто-напросто непригодна, для изучения с преподавателем – пригодна ограниченно. Дело даже не в неудачном ивритском шрифте, где слова расплзаются, не в отсутствии аудиоприложения (хотя где-то в природе оно существует), а в обилии опечаток. Довольно скоро на уроках, где я попытался было использовать этот учебник, самым популярным заданием стало: «Посмотрите на текст, на приведенный пример, на транскрипцию и найдите ошибки». Приятная психологическая разрядка, но с этими разрядками получился явный перебор.

Что ж, «АСТ» благотворительно-просветительских целей не ставит: издательство коммерческое, сроки горят, типография ждет – ну, мы понимаем. Как и в случае с художественной литературой, книга рассматривается не как уникальное произведение, а как проект – безнадежный, сомнительный, типовой, перспективный, зашибись, конец всему и т. д. Репутация серии самоучителей «Dorling Kindersley» – вроде бы гарантия перспективности проекта, но экономия на научном редактировании сводит на нет затраченные усилия по переводу, оформлению, распространению, рекламе и всему остальному.

Помнить себя

Èíàèè Øàí èðí

Ýàí èèí. Èíòíðèý èí ííòðàí òà, àíðííòàá à àíàííé Þíííèè

Ì áð ñàí æ. À. Èàíàí ààçá

Ì .: ÈíÈèáðè, 2010 - 400 ñ

С утра – пение «Боже, храни короля» на английском, днем – чтение Танаха с отцом-иудеем, вечером – русские песни и молитвы на славянском... Возможно, сегодня такая судьба показалась бы обыденной, но полвека назад она выглядела чем-то удивительным. Русские евреи, жившие в Харбине, отправившие дочь в Германию, проведшие годы второй мировой в Японии и уехавшие потом в Америку, – интернациональный характер биографии выглядел диковинкой в эпоху, когда государственные границы определяли границы понимания. О жизни этих людей и рассказывает американский юрист Исаак Шапиро, чья судьба так и просится в сценарий экзотического по фактуре фильма.

Чернецкие, родственники автора по материнской линии, уехали в Китай еще до революции, спасаясь от одесских погромов. Дочь они отправили учиться в музыкальную академию Берлина, где она и познакомилась со своим будущим мужем, виолончелистом, сыном известного саратовского, а затем и московского банкира Исаака Шапиро – старшего.

После свадьбы, сыгранной в 1925 году, молодые уехали сперва в Палестину, затем в Китай, но вскоре осели в Японии, где прожили почти четверть века, пока в 1952 году не переехали уже окончательно – в Америку. Жизнь в токийском пригороде и описывает их сын, Исаак Шапиро – младший, родившийся в Токио 5 января 1931 года. Дома разговаривали на русском, в школе по-английски, а чтобы общаться с друзьями на улице, он выучил японский. Воспитывали рассказчика в русской традиции, хотя папа посещал синагогу (впрочем, нечасто), а

семейных праздников было всего два – Новый год и еврейская Пасха. Казалось бы, все условия для проблем с самоидентификацией, но ничего подобного Исаак, судя по его мемуарам, не испытывал. Вот только характер у отца был невыносимый. Не поэтому ли мать, родив четвертого ребенка, решила оставить мужа и уехать почти на пять лет к родственникам в Харбин?

Здесь была довольно большая еврейская община. В момент, когда дедушка Исаака бежал сюда из Одессы, в городе жила тысяча евреев, а три года спустя – уже восемь тысяч. Всего же за всю историю «русского Харбина» в нем проживало около 20 тыс. евреев (переезд сюда поощрялся царским правительством в связи со строительством Транссиба). Правда, между собой они говорили в основном по-русски и маленького Исаака продолжали воспитывать на русских сказках, стихах и песнях. Дедушка, большой нелюбитель царского режима, не принадлежал, в отличие от своих друзей-бизнесменов, к числу националистов и сионистов. Единственный раз он взял внука в синагогу на Суккот, но этот поход так и остался исключением.

Мультикультурализм ждал автора и в иокогамском пригороде, куда семья вернулась пять лет спустя. Отец предстает в мемуарах домашним тираном, занудливым, грубым по отношению к жене, неоправданно строгим к детям. Он постоянно лишал их игрушек, запрещал выходить из дома, наказывая за то, что они общались между собой не на русском, а на английском, хотя сам был англофилом и отдал детей учиться в британскую школу – боялся, что в русской приходской школе их обратят в православие, как случилось с его сестрой. Сам он гордился своими корнями, бабушкой и дедушкой по материнской линии, которые принадлежали к еврейской элите Петербурга и в конце XIX века активно участвовали в строительстве Большой хоральной синагоги. От домашних отец требовал ежедневного чтения Танаха, но не более того, ведь «в Иокогаме или Токио не нашлось достаточного количества практикующих иудеев-мужчин, чтобы построить там синагогу (необходимый минимум составлял десять человек)».

В Японии практически не было антисемитизма, семья Шапиро считалась русскими: «японские власти никогда не называли нас “евреями”», – пишет автор. Единственным проявлением антисемитского духа стало издание на японском «Протоколов сионских мудрецов». Но, к радостному удивлению рассказчика, книга эта практически не расходилась, в отличие от соседствовавшей с нею в книжном «Истории еврейского народа», написанной известным японским библеистом.

Шапиро считались «белыми русскими», уроженцами дореволюционной России. Это отделяло их от «красных русских», приехавших работать в Японию из России советской. Впрочем, преследованиям не подвергались ни те ни другие. Исаак Шапиро дружил с немецкими детьми, которых вокруг было немало. И хотя те были обязаны вступить в местную организацию гитлерюгенда и раз в неделю приходили в школу со свастикой на рукаве, их родители даже поощряли дружбу с Исааком. А мама одного из немецких мальчиков, у которой не было денег, чтобы оплачивать уроки музыки для сына, в обмен на занятия с матерью Исаака учила того немецкому языку.

История не знает сослагательного наклонения, но дарит много деталей, которые усложняют картину прошлого. Мемуары борются со схемами мышления, их простодушие является гарантией подлинности, создает иммунитет против предвзятости и идеологической зашоренности. Книга Исаака Шапиро хороший

тому пример. Написанная просто, она касается важных тем. Иногда, впрочем, автор вторгается в чуждые для себя эмпирии – так, он утверждает, что «Хайдеггер был убежденным нацистом, однако являлся при этом наставником и любовником еврейской писательницы Ханны Арендт». Каждый, кто хоть как-то касался этой темы, поймет всю поверхностность подобного утверждения.

Àëàëííë Ì íëðíóííá

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2010 ТИШРЕЙ 5771 – 10(222)

МИХАИЛ ГРОБМАН ВНУТРИ И ВНЕ «GROBMAN»'а

Èáííëá Èáðëí

Á ì àëáííëíë, ìí ìðáòáíòëíçííë òáëü-ááëáíëíë áëëáðá, ìííýííáë èì ý èçðáëëüííëíá ðí ìðëíðá Ýððáëí á Èëøííá, èíòíðíë ðëííáíëò áí-ü ìëíðáëý Ðáí áí á Èëøíí, ìòëðíëáííí áííð-ááëá «Grobman». Èì áííí òáë: èì ý ðáííáíëëá ñòáëí «òáí èëëáë ñááðëáíëý». Èáë á ñëó-áá òðááííëë «Áëááëí èð Ì áýëíáíëëë». È ì íáëò ñòáòííý, ñáí áááíëá ýòí - áí íáëíòíðíë ñòáí áíë çíáë ñëðíòíë ìðáíí ñòáííííðë. Ááíí «Òðááííëý» áíëá ìííð-ááëáí á Ááòðíáðááá áí áíðá ñ «Ìíááííë íáá ñíëíóáí» Àëáëíáý Èðó-áíúò, á èíòíðíë, ñáëáííí èááííáá, íáëí èç èíííëíëòáëáë áíë íááò á èííòðí ñ íáðáíí ááðëáíòíí áóáóóíáá çíáí áíëòíá «×áðííá èáááðáòá», òíá ñáí íáí, èíòíðíë ñáíáíý áíð-ááò ìííð-èòáëáë óáííáá í á áííð-ááëó «Grobman».

На выставке «Grobman» в «Kishon Gallery». Тель-Авив. 2010 год

Впрочем, количество смыслопорождающих совпадений, как предусмотренных авторами из группы с сознательно безымянным названием «Kollektiv», так и непредусмотренных, достаточно велико. А сам «Коллектив» напоминает о блаженной памяти «бригадном методе», с помощью которого создавались не только нечитабельные прозаические сочинения, но и картины типа «Тов. Крупская приветствует молодых педагогов».

Понятно, что применительно к Гробману, столько времени посвятившему разоблачению символов советского официального искусства, шаг этот случайным никак не может быть.

Группа молодых израильских художников сознательно создала непростую, постоянно множущуюся структуру: художник Михаил Гробман, чьи произведения отсутствуют на выставке / куратор Руфина Вальски / картины «Михаила Гробмана», перерисованные красками, светящимися при

ультрафиолетовом освещении / «Kollektiv» – «кураторский проект четырех художников: Зои Черкасской, Андрея Льва, Анны Лукашевской и Макса Ломберга», как сказано в их англо-иврито-русском манифесте.

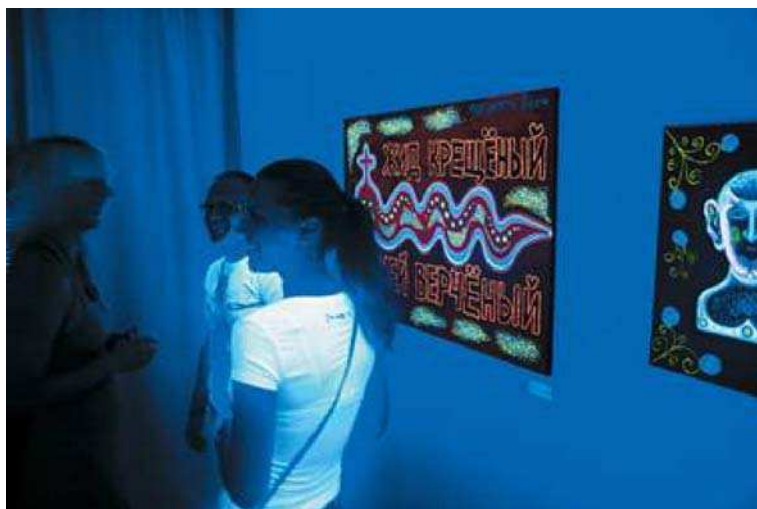
Отсутствие самого автора – Михаила Гробмана – замещается активным присутствием куратора Руфины Вальски, которая оказывается на равных с самостоятельным «коллективным» проектом четырех художников. Ведь в эпоху нынешнего «кураторского искусства», когда замысел куратора считается истинным произведением актуального искусства, в котором артефакты уходят на второй план, а продукты творчества представляют собой лишь фон глобальной инсталляции куратора, такая позиция художников едва ли не вызывающа.

Наконец, тут присутствует еще один, совершенно необычный для подобных выставок, кураторский метапроект. Речь не столько о самих художниках, сколько о том самом втором русском авангарде, к которому принадлежит Михаил Гробман – уже без кавычек и латинской графики. Понятно, почему в те годы, когда художники поколения Гробмана – Илья Кабаков, Эрик Булатов или Комар-Меламид – превращали соцреализм в соц-арт, делая произведения сталинского «вампира» и хрущевского «баракко» объектом, а не субъектом искусства, будущий «коллектив» лишь усваивал первые художественные навыки и впечатления. Их художники не скрывают: «Мы познакомились в конце 80-х годов прошлого века в СССР. Выходцы из четырех крупных городов, мы встретились и подружились во Всесоюзном пионерском лагере “Артек” и сквозь годы пронесли нашу дружбу. В 90-х годах мы репатриировались в Израиль. Двадцать лет в Израиле не смогли вытравить из нас высокие идеалы “Артека” – атеизм, честность, требовательность к себе».

Ностальгический советский стиль (песни из «Свинарки и пастуха»: «Друга я никогда не забуду, если с ним подружился в Москве»), навсегда, по-видимому, ввевшийся в сознание, члены «Коллектива» не стали доносить ни до ивритского, ни до англоязычного зрителя/читателя. Хотя слово «всесоюзный» трудно переводится на современный иврит, английское «allunion» применительно к Union of Soviet Socialist Republics проблем не вызывает. «Лагерь» остается просто «the pioneer camp», что по-английски вызывает несколько иные ассоциации, на которые, вероятно, уповали авторы «Коллектива». На иврите еще сложнее. Написанное ивритскими буквами англоязырованное «махане а-пионерим» призвано исключить отдающее раннесионистским пафосом «халуцим», т. е. «пионеры освоения Эрец-Исраэль».

Может показаться, тут слишком много места уделяют манифестам «Коллектива». Но ведь и сам Гробман является мастером всевозможных манифестов, а еще – специалистом по привнесению русских, английских, ивритских надписей идеологического содержания в свои, а порой и в чужие соцреалистические и соцартовские картины, обложки, плакаты и т. п. Посему сопоставление его макаронических вербальных составляющих и текстов «Коллектива» здесь не только легитимно – необходимо. Гробмановские комментарии разительно расходятся с архисоветским тоном, выбранным «Коллективом», возглашающим, что его «выставки обращены в одинаковой степени к элите и “рабочим”» (по-русски), «пролетариату» (по-английски) и вовсе к «маамад а-поалим» – рабочему классу (на иврите). А вот образы и тексты самого Гробмана, включая цикл расписных обложек ленинских сочинений с надписями вроде «Сучара ЛЕНИН в крови поколенен» (пародирующих песни а`ла «Ленин в

тебе и во мне»), никак не согласуются с манифестом «Коллектива». Это может показаться автопародией, однако заявленное «Коллективом» желание стать «гагаринскими» (по-русски) и «Юрием Гагариным» в единственном числе (на иврите и английском) является данью пионерскому жаргону, который «Коллектив» решил использовать в новой культурной ситуации. Они доверчиво предполагают, что израильский зритель помнит, кто такой Юрий Гагарин. На этом экзотика не кончается. Отсылкой к Гагарину, как и к столь же эзотерическому «Артеку» (что это за «арт», удивится советский читатель), обозначено желание группы «вывести израильскую арт-сцену на мировую культурную орбиту» (по-русски) или «to bring the Israeli art into an international cultural course» (по-английски), что не совсем соответствует русскому аналогу. Этот разноречивый отзвук не только современной художественной афишей, он отсылает к штампам газеты «Правда», неизвестным израильским потребителям актуального искусства.

**«Жид крещеный – змей верченый».
«Kishon Gallery». 2010 год**

Деятели второго русского авангарда иначе относились к этой газете, страницы которой так любил разрисовывать в своих инсталляциях коллега Гробмана – покойный Дмитрий Александрович Пригов. А само слово «Гагарин» в манифесте «Коллектива» просится в качестве надписи на картину Эрика Булатова. Ясно, что «апроприация» (присвоение) «Коллективом» художественного мира Михаила Гробмана не является скромным приношением молодых или уже не очень молодых авторов своему мэтру. В сущности, это даже не диалог, а куда более радикальный шаг, не всегда связанный с творчеством героя, а порой – противопоставленный ему.

Ключевым для понимания предложенного зрителю авангардного жеста/концепта оказывается «ультрафиолетовое» освещение, в котором находятся картины Гробмана на выставке «Grobman». В ультрафиолете светятся «специальные краски», которыми «максимально точно скопированы» (еще одно ключевое слово) картины Гробмана.

Ультрафиолет используется в двух параллельных живому искусству областях деятельности: экспертизе и реставрации. Это автоматически вводит в рассмотрение две важнейшие категории истории искусств. Во-первых, сама эта техника апеллирует к историческому времени – тому самому, с которым борется авангард; иначе говоря, ультрафиолет подчеркнуто архаизирует Гробмана, что

противоречит его эстетике; во-вторых, употребление ультрафиолета призвано установить подлинность вещи, определяющей не только ее место на стенах музеев, но и коммерческую цену.

Время и подлинность объединяются третьей категорией. Это реставрация, при которой в том же ультрафиолете порой проявляется произведение, предшествовавшее выставляемому или продаваемому шедевру. А это уже новые страницы творческой биографии художника. История его поисков и сомнений. Место снимкам в ультрафиолете, конечно, в специальных монографиях, но эксперт, оставаясь все-таки зрителем, эти изображения держит в уме.

Михаил Гробман. Левый историк. 2009 год

Фрагмент экспозиции в «Kishon Gallery». 2010 год

Именно этого слоя и лишается «технически» оформленная картина, представляемая «Коллективом». Ведь его художественный жест оказался связан с еще одной разновидностью художественной деятельности: ученическим копированием, которого художникам «Коллектива» удалось избежать как за счет того, что каждый из них воздержался от повторения картины, скопированной товарищем, так и за счет изменения материала, из которого делалась картина Гробмана. Ведь свечение в ультрафиолете заведомо изменяет зрительные ощущения и впечатления, а затемненное пространство зала радикально противостоит традиционному музейному освещению, стремящемуся к естественности. Впечатление от такой экспозиции «Коллектив» связывает с психоделической поп-культурой. А вот для реставрационной мастерской, где картины рассматривают и фотографируют в ультрафиолете, специальное «освещение» вполне естественно и с психоделикой не связано. Вопрос, повлияли ли бесконечные скандалы с подделками классического русского авангарда, которые сотрясали художественный мир в 1980–2000-х годах, на концепцию выставки, оставим на стадии упоминания.

Ловкие авторы манифеста к выставке «Grobman» сразу же уводят зрителя в сторону от чисто художественного смысла своего жеста. В проспекте выставки рассуждают о том, что она входит в контекст, созданный эпохой тотальной воспроизводимости произведения искусства. Здесь мягко «флюоресцируют» имя и идеи видного левого немецко-еврейского мыслителя Вальтера Бенямина, еще в первой трети XX века задумавшегося о судьбе «художественного произведения в эпоху его технической воспроизводимости». А художники «Коллектива» сами

воспроизвели работы Гробмана, отказавшись от себя как художников. То есть задумались над тем, как воплотить в жизнь идею «ручного коллективного воспроизведения активно действующего художника в эпоху отсутствия индивидуальности художников». И это такой же «анти-Беньямин», как флюоресцирующая выставка «Grobman» – «анти-Гробман». Сам художник в это время спокойно сидит в своем кресле в тель-авивской квартире под той же выполненной приглушенным маслом картиной (воспроизведенной на флюоресцирующей выставке), которую освещает лишь свет солнца из окна. Потому что любая из картин, висящих на выставке, – часть жизни художника, которая труднее всего поддается воспроизведению. И это побуждает задуматься, что заставляет всматриваться в знакомые очертания работ, выбранных по собственному усмотрению участниками проекта?

И не софистические игры с идеями Беньямина более всего привлекли нас в темном зале, где из черных стен в полном соответствии с законами зрительного восприятия агрессивно выступали светящиеся подобия картин Гробмана от послегагаринского 1962-го до предшествующего выставке 2009 года.

Нас привлекло соотношение работ Гробмана и работ, выставленных «Коллективом» на выставке «Grobman».

Здесь вновь придется вернуться к Малевичу и его «Черному квадрату», встречающему посетителя выставки в третьей, если не больше, реинкарнации. Первый в этой системе координат – «Черный квадрат» его создателя. Второй – «Черный квадрат» Гробмана и третий – квадрат «Коллектива».

Работы Михаила Гробмана, как скопированные для «Grobman»'а, так и не представленные на выставке, но выставившиеся самим автором 30 января – 6 марта 2010 года в той же «Kishon Gallery» на выставке с характерным названием «Дневник человека в стране антиподов», в существенной мере противостоят основным положениям манифеста «Коллектива». (Отметим, что кураторы обеих выставок все те же – Ренана Кишон, Руфина Вальски. Следовательно, и замысел двух выставок может оказаться в итоге единым.)

Гробману как израильскому художнику позиция «Коллектива», нигде не называющего себя израильскими художниками, активно противопоставляется. «Коллективисты» видят свою мессианскую роль в создании метапозиции, якобы позволяющей им изменить ситуацию на всей израильской художественной сцене, на которую сами они взошли извне.

Михаил Гробман. Моя могила. 2009 год

Михаил Гробман. Исламо-фашизм. 2009 год

При этом члены «Коллектива» диалектико-материалистично и, кажется, безнадежно-архаично считают своей идеологией «дарвинизм (материалистическую теорию эволюции органического мира)». Наконец, обращаясь к мировоззренческим основам, «коллективисты» прямо провозглашают: «В ситуации, когда Тора вместо конституции приводит к необратимой гуманитарной катастрофе, мы призываем бороться с вредными элементами метафизического мышления, романтизацией национализма, культурным идеализмом, слепым подражанием Западу и политической корректностью».

Не совсем ясно, как это соотносится с высказываниями самого Гробмана в интервью Леле Казовской для предшествующей выставки, включавшей в себя работы с обложками книг: «Я еврей, а евреи известны как народ книги. Тем или иным путем, любая и каждая из этих книжных обложек транспортируется в законченных работах. Комбинация моего искусства с ними создает новую философию жизни. <...> Книги могут иметь религиозное, техническое, политическое и даже китчевое содержание; это не имеет значения, каждая и любая из этих обложек имеет свой собственный стиль, уникальное отношение к жизни. Не случайно, что работа, названная “Моя могила”, была нарисована на обложке Сидура, еврейского молитвенника. <...> Я интерпретирую содержание обложек так, как если бы я сам создавал их образ, в то время как зритель в конце концов сам дешифрует мою работу».

Если бы авторы апроприации «Grobman»’а прочли этот текст, они должны были бы сказать Гробману, вслед за рапповцами, обращавшимися к Маяковскому: «Вас не понимают рабочие и крестьяне». Но почему-то не говорят...

Более того, перерисовывая и переводя в ультра-(хорошо, что пока еще только)-фиолет острополитические картины «Новые историки – New historians», посвященные тем, кто называет Израиль вместо Еврейского государства – «сионистским образованием», или считает легитимными исследования, отрицающие Холокост, либо холст «Жид крещеный – змей верченый», «коллективисты» почему-то не озаботились проблемой прав человека, свободы совести. По-видимому, даже для «третьего израильско-постсоветского авангарда» нарушение правил политкорректности все еще остается источником авангардных образов и поступков. Надо же хоть что-то нарушать, стремясь войти в левый мейнстрим.

Гробман последовательнее своих эклектичных наследников. В «Дневнике человека в стране антиподов» он вновь не удержался от того, чтобы изобразить и лик «Исламо-фашизма», и портреты «Левого историка» и «Левого профессора». Оба «интеллигента» – ярко-красного цвета под черной звездой и словом «Энциклопедия», написанным кровавыми ивритскими буквами. Такие картины в красной подсветке просто исчезли бы...

Трудно сказать, помнят ли члены «Коллектива» стихи Лермонтова, которого так почитали многие еврейские поэты, писавшие и по-русски, и на идише, и на иврите, но «ветка Палестины» 2009 года говорит о мировоззрении и круге размышлений Гробмана больше, чем многие авангардные жесты.

В верхнем левом углу фотографии – работа Лирон Люпо «Михаил Гробман – Новые историки». «Kishon Gallery».

2010 год

Выставка в «Kishon Gallery» в Тель-Авиве отразила непростую ситуацию как со сменой поколений тех художников, которые были когда-то связаны с русской культурой и русским авангардом, так и с теми, кто успешно вошел в культуру израильскую. Такую выставку хорошо смотреть, пройдясь по историческим районам Тель-Авива с их немецким конструктивизмом Баухауса, авангарда 1930-х, ставшего теперь памятником. Однако не оставляет мысль: а как бы и «Дневник», и «Grobman» смотрелись в Москве в мельниковском «Гараже», в старо-новом еврейском уголке Марьиной рощи? Какие ассоциации возникли бы здесь – не только на фоне московских биеннале, но и на фоне сегодняшней еврейской жизни Москвы, неожиданно соприкоснувшейся с актуальным художественным авангардом XXI века...

Одна важная параллель высветилась на этой выставке ярче, чем на всех знакомых нам выставках Гробмана. Голубой фон его «Черного квадрата» совпал с ярким голубым фоном верхнего правого угла картины «Алеф», которая в исполнении самого художника дает несколько иной оттенок. Новая же ситуация соединила голубой фон «Черного квадрата», который Гробман давным-давно рассматривал как библейский символ, и голубое свечение буквы «алеф» с очевидными каббалистическими коннотациями, что со всей неизбежностью ввело эти картины в общий еврейский мистический контекст, который всегда был близок Гробману, но идеологически отрицается ориентированным на пролетариат манифестом «Коллектива». Впрочем, искусство, как показывает этот пример, в очередной раз легко преодолело не свойственные ему идеологические ограничения. И это полностью оправдывает проект «Grobman».

Что до самого Михаила Гробмана, то голос поэта, с ярко светящегося электронного зелено-черного экрана читающий в тель-авивском черном кубическом подвале стихи на русском языке, оживляет темноту внутренности «черного куба» «Kishon Gallery». Этого ощущения рецензия в печатном органе уже не передаст, хотя сами неpolitкорректные стихи поэта с вкраплениями не всегда нормативной лексики вполне доступны. А каталог «Grobman»'а – пока нет.

Современная арт-жизнь такова, что позволяет быстро собрать коллекцию любого периода и любой направленности – было бы, как говорится, желание. В небольшом музее на Монпарнасе, известном своими проектами по истории парижской богемы начала XX века (здесь когда-то помещалась мастерская русской художницы Марии Васильевой, у которой обедали и Ленин, и Троцкий), сейчас представлена частная коллекция, объединившая работы множества выходцев из России, включая Льва Бакста, Константина Сомова и Осипа Цадкина. По формальному признаку сюда попала даже полячка Тамара Лемпицка, хотя рисованием она начала заниматься уже в эмиграции – как и многие представленные на выставке живописцы, особенно те, кто был вынужден покинуть Россию под давлением, по политическим, экономическим или национальным причинам. Особое место занимают работы авторов парижской школы – Михаила Кикоина, Пинхуса Кременя и Хаима Сутина, поначалу мало кому известных, но оказавших впоследствии влияние на историю мирового искусства.

Еврейская жизнь в Аргентине

Аадеі, Аадіііііііі і оціі, аї 10 іеіуіаіу

Іаіі аііііііііііі «Аадііііііііі і оціі ііі Аадііі і оціі».
Аадіііііііі і оціі, Аадііі

В этом году отмечается 200-летие со дня образования Аргентины, одновременно латиноамериканская страна стала главным приглашенным гостем Франкфуртской книжной ярмарки. Все совпало, и в немецкой столице в рамках осенней культурной экспансии Аргентины в Германию показывают выставку о том, как еврейское сообщество интегрировано в аргентинскую жизнь. Основу выставки составили четыре инсталляции, объединенные темой книги, выступающей одновременно как документ и как символ. Одна из инсталляций, «Пути воспоминаний», объединяет, например, жизнеописания 200 аргентинских евреев, сыгравших и/или играющих важную роль в культурной жизни страны. Помимо арт-объектов, в Берлине представлены также фильмы.

Небо в искусстве

Ī àòààóà Dúñéé i óçáé, àĭ 1 íŷáóŷ

*Ī űéàò Dúàéí. Ī éí Ī Áàéáí òéí ú. 1905 áá
Cŷáááí éá Éááò ú é òàì àçà Ī áí àéááŷáúó*

В Русском музее любят расслаивать мир на составные части. То соберут все работы про дорогу в живописи и графике, то картины, где есть красный цвет... Дошла очередь и до неба – благо, трудно найти художника, который бы его не рисовал. Сто с лишним работ авторов начиная с XIX века и вплоть до наших дней показывают небеса утром, днем и вечером и даже из необычной перспективы: в экспозицию в корпусе Бенуа попали и произведения космонавта Алексея Леонова, и русские иконы. А в основном сплошь профессионалы, отечественные и иностранные, от Николая Дубовского, Николая Рериха и Исаака Бродского с его замечательным «Новолунием» (1906) до Йорга Иммендорфа и Эрика Булатова. Классиков «шестидесятничества» хватает: здесь и Оскар Рабин, и Михаил Шварцман, не забыты и фотография, и видео, и инсталляции. Все как у взрослых. Впереди – выставки, посвященные закатам, синему цвету моря и долгой и счастливой жизни.

Áéàéñé Ī íéðíóŷá

Придумать Зальцбург

Алексей Мокроусов

Девяносто лет Зальцбургскому фестивалю – дата не круглая, но примечательная. Где еще в мире найти такую плотность гениев, талантов и звезд всех степеней яркости и любых размеров? Если про кого из музыкантов и людей театра пишут газеты и журналы, если у кого выходят диски один успешнее другого – он наверняка был, есть или будет на берегах Зальцаха. Каких только имен здесь не встретишь! Фуртвенглер и Кушей, Караян и Минковски, Моисси и Фанни Ардан... А какие бриллианты сверкают на премьерах...

В фестивале есть что-то от ярмарки тщеславия. Но не фанфары определяют историю. Выставка «Большой мировой театр», проходящая сразу в 17 музеях и церквях Зальцбурга, рассказывает о разных страницах фестивального прошлого и настоящего.

Придумал Зальцбург фантастический дуэт в составе лучшего либреттиста XX века Гуго фон Гофманстля и ярчайшего театрального реформатора Макса Рейнхардта.

Мысль о фестивале на родине Моцарта витала в воздухе еще до войны, Рейнхардт посылал проекты в Вену и в 1917-м. А после 1918 года сама история затребовала объединения Европы. Европейским единством, тем, что складывалось в 1750–1850 годах, и хотел скрепить новую идею Гофманстля. Он написал об этом «Манифест», который теперь раздают на выставке всем желающим. Ему же принадлежит эссе 1919 года, в котором город на берегах Зальцаха назван «сердцем сердца Европы». С точки зрения Гофманстля, небольшие размеры Зальцбурга позволяют сосредоточиться на главном: «Большой город – место рассеяния, а торжественное представление требует сосредоточения от тех, кто занят в нем, и тех, кто его воспринимает».

Среди организаторов Зальцбурга был постоянный соавтор Гофманстля Рихард Штраус, но изначально фестиваль вовсе не был таким музыкальным, как сегодня. Да и само президентство Штрауса выглядело во многом компромиссным решением. Как честно объяснял его композитору Гофманстля, «эти [зальцбургские] мещане никогда не воспримут Рейнхардта как президента [фестиваля], они ненавидят его трижды или четырежды: как еврея, как владельца замка, как художника и как одиночку, которого они не понимают».

Конечно, Рейнхардт ценил прежде всего драму, да и Гофманстлю было мало лавров лишь первого либреттиста планеты. Первый сезон открылся 22 августа 1920 года его пьесой «Имярек. Представление о смерти богатого человека» (1911), возобновившей аллегорическую традицию в немецкой драматургии и ставшей в итоге фирменным спектаклем Зальцбурга.

История богача, за которым неожиданно приходит смерть, известна в местных краях со времен Средневековья. Но Гофманстля, настаивавший на неразрывной связи театра и духовного, придал ей новое измерение. Не случайно «Имярек» сразу вызвал неприязнь правых кругов. Да и вся деятельность Рейнхардта и Гофманстля проходила под непрерывный аккомпанемент антисемитских высказываний.

Сцена из спектакля «Имярек» Гуго фон Гофмансталия. Зальцбург. 1920–1921 годы

Ненависть ослепляла. Нападки на организаторов мешали увидеть, насколько важным с экономической точки зрения было появление фестиваля после войны. Массовая нищета привела к тому, что в 1919 и 1922 годах в Зальцбурге вводили временные запреты на въезд туристов. Разрешение на постановку «Имярека» на площади перед собором сопровождалось требованием пожертвовать в фонд помощи солдатским вдовам и инвалидам войны.

Сегодня «Имяреку» посвящена отдельная экспозиция в музее городского собора. Практически все 16 актеров, в разные годы исполнявших заглавную роль в пьесе Гофмансталия, стали классиками, от Александра Моисси до Клауса-Марии Брандауэра, от Петера Симонишека до звезды нынешнего сезона Николая Офчарека. Ведь «Имярек» – это не только пограничные вопросы жизни и смерти, спектакль неотделим от политической истории XX века. Так, любимец Рейнхардта великий актер Александр Моисси на рубеже 1920-х принимал участие в движении «спартаковцев», а незадолго до смерти получил не только албанское, но и итальянское гражданство, хотя в Риме у власти давно уже были фашисты. А в 1935 году, после трех успешных сезонов, один из лучших исполнителей заглавной роли Пауль Хартман отказался продлить контракт с фестивалем. Причиной стал запрет Имперской театральной палаты на участие немецких актеров в австрийских спектаклях. Соответственно, и само исчезновение «Имярека» из программы 1938 года (Германия тогда поглотила Австрию) было вызвано расовыми причинами: и режиссер, и драматург оказались евреями. Поэтому в 1938 году Тосканини отказался выступать в Зальцбурге, чем немало удивил администрацию. Та поначалу просто не поверила услышанному, решила, что телефон барахлит, и попросила дирижера связаться с австрийским посольством в Америке.

Между тем фестиваль с самого начала стремился привлечь зарубежную публику. В 1930-х годах его буклеты печатались на английском и французском языках. Любопытно, что после аншлюса продолжались попытки заманить в Зальцбург англоязычных туристов, в 1938 году офис фестиваля еще работал в Нью-Йорке, сохранилась фотография его фасада. Но жизнь уже изменилась. Рейнхардт был изгнан из города, принадлежавший ему замок Леопольдскрон, на реставрацию которого он потратил столько времени и сил, был реквизирован австрийскими властями как собственность «врага народа и государства», без выплаты пфеннига компенсации. После войны американские власти спросили у вдовы Рейнхардта актрисы Елены Тимиг, хочет ли она получить замок обратно. Та ответила отказом. Сегодня Леопольдскрон находится в собственности американского «Salzburg Global Seminar», в этом году в нем впервые прошел фестиваль спектакль – «Сон в летнюю ночь».

В войну зрителей становилось все меньше. Уменьшалось и количество постановок. В какой-то момент субсидии стали давать только на представления для солдат и работников оборонных предприятий.

После 1945 года «Имярек» вернулся в афишу. Много изменилось со времен Рейнхардта.

Если герой Моисси принадлежал еще эпохе Просвещения, был готов к самосовершенствованию при малейшем к тому поводе, то после войны Аттила

Хербигер играл человека, раздавленного чувством вины перед окружающими и небом. Но в целом трактовка Рейнхардта на протяжении многих лет почти не менялась. Варьировались лишь детали, и это постоянство прочтения вело к мумификации «Имярека», к падению зрительского интереса.

Сцена из оперы «Моисей и Арон» Арнольда Шенберга. 1996 год

В годы мрачного царствования Караяна ситуация не улучшилась. Попытки обновить режиссуру «Имярека», пригласив на постановку Висконти, Питера Устинова или Дзеффирелли, не нашли поддержки у дирекции. Непревзойденным режиссером Караян считал самого себя. Из-за его вкусов даже отказались от приглашения на главную роль в пьесе Гофмансталя великого немецкого актера Оскара Вернера – тот хотел играть в постановке современного режиссера. Но вместо новаторов на возобновление «Имярека» звали людей из команды Рейнхардта, его учеников либо вдову Елену Тимиг. А единственная по-настоящему свежая постановка, сделанная для фестивалей 1961 и 1962 годов сыном Рейнхардта Готфридом, получила одобрение у критики, но не у публики.

Эпоху Караяна, возглавившего фестиваль в 1957 году, одни называют золотым веком Зальцбурга, другие – началом его кризиса. Меломанство не есть индульгенция, качество звука не отменяет интеллектуальных концепций. Газеты не стеснялись в оценках происходившего, мало кто жаловал это искусство самопрезентации и самопродвижения на рынке. Лишь Жерар Мортье, возглавивший фестиваль в 1989 году, переломил ситуацию. В Зальцбург стали приглашать тех, кто прежде был персоной нон-грата – например, великого дирижера Николауса Арнонкура, сторонника аутентизма в музыке, чьи взгляды бесили Караяна. Из оплота консерватизма Зальцбург превратился в центр художественного свободомыслия. Поначалу публика кипела от возмущения, «букали» едва ли не на каждой премьере. Но перевоспитание продолжалось недолго. Когда под занавес своего десятилетнего интендантства Мортье специально выпустил спектакль в старой, «караяновской» эстетике, возмущению зала не было предела.

Анна Нетребко в партии Виолетты («Травиата» Джузеппе Верди). 2005 год

Сегодня Зальцбург вновь переживает интересные времена. 2000-е годы, прошедшие под знаком 250-летия Моцарта (фестиваль показал все его 22 оперы) и рождения новых звезд, таких, как Анна Нетребко (мало где еще она капризничает так, как в открывшем ее миру Зальцбурге), завершились досрочной отставкой интенданта Юргена Флимма. Его заменит Александр Перейра, возглавлявший до этого Оперу Цюриха, театр с репутацией, не боящийся экспериментов, склонный скорее не к социальности, но «искусству ради искусства». Посмотрим, как это скажется на качестве постановок, появятся ли наконец-то режиссеры-радикалы, такие, как Петер

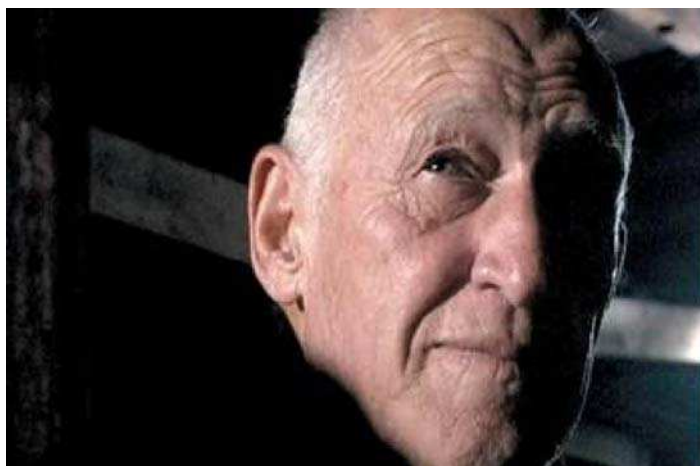
Конвичный или Каликто Бието. Билеты здесь и так одни из самых дорогих в мире, но в большинстве случаев они того стоят. Экономвариант образования позволяет обойтись записями: по вечерам в центре города на огромном экране показывают лучшие спектакли прошлых лет и нынешние премьеры. Но стоит ли говорить в жару о мороженом, когда его можно съесть? 18-й площадкой «Большого мирового театра» стали сцены Зальцбурга. Правда, их посещение не включено в стоимость билета на выставку.

Выставка в Зальцбурге продлится до 26 октября. Стоимость каталога (английский и немецкий языки) 22 евро.

«ПИЦЦА В АУШВИЦЕ» КАК «ПОДАРОК СТАЛИНУ»

Èðèí à Ðóóáí íáà

Эти странноватые словосочетания вынесены в заглавие по нескольким причинам. Первая – и главная – состоит в том, что здесь сопоставлены названия двух фильмов-лауреатов VII Международного кинофестиваля «Еврейские мотивы», состоявшегося, как и шесть предыдущих, в Варшаве. Оба фильма – один документальный, другой игровой – хороши и значительны, и о них еще будет сказано, несмотря на то, что «Лехаим» рецензировал в свое время обе картины. Но начать хотелось бы с самого фестиваля, аналогов которому в густо разветвленной сети мировых кинематографических смотров, пожалуй, нет.

Режиссер Моше Циммерман. 2008 год

Могут возразить: ну как же, ведь в разных странах проходит множество национальных фестивалей: французских в России и Лос-Анджелесе, польских в американском Сиэтле и с недавних пор в Москве, американских в Довиле во Франции, российских во французском же Онфлере, в Париже, в Нью-Йорке, в Варшаве – всего не перечислить. Существуют фестивали, организованные по жанровому признаку, например детективных фильмов во французском городе Коньяк или фантастических в испанском Ситгесе, французском Авориазе или в бельгийской столице Брюсселе, если упомянуть только самые известные. «Еврейские мотивы» строятся не на основе национального «происхождения»: это ни в коем случае не фестиваль израильских фильмов (в Варшаве таковой существует, но его даже тенью «Мотивов» не назовешь). Собранные здесь картины сделаны в разных странах и разных жанрах, к тому же в конкурс включены как игровые ленты, так и документальные. В нынешнем году показывался даже анимационный фильм («Колдунья») двух юных режиссерш из Израиля). Публика, которая валом валит на просмотры, больше интересуется документальным кино, что нетипично для массовых предпочтений. Между тем реальные судьбы в этом тематическом поле захватывают сильнее, чем те, что рассказаны в игровом кино, даже и в тех случаях, когда вымысел отталкивался от жизненной основы. Словом,

варшавские «Еврейские мотивы» утвердились в календаре значительных международных смотров, но не являются типичным их примером.

Более того, возникновение и прочный авторитет этого фестиваля по-своему загадочны, хотя бы потому, что в Польше обитает всего несколько тысяч евреев. Тем не менее очень уважаемые и солидные люди (необязательно евреи) восемь лет назад сочли такой фестиваль необходимым именно для этой страны. И вот почему.

Некогда, точнее говоря до второй мировой войны, Польша была многонациональной страной. Сегодня это утверждение может показаться фантастичным, но дело обстояло именно так. Конечно, население-автохтон преобладало (около 70%), но и доля национальных меньшинств была значительной. Второе место занимали украинцы, третье – евреи. Их культура, теперь уже навсегда утраченная, была не просто дополнительной краской в палитре духовной жизни страны. Она по-своему воздействовала на культуру коренных масс – обогащала ее, полемизировала с ней, словом, пребывала в постоянном диалоге, что, как известно, всегда стимулирует духовную деятельность. Почерпнутое из анекдотов представление о культуре польского еврейства как заскорузло-провинциальной, местечковой не что иное как «мирное» проявление национализма. Всемирная слава пианиста Артура Рубинштейна, композитора Генрика Венявского или нобелевского лауреата писателя Исаака Башевиса Зингера эту местечковость никак не удостоверяет. Рубинштейн играл Шопена как мало кто в его время, сочинения Венявского входят в репертуар самых крупных оркестров мира, а Башевис Зингер оставил описание (на идише) жизни предвоенной Польши и, в частности, Варшавы, по яркости и колоритности, возможно, опережающее собственно польскую прозу тех лет.

Кадры из фильма «Подарок Сталину»

Режиссер Рустем Абдрашев. 2008 год

...В финале «Катыни» Анджея Вайды в кадр вползает чудовищный бульдозер, сравнивающий с землей тела расстрелянных польских офицеров, закапывающий даже само воспоминание о них. Такой же каток истории прошелся по польскому еврейству. Во время немецкой оккупации в концентрационных лагерях было уничтожено 2 900 000 человек, даже больше, чем значится в переписи начала 1930-х годов. В 1968 году не оккупанты, а «народное» коммунистическое

руководство выдало из страны выживших в Катастрофе «сионистов». Так о ком и для кого задуман и существует фестиваль «Еврейские мотивы»?

Конечно, он проходит прежде всего в память об ушедших и в напоминание живым. Однако тот факт, что в попечительский совет фестиваля входят художники такого масштаба, как А. Вайда, К. Занусси, М. Лозинский, Ф. Холланд, К. Песевич, говорит об осознании того, что еврейское творчество, еврейская судьба, еврейские мотивы трактуют здесь как насильственно изъятый сегмент национальной жизни.

Коротенький, всего 9 минут экранного времени, фильм-метафора польского документалиста Павла Лозинского «Инвентаризация» мог бы стать эпиграфом к программе фестиваля нынешнего года. Крупно показаны руки, расчищающие в густой траве некую плиту. На плите письма, немного стертые, но, скорее всего, доступные прочтению. Те, кто оставил плиту и сделал на ней свою надпись, исчезли. Но потомки должны, обязаны принять их послание. Собственно, на этом сосредоточены все без исключения ленты фестиваля.

Память – сквозной, главный мотив почти всех фильмов, при том что отношение к прошлому разное. С одной стороны, ничто не забыто, с другой – страдания жертв давят, угнетают настоящее их потомков.

Две картины, получившие высшие премии фестиваля, – «Подарок Сталину» (см. Лехаим. 2008. № 4) казахского режиссера Рустема Абдрашева по сценарию российского драматурга Павла Финна и «Пицца в Аушвице» (см. Лехаим. 2009. № 9) израильтянина Моше Циммермана – сопрягают трагическое прошлое и мирное настоящее. Правда, на этом их сходство заканчивается.

**Кадр из фильма «Муки в огне».
Режиссеры Лина и Слава Чаплины. 2008 год**

В «Подарке Сталину» рассказано о том, о чем до сих пор наше кино – советское и теперь российское – упорно умалчивало: о безвинно арестованных, запертых в лагерях, сосланных на так называемое спецпоселение. В картине Абдрашева и Финна нет ни стен, ни камер, ни решеток. Там волшебным образом снятая без края, без горизонта казахская то ли степь, то ли пустыня. Но на память непрощено приходят зазубренные со школьных лет слова Фридриха Энгельса: «Россия – это тюрьма народов». Основоположник, разумеется, имел в виду царизм. В казахско-русско-польско-израильском фильме с выразительной наглядностью показано узилище сталинского времени, замкнувшее в себе людей разных национальностей. Там томятся русская женщина, бывшая лагерница, польский интеллигент – за то, что имел несчастье (или счастье?) родиться поляком, еврейский мальчик-сирота, похоронивший дедушку во время этапа. Они живут среди казахов и дунганов. Самое замечательное в том, что среди них нет никаких распрей на национальной почве. Это сообщество можно назвать солидарностью жертв, хотя у каждого несчастья своя история. Люди выживают, потому что доверяют друг другу. Им противостоит только начальство – полубезумный энкавэдэшник в беспощадном исполнении Александра Баширова, быдло участковый, колхозное начальство. У этих «товарищей» неколебимое убеждение, что они имеют полное право вершить судьбы других. Они и вершат. А на фоне этой драмы происходит тихая и бескровная так называемая социализация мальчика, которого запикивают в пионеры, учат славословиям вождю, заставляют петь веселые пионерские песни. Одну из них – свой подарок Сталину – он поет с поселковой детворой под аккомпанемент рева взлетающей в космос ракеты: концлагерь плавно превратился в

космодром. (В последние годы мысль о том, что величайшие достижения советской власти зиждутся на крови ее жертв, дважды прозвучала в российском кино: один раз в «Подарке Сталину», другой – в фильме Алексея Германа-младшего «Бумажный солдат». Потребовалось более полувека, чтобы заглянуть за кулисы и осознать механизм величайших достижений социализма. Однако к фестивалю «Еврейские мотивы» это открытие имеет лишь косвенное отношение.)

В «Пище в Аушвице» другой ритм и совсем другая задача. Молодой израильский режиссер снимает картину как бы на бегу, монтирует позиции без того, чтобы выделять в них тончайшие оттенки, реальные люди выглядят на экране как высококлассные актеры, которые умеют блистательно затушевывать свое актерство. А случай совсем простой. Отец, выживший в лагере Освенцим (Аушвиц), приезжает в музей «Освенцим», чтобы показать и рассказать своим взрослым детям, что представляла собой эта гигантская фабрика смерти. Он рассказывает кратко, сухо, сдерживая чувства сына и дочери. Они слушают. Потом вдруг дочь заявляет, что устала, проголодалась, об ужасах концлагерей наслышана, в том числе и от отца, и не пойти ли им съесть пиццу. И тут спокойный, выдержанный отец взрывается. Его корбит даже не отношение дочери к трагедии, участником которой был ее чудом спасшийся отец. Его бесит сама идея расположить на территории Освенцима забегаловку и кафешку. Пицца в Аушвице для него – не традиционная итальянская еда, тесто с сыром, но омерзительное святотатство, издевательство над памятью тех, кто остался здесь навсегда.

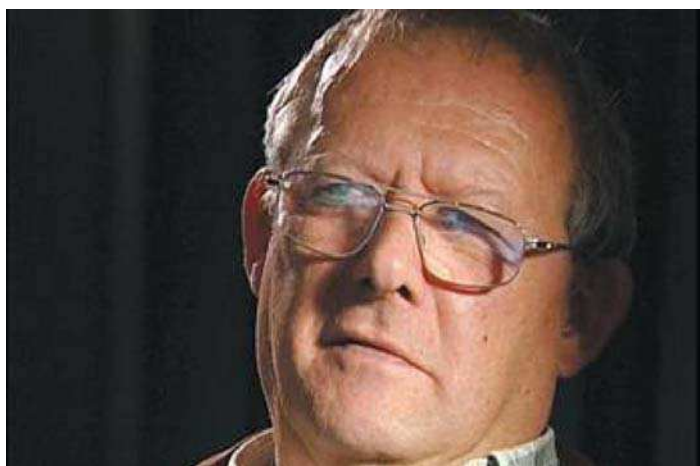

**Кадр из фильма «Тобрук».
Режиссер Вацлав Мархоул. 2008 год**

Интересно, что именно в израильских фильмах возникает эта тема давящего груза прошлого. В фильме «Воспаленный Муки», или «Муки в огне» (см. Лехаим. 2009. № 9) супругов Чаплиных – Лины и Славы, наших соотечественников, 30 лет назад перебравшихся на историческую родину, – это высказано дерзко, если не сказать вызывающе. Подросток Муки живет в окружении людей, которые не знают, что такое настоящее время, мыслями они всегда в прошлом, причем в самой черной его полосе. Не интеллект и воспитание, а сама биология мальчика восстает в нем против этого крошечного трагического пассажа. Его бунт принимает вызывающие формы, кипение зашкаливает за критическую точку: в финале Муки насилует собственную мать. Очень сильный в своем послании и, берусь утверждать, гуманистический по сути, фильм Чаплиных напугал не столько зрителей, сколько некоторых членов жюри. Не отрицая ясности и благородства авторской позиции, отменной профессиональной работы всех участников

постановки, они сочли набор доводов шокирующим, оскорбляющим традиционную еврейскую мартирологию.

Кстати о мартирологии. Позволю себе короткое профессиональное воспоминание на эту тему. Семь лет назад я, как и в этом году, была членом жюри фестиваля, о котором веду речь. Его тогда возглавлял известнейший оператор Курт Вебер, снимавший с К. Куцем, Я. Маевским, Я. Моргенштерном, Т. Конвицким и другими крупнейшими польскими режиссерами. Курт сам мог оказаться героем одного из фильмов конкурсной программы. Вывезенный большевиками в 1940 году на восток СССР, он пошел там в школу, под конец войны начал учиться кинематографическому делу в одном из таджикских вузов, потом вернулся на родину, окончил Высшую школу кино, театра и телевидения в Лодзи, как уже сказано, успешно работал, а в 1968 году, в результате «бескомпромиссной» борьбы партии с «сионистами» (эвфемизм из жаргона руководящих товарищей: слово «еврей» отдавало антисемитизмом, а сионизм – понятие вполне политическое), профессор Курт Вебер вынужден был эмигрировать, и вот уже больше сорока лет живет и работает в Германии. В доверительном разговоре со мной он признался: «Мне не нравится, когда отождествляют еврейскую судьбу во время войны в Польше и в Советском Союзе. В Советском Союзе я и мои близкие выжили, как ни трудно нам было, а в Польше этого бы не случилось ни при какой погоде». Так вот на одном из первых заседаний жюри Курт сделал следующее заявление: «Будет неправильно, если мы сделаем упор на мартирологической теме. Нет спору, Холокост как трагедия по масштабу и жестокости перерастает все другие известные истории. Но жизнь народа продолжается. Он осваивает новую страну и новую действительность. И мы должны разглядеть и поощрить фильмы этого направления». Мне и до сих пор кажется, что это напутствие маститого художника было справедливым и проницательным.

**Кадр из фильма «Обыкновенный март».
Режиссер Маря Змаж-Кочанович. 2009 год**

Разумеется, благое дело открывать новые страницы мученичества. Как сказано, никто не может быть забыт. И такие фильмы, как игровой «Тобрук» чешского режиссера Вацлава Мархоула с фантастическими съемками оператора Владимира Смутного, одним из двух главных персонажей которого является Ян Либерман, солдат-еврей, добровольно вступивший в чехословацкую армию, чтобы биться с фашизмом; или журналистское расследование «Проклятые. Еврейские партизаны в Белоруссии» в прошлом известного по нашему телевидению Александра Ступникова, ныне трудящегося на ТВ Беларуси: отвага партизан

разных национальностей причудливо (и, прямо скажем, неприятно) сплетается с антисемитизмом и коллаборационизмом (каким-то чудом автору картины удалось поднять уникальнейший архив и ни в одном своем утверждении, похвальном или осуждающем, он не позволяет себе быть голословным); или документальный «Отель Польский» польской же документалистки Камы Веймонт, где представлено полузабытое омерзительное мошенничество гестапо, поставившего истребление людей на коммерческую основу: в 1943 году, во время уничтожения Варшавского гетто, наиболее состоятельным его узникам было предложено (разумеется, за мзду) переселиться в находящийся поблизости «Отель Польский», чтобы в шикарнейших условиях ждать там оформления визы для выезда в нейтральные страны, из нескольких тысяч поверивших в эту иллюзию реальное освобождение получили только 200 человек, и никто не знает, что стало с остальными; или характерные по теме – экстерминация, уничтожение, – но сделанные очень изобретательно, тепло и даже с юмором, немного в духе чешской школы, «Забывшие этапы в Польшу» режиссера-документалиста Лукаша Пшибыла.

Ровно так же в программе значились фильмы о современном антисемитизме. Это были в основном польские работы – рассказ о «Балуском гетто» (чешско-польская копродукция, режиссер Павел Штингл) или чудовищный по обнаруженному, ранее засекреченному материалу «Обыкновенный март» польского режиссера Марии Змаж-Кочанович, где представлена изъятая из секретных партийных архивов эпохальная речь Владислава Гомулки о происках «сионистов», послужившая сигналом к изгнанию из университетов, государственных организаций, а вскоре и из страны этих самых «сионистов». Старую пленку здесь комментирует участник событий, одна из их жертв, известный журналист и политик Адам Михник.

Кадр из фильма «Рожденная во второй раз».
Режиссер Михал Никанда-Трепка. 2009 год

И все же на фоне Катастрофы, в обстоятельствах Катастрофы кинематографистам удастся найти примеры преодоления, проявления силы духа и благородства.

Одним из самых обаятельных фильмов на фестивале, на мой вкус, был скромный документ польского режиссера Михала Никанды-Трепки «Рожденная во второй раз». Это история девочки из Вильнюсского гетто, спасенной польской крестьянкой Станиславой Буткевич. В ее доме Маша Файнштейн превратилась в Марию Буткевич, а во взрослой жизни, выйдя замуж за поляка, стала Марией

Ковальской. За свой подвиг спасительница была названа Праведником народов мира, а ее приемная дочь каким-то непостижимым образом не отрекается ни от своего католицизма, ни от своего еврейства. В 2002 году она участвовала в съезде «Дети Холокоста», посетила родственников в Израиле, но продолжает жить в Польше. Это ее выбор.

**Кадр из фильма «Klezmatic: на Святой земле».
Режиссер Эрик Гринберг Анжу. 2010 год**

В заключение позволю себе еще больше отдалиться от трагической тематики и рассказать об очень мне понравившейся документальной американской картине «Klezmatic: на Святой земле» режиссера Эрика Гринберга Анжу. Это портрет известного музыкального коллектива, много гастролирующего по Соединенным Штатам и Европе. «Klezmatic» удостоены премии Грэмми не как исполнители музыки этно или фолк, а как серьезные художники, наподобие археологов отыскавшие, реставрировавшие и придавшие современное звучание народному мелосу. Радость творчества, риск эксперимента, встреча с новым зрителем и одновременно трудности психологические, финансовые, организационные – все вместе создает живой, по-настоящему волнующий образ людей, верных национальным истокам своей музыки, но не обособляющих ее, не возводящих вокруг нее стен культурного гетто.

Фестиваль «Еврейские мотивы» сложился и живет своей жизнью, привлекая с каждым годом все больше зрителей. Свидетельствую об этом как очевидец.

«ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО»

Ī ēnī à Āēāēnīāā

«Медовые дни» года – это не только время Рош а-Шана, который мы встретили, пожелав друг другу «сладкого и счастливого года», но и праздник радости Суккот. Яблоко с медом (тапуах ве дваш) украсит ваш стол в Суккот.

Тапуах ве дваш. Печеное яблоко с медом

Мед наделяют почти волшебными свойствами. И не случайно. В саркофагах египетских фараонов археологи обнаружили емкости с медом, и даже по прошествии нескольких тысяч (!) лет мед этот, как выяснили ученые, оказался вполне съедобным.

Б-жним даром считали мед многие народы. Его можно найти везде, где обитают пчелы. А пчелы создают свои ульи на всех континентах, кроме Антарктиды.

Наиболее близкое еврейской традиции отношение к меду сформулировал русский писатель Владимир Солоухин: «Мед – категория нравственная, но в ряду других вечных ценностей вместе с золотом, серебром, алмазами, янтарем, розовым маслом мед тоже есть эталон вечной и незыблемой ценности...»

תמל (ивр.) – «быть неизменным», «постоянным», и это же слово означает «мед». У другого слова – יקיר – кроме значения «мед» есть еще несколько очень приятных: «родной», «любимый», «милый», «голубчик», «сладкий». И наконец, שבת-מי – «мед». Несколько «медовых» слов в языке, безусловно, свидетельствуют об особом значении меда для народа.

Для евреев мед – не просто символ благополучия. Раньше, когда малыш учил алфавит, буквы на листе обмазывали медом, чтобы, слизывая его, ребенок мог ощутить сладость учения. Нередко традиционное медовое печенье леках пекут в виде букв – с той же целью, чтобы ребенку был сладок и приятен вкус знаний. Тем самым родители желают ему счастливого обучения.

Земля наша еще в Торе была названа «текущей молоком и медом». «И сказал: Я выведу вас от угнетения Египетского в землю хананеев, хеттов, эмореев, призеев, хивеев и евусеев, в землю, где течет молоко и мед» (Шмот, 3:17). Молоко имеется в виду козье. А медом, скорее всего, в данном случае называется сок перезревших фиников. Он стекал на землю с плодов, уже начинавших вялиться прямо на ветвях под действием палящих лучей солнца. По консистенции такой сок напоминает жидкий мед – он густой, вязкий и сладкий, но не такой ароматный, поскольку финики почти не пахнут.

В еврейской притче «Кувшин с медом» говорится о том, что молодая вдова, уезжая к родителям, спрятала оставшиеся после мужа монеты «...в глиняный кувшин, а сверху налила густого темного меда». И отнесла его к соседке, попросила ту сохранить мед. Как-то соседке очень понадобился мед, и она вспомнила про оставленный вдовой. Увидев на дне кувшина монеты, соседка подумала: «Но ведь она просила меня сберечь мед, а не монеты, стало быть, монетами я вправе распоряжаться, как хочу». И она перепрятала их в другое место. Какое-то время спустя вдова вернулась, и пришлось им обоим идти к царю Шломо за правдой. И царь сказал им: «Где кувшин с медом? Разбейте его!» Разбили кувшин, и все собравшиеся увидели, что к одному из осколков приклеилась небольшая серебряная монетка. «Мне кажется, это достаточное доказательство твоей правоты, – сказал Шломо вдове. – Так оно всегда бывает в случае с медом, что-нибудь да приклеится».

В романе Давида Гроссмана «Львиный мед», который строится на библейской истории о герое Самсоне (Шимшоне), мед, добытый из тела умершего льва, приобретает особое, философское и символическое значение.

«Мед» Тонино Гуэрры – это поэма-притча о двух братьях, встретившихся в родном селении после долгих лет разлуки, полных для каждого из них событиями и впечатлениями.

У Марка Шагала, знаменитого художника и менее известного поэта, есть стихотворение «Мой народ», а в нем такие строки:

Î îé:àò î ðî ðî éé, ãî ò éé î ãî ðî ãî ãî

ñ ò î í é. Î î é:àò, áá ãî ãî í à ò ã ã ã

È Î ãî è Î ãî é ñé ãé î ã î ãî ãî

ДВОЙНОЕ СЧАСТЬЕ ЧЕМПИОНА ИЗ СДЕРОТА

יְאֹדֶה צִאֵרָה

В болгарском городе Ямбале завершился чемпионат Европы по боксу среди подростков (14–15 лет). Впервые в истории бокса спортсмен из Израиля завоевал титул чемпиона Европы. Стал им Томер Ядгаров (весовая категория до 56 кг), воспитанник Алексея Белялова. Томер одержал победы в четырех боях, два из которых завершил досрочно. В финале он одолел «почкам» чемпиона России Абубакара-Сидика Магомадова.

Томер-Яков Ядгаров (второй слева) на церемонии награждения за победу на чемпионате Европы среди юниоров. Ямбул. Июль 2010 года

Тамара Яковлевна, бабушка Томера-Якова Ядгарова, говорит, что внук ее в деда пошел: «Тот тоже был крепкий и с характером». Эта энергичная яркая женщина, ратующая «за мир без ракетных обстрелов», здраво рассуждающая о ценности жизни и настоящем спорте, не скрывает, что для своего любимца-чемпиона желает только «счастья на прямой дороге». Спортивное, похоже, уже случилось: для 14-летнего Томера-Якова – так настойчиво просит называть внука Тамара Яковлевна – победа на ЧЕ – несомненный успех. Особенно если учесть, что родом Томер-Яков из Сдерота. Города, знаменитого не только рок-музыкантами, скромными, терпеливыми жителями, но и многолетними ракетными обстрелами террористов из Газы.

Томер-Яков сегодня настоящий герой в Сдероте. Ему улыбаются даже на окраинах города, с которых так хорошо обзревается сектор Газы. На досуге тут можно транслировать брату арабу многозначительные жесты-депешы...

Тренирует нового чемпиона Алексей Насимович Белялов, мастер спорта по боксу, уроженец Махачкалы. Проницательный, знающий специалист говорит о своем воспитаннике:

– Хороший мальчик, серьезный, на ринге боксер-интеллектуал, легко читает противника, просчитывает наперед свои действия. Из него выйдет толк. Повезем его на «мир», в следующей возрастной группе.

Семья Ядгаровых репатрировалась в Израиль из Ферганы. Будущий чемпион родился уже в Израиле.

– Я отдал его в боксерскую секцию в 10-летнем возрасте, – вспоминает отец Томера-Якова. – Тогда из всех спортивных секций в Сдероте работала только секция Белялова. Война была, и было страшно передвигаться по городу, каждый час выла сирена, а эта секция бокса расположена рядом с домом. Я его привел, чтобы пацан занимался делом, чтобы не было времени бояться взрывов. И вот теперь мой мальчик чемпион!

В 2009 году на чемпионате Израиля Томер-Яков завоевал серебро. А уже в 2010-м стал чемпионом страны в своей весовой категории среди юношей.

– Подростки, не зная чем заняться, слоняются по городу, – продолжает Алексей Белялов. – Я собирал их в свою секцию, старался заинтересовать. Сам оборудовал зал. Зарплату за это не получал и не получаю, работаю «за интерес». В мое время ребята с удовольствием занимались такими видами спорта, как бокс, самбо, дзюдо, классическая борьба. Занимались для того, чтобы постоять за себя, утвердиться на советских улицах. Сегодня к спорту другое отношение. Чтобы добиться успеха, необходимо выполнять задания тренера от и до, следить за собой, как в зеркале на тренировке.

Томер-Яков пластичен, прекрасно владеет телом, отлично двигается. Не раскрывается почем зря, чувствует и держит дистанцию. Изменяется в ходе боя – это важный компонент для бойца. Словом, девиз Мухаммеда Али: «Порхать, как бабочка, и жалить, как пчела» словно для него придуман великим боксером.

– Мы с ним заранее вырабатываем тактику предстоящего боя, выискивая слабые стороны противника. Только после первого раунда я даю Яше необходимые советы, как продолжать сражаться дальше. В его послужном списке 50 официальных боев, из них 44 выигранных. Хочу сказать, – продолжает с гордостью, но сдержанно его тренер, – о последнем чемпионате Европы, откуда Томер-Яков привез золотую медаль для Израиля. Два своих боя в болгарском Ямбуле он выиграл досрочно. В полуфинале ему достался болгарин. Я говорю Яше: «Смотри, ты должен выиграть у него чисто, иначе судьи будут за него, помогут “хозяину ринга”». Дома ведь, как известно, и стены помогают. Чтобы все было всем понятно сразу, Яша выполнил свою задачу и уже на 20-й секунде послал болгарина в нокдаун, потом был еще раз нокдаун. А в финале турнира против Яши дрался боксер из России, дагестанец Магомадов. Жесткий, техничный юноша. Но Ядгаров выглядел хорошо, преодолел волнение и выиграл по очкам, стал чемпионом континента.

Специалисты единодушно утверждают, что Томер-Яков Ядгаров является перспективным боксером. В следующем году Яша должен представлять Израиль на чемпионате мира. Говорит, его любимый удар – правый крюк. На вопрос о том, кто его любимый боксер, отвечает: Рой Джонс.

– А еще Майк Тайсон. Он всегда и в любой ситуации идет вперед и атакует, к тому же все умеет в боксе, – говорит по-русски мальчик с двойным именем и с хорошим правым боковым ударом, говорит без акцента и ошибок.

Яша знает и бухори (еврейско-таджикский диалект), и, конечно, иврит и английский. С этого года начинает изучать электронику в средней школе, принадлежащей ВВС ЦАХАЛ.

– Хочу знать много, хочу успеть много, – нешуточно целится в будущее обладатель двойного имени (два имени по еврейской традиции значат двойное счастье).

Когда журналисты спросили Томера-Якова, что он чувствовал, когда стоял на пьедестале, получая золотую медаль чемпиона Европы, он сказал: «Был горд за Израиль. Плакал от радости. Флаг моей страны был выше всех флагов других участников. Наш гимн звучал громче других под сводами Дворца спорта. Невероятное чувство гордости и счастья переполняло».

Хочется верить, что своего двойного счастья Томер-Яков из Сдерота добьется.

ТОНИ ДЖАДТ: ИЗРАИЛЬ КАК УТОПИЯ

6 августа в своем доме на Манхэттене от бокового амиотрофического склероза умер британский историк Тони Роберт Джадт.

Он родился в 1948 году в Лондоне в секулярной еврейской семье. Его мать была дочерью эмигрантов из России, отец подростком перебрался из Бельгии сперва в Ирландию, затем в Англию. После рождения сына семья переехала из еврейского Ист-Энда в аристократический Путни, где Тони пошел в престижную христианскую школу. Затем он поступил на историческое отделение Кембриджа, а по окончании его был оставлен при университете, где преподавал до 1978 года. Затем были Калифорнийский университет, Оксфорд и, наконец, Университет Нью-Йорка – Джадт работал там с 1987 года и до последних лет жизни, возглавляя Институт Ремарка, занимавшийся европейскими исследованиями.

Его первой специализацией была новейшая история Франции, особенно французского социалистического движения. Известность за пределами круга специалистов Джадту принесла вышедшая в 1992 году монография «Несовершенное прошлое: французские интеллектуалы 1944–1956», содержащая резкую критику Сартра и близких ему философов и литераторов за их влюбленность в сталинский коммунизм и неготовность анализировать причины массового коллаборационизма французов во время второй мировой войны. В 2005 году вышла главная книга Джадта «После войны: История Европы с 1945 года» – почти тысячестраничный том, в полной мере демонстрирующий силу Джадта как аналитика, собирающего мозаику из огромного множества фактов и увязывающего их в причинно-следственные цепочки.

В последние годы, впрочем, репутация Джадта определялась не столько его историческими трудами, сколько выступлениями на актуальные политические темы, в первую очередь – об израильско-палестинском конфликте. Его призыв превратить Израиль из еврейского национального дома в государство двух народов вызвал скандал: оппоненты Джадта сочли, что реализация этого плана привела бы к попаданию еврейского меньшинства в зависимость от доброй воли арабского большинства. В обоснование своей позиции Джадт ссылаясь на опыт Германии и Франции, которые на протяжении полутора веков были заклятыми врагами и неоднократно воевали, но в послевоенном мире смогли построить добрососедские и

даже дружеские отношения. Однако его противников это не убедило – Ближний Восток не Европа, – и Джадт был причислен к «евреям-самоненавистникам», хотя его биография вроде бы не давала оснований для этого.

В 15 лет Джадт, к неудовольствию родных, увлекся сионизмом и стал проводить лето в кибуце. Он даже подумывал о переезде в Израиль. Но Шестидневная война, во время которой он помогал ЦАХАЛ в качестве шофера и переводчика, положила конец этим планам. Впоследствии Джадт утверждал, что 1967 год стал переломным в израильской истории. Война, говорил он, принесла плоды «одинаково горькие и для побежденных, и для победителей». Она кардинально изменила лицо Израиля, превратив его из несколько анахронистичного европейского социалистического проекта в самодовольное ближневосточное государство, населенное жестоковыйными клерикалами-националистами и чуждыми европейским ценностям выходцами из стран Магриба и Передней Азии.

Впрочем, он никогда не переставал любить тот, прежний, довоенный Израиль и с нежностью вспоминал кибуц, где старейшины прорабатывали за пропаганду разлагающей музыки молодого иностранца, мурлыкавшего себе под нос что-то из ранних «Битлз», немецкоязычных евреев с горы Кармель, которые «полностью, вплоть до мельчайших деталей, воссоздали у себя дома венскую жизнь конца эпохи Габсбургов и отказывались учить иврит», англоязычных евреев из кибуца Кфар-Ханасси, что пили чай с фруктовым тортом и играли в крикет... Разочаровавшись в реальном Израиле, Джадт превратил его в пространство ностальгической тоски, в ретроспективную утопию, наподобие вымечтанной славянофилами идеальной допетровской Руси.

Î èõàèè Î àèéîá

ЭФРАИМ СЕВЕЛА:

СЦЕНАРИИ, РОМАНЫ И ДВА ТАНКА

В Москве на 83-м году жизни скончался известный писатель, сценарист и режиссер, космополит с необычайной биографией и наблюдательный скептик, способный довести свою критику до степени политического протеста, Эфраим Севела. Первую половину жизни он был гражданином СССР, затем его выдворили в Израиль, откуда Севела перебрался в США, а в начале 1990-х переехал в Россию, где книги его обрели большую популярность.

Эфраим Севела (Ефим Евельевич Драбкин) родился 8 марта 1928 года в Бобруйске в спортивной семье. Отец – кадровый офицер, коммунист, тренер по классической борьбе. Мама занималась легкой атлетикой. Двенадцатилетним подростком, с матерью и сестрой, он бежал от стремительно приближавшейся к Бобруйску войны. Ночью взрывная волна авиабомбы сорвала его с открытой товарной платформы эшелона, шедшего на восток. Далее последовали: побег из детдома, из ремесленного училища, из совхоза под Новосибирском, бродяжничество по Уралу и Сибири. Осенью 1943 года его подобрал артиллерийский комбриг, погибший потом за две недели до Победы и взявший с него обещание получить высшее образование. Как «сын полка», вместе с бригадой мальчик прошел весь ее боевой путь – через Белоруссию, Польшу, Германию – до Ной-Бранденбурга. Судьба к мальчику оказалась милостива: в Бобруйске, в уцелевшем доме, его встретили мать и сестра, вскоре вернулся и отец. Завещание комбрига он выполнил: окончил университет.

24 февраля 1971 года в Приемной Президиума Верховного Совета СССР двадцать четыре еврея объявили сухую бессрочную голодовку, требуя выпустить их в Израиль. Среди них был и Эфраим Севела, успешный в то время журналист, киносценарист (семь фильмов за шесть лет), любимец Утесова. Акция увенчалась успехом, и Эфраим Севела вместе с другими протестантами был выдворен из СССР.

Вскоре, во время Войны Судного дня, ему представился случай подтвердить свои боевые качества, за которые в 1944 году получил медаль «За отвагу», и он не преминул им воспользоваться: подбил два танка и противотанковую пушку.

В Израиле Севела написал книги «Викинг», «Мраморные ступени», «Остановите самолет – я слезу!», «Моня Цацкес – знаменосец», «Мужской разговор в русской бане», «Почему нет рая на земле», киноповесть «Мама» и рассказы, вошедшие в сборник «Попугай, говорящий на идиш», а в конце 1970-х годов получил гражданство США и поселился на Брайтон-Бич. За 18 лет скитаний он объехал полмира, одних только сценариев написав больше десятка: «Ласточкино гнездо» – о советских разведчиках в Англии; «Муж, как все мужья» – о жизни в Израиле; «Белый “мерседес”» – о Мюнхенской олимпиаде 1972 года; «Сиамские кошечки» – о Таиланде; повесть «Продай твою мать» – о еврейских иммигрантах в Германии; «Колыбельная» – о Холокосте.

В 1991 году по приглашению Союза кинематографистов СССР Севела прилетел в Москву и не захотел уезжать, радуясь переменам. Вскоре ему восстановили гражданство, Лужков дал квартиру. По собственным сценариям один за другим он снял фильмы: «Попугай, говорящий на идиш», «Ноктюрн Шопена», «Благотворительный бал», «Ноев ковчег», «Г-споди, кто я?» Издавались и книги, чьи внушительные тиражи вполне находились в гармонии с их содержанием.

Севела обладал внешностью Менделя Крика. Он был собеседником Эдмонда Ротшильда и вдовы Шагала.

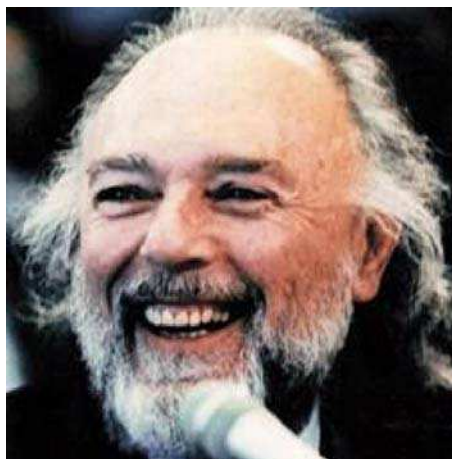
Когда перед отъездом он явился в ОВИР, его пригласили к начальнику антисионистского отдела КГБ генерал-лейтенанту Георгию Минину. «Вот ваше личное дело, – открыл пухлую канцелярскую папку генерал. – Честно сказать, будь моя воля, никогда б вас не отпустил. У нас таких людей по пальцам перечесть. – Минин достал из папки пачку благодарностей Верховного главнокомандующего. – Ну как отпустить такого воина?! – воскликнул он и продолжал наставительно: – Очень скоро вы окажетесь на вой-не... Не посрамите чести своих боевых учителей!»

И он не посрамил.

Айяйяй ай ай ай

ДЖОРДЖ ДЭВИД ВАЙС: АВТОР ПРЕКРАСНОГО МИРА

В августе 2010 года на 90-м году жизни у себя дома в Нью-Джерси скончался Джордж Дэвид Вайс. Как сообщила его супруга, «по естественным причинам».

В это непросто поверить, но даже у таких повсеместно признанных и практически народных шлягеров, как песня «What A Wonderful World», известная, прежде всего, в исполнении Луи Армстронга, бывают авторы. То есть тот факт, что не Армстронг ее сочинил, вполне может стать откровением для тех, кто по привычке наделяет исполнителей великих песен еще и авторскими регалиями.

Между тем песню «What A Wonderful World» написал Джордж Дэвид Вайс, известный поэт и композитор-песенник, с 1982 по 2000 год возглавлявший американскую «Гильдию поэтов-песенников». Человек, писавший такие светлые и жизнерадостные песни, наверное, о лучшей участи не мог и мечтать – прожить почти до 90 лет и умереть от старости.

В семье ждали, что юный Вайс получит хорошую еврейскую профессию – станет адвокатом или бухгалтером. Но он решил связать жизнь с музыкой. Ходил в знаменитую Джульямскую музыкальную школу, расположенную в Линкольн-центре, а полноценным началом карьеры стала работа в качестве аранжировщика для биг-бендов Стэна Кентона, Винсента Лопеса и Джонни Ричардса. До второй мировой войны Вайс успел поиграть в духовой и струнной секции в нескольких биг-бендах, игравших на танцах. Вернувшись с фронта, много писал для Голливуда и Бродвея и молниеносно вписался в когорту американских хитмейкеров. В период с середины 1940-х до середины 1950-х из-под его пера вышли среди прочего песня «Oh! What it Seemed to Be», вошедшая в репертуар Фрэнка Синатры, «Surrender» Перри Комо, «I Ran All the Way Home» Сары Воэн и «Cross Over the Bridge» Патти Пейдж.

Однако самого большого успеха он добился, работая, преимущественно, над текстами в сотрудничестве с партнерами-композиторами. Так появилась песня

«Lullaby Of Birdland», «Колыбельная для “Birdland”»), посвященная Чарли Паркеру, носившему прозвище «Bird» – «Птаха». «Колыбельную» Вайс написал в соавторстве с английским композитором Джорджем Ширингом. Известны версии, записанные Эллой Фицджеральд, Сарой Вээн, Чакой Хан и итальянской эстрадной звездой Миной. Вместе с Джо Ширманом Вайс создал хит «That Sunday, That Summer», лучше всего известный в исполнении Ната Кинга Коула.

Вместе с американскими авторами итальянского происхождения Луиджи Креаторе и Хьюго Перетти Вайс переработал старинную французскую песню «Plaisir d’Amour», известную миру в аранжировке Гектора Берлиоза. В 1961 году песня, получившая название «Can’t Help Falling In Love», прозвучала в исполнении Элвиса Пресли в фильме «Голубые Гавайи» и стала одной из его визитных карточек. Вплоть до 1970-х Элвис Пресли заканчивал ею свои концерты. Впоследствии ее перепевали бесчисленное количество раз. Одна из наиболее «раскрученных» версий – вариант группы «UB40», прозвучавший в фильме «Щепка» (1993) с участием Шерон Стоун.

Песня «What A Wonderful World» появилась в 1968 году, когда Луи Армстронгу было уже 67 лет. Это его последний большой хит. Теперь эту вещь принято считать «прощальным шедевром» мастера. Как только песня была опубликована, она тут же стала хитом в Великобритании. Удивительно, но шлягер с самым жизнеутверждающим текстом в истории поп-музыки получил заслуженное признание на родине авторов и исполнителя лишь после выхода на экраны фильма «Доброе утро, Вьетнам!» (1988) с Робинот Уильямсом в главной роли. Джордж Дэвид Вайс написал этот текст на музыку известного джазового продюсера Боба Тилья. Изначально песню должен был записать Тони Беннетт. Когда Боб Тилья решил, что песню запишет Луи Армстронг, у продюсера дело дошло чуть ли не до драки с президентом «ABC Records» Ларри Ньютоном. Записав все-таки предназначавшуюся белому певцу песню с темнокожим классиком джаза, Вайс и Тилья, как сейчас пишут в энциклопедиях, «выпустили антидот, способный охладить перегревшийся политический и расовый климат США».

Àíḍẹ̀ń Ààḍàáàí íá

АВТОРЫ ОКТЯБРЬСКОГО НОМЕРА

Ī ēīāī à Āēāēīīāī æōđī àēēīñō, лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2002».

Борис Барабанов (р. 1973) журналист, музыкальный обозреватель Издательского дома «Коммерсантъ».

Ī ēōāēē Āīđāēēē (ā 1946) ŷīīēñō, īōāēēōēēñō, ēēō āđāōōđī ŷē ēđēōēē. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Āāēāđēē Āŷī ēēō (ā 1959) āīōđīīēīā ŷōīīāāō, ēēō āđāōōđī āīā, īāđāīā-ēē ēēēōā, āī ēēēēīā ē īāī āēēīā («Тяжба с ветром», Ицик Мангер «Книга рая» и др.), директор центра «Петербургская иудаика».

Ī āđē ŷāē-ēē (ā 1947) æōđī àēēīñō («Континент», «22»), прозаик («Сделано в СССР», «Иерусалимские рассказы»).

Āāēēīā ŷāēī ēīā ēñōīđēē, ēēō āđāōīđ, īāđāīā-ēē. Доцент РГГУ и ИСАА МГУ, редактор сайта «Booknik.ru: Еврейские тексты и темы». Автор монографии «От скипетра Иуды к жезлу шута. Придворные евреи в средневековой Испании», переводов и статей по средневековой еврейской истории, истории Испании, гендерной проблематике.

Āēāēīāī āđ Ēēē-āāēēē (ā 1970) īđīŷāēē, īīŷō. «Случай», «Не-зрение», «Волга меда и стекла», «Нефть», «Ай-Петри», «Гуш-мулла». Лауреат премий им. Ю. Казакова (2006) и «Русский Букер» (2007) за роман «Матисс».

Āīīā Ēīāēīāī æōđī àēēīñō, īđīŷāēē (роман «Ах, эта черная луна!» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-арец».

Āđēāī Ēāđēā (ā 1963) đāīīōāē āđŷ-ēēīī, āāīđī ēēīī, đāīāōēōīđīī. Преподавал физику, иврит, английский, итальянский. В 1989 году репатриировался в Израиль. Работал журналистом, официантом. Написал три книги об израильском сленге, триллер (вместе с Антоном Носиком) и роман «Переводчик». Высшей ценностью считает аргентинское танго.

Ī āđēīā Ēāđīīāī īđāīīāāāōāēŷ, īāđāīā-ēē, автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

Ēāīīēā Ēāōēñ (ā 1958) óēēīēīā («Осип Мандельштам: мускус иудейства», «Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса»). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Āīđēñ Ēēēī (ā 1970) æōđī àēēīñō, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Áðéääé Êíáéüü áí (ð. 1949) èñò íðéé, заведующий кафедрой иудаики ИСАА МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

Áíá Êíí òí ðáð (ð. 1963) í óáééüéñò, í áðááíá-éé, преподаватель иврита и еврейской традиции. Активист еврейского правозащитного движения в СССР. С 1988 года в Израиле. Работает в русскоязычных израильских СМИ и в российских аналитических изданиях.

Áí èò ðéé Êíí áééíáé- (ð. 1969) áéáéáéñò, ááðáéñò è ðñíéñò. Преподает в Бар-Иланском университете, Еврейском университете в Иерусалиме и в Открытом университете Израиля.

Áááí éé Êááéí (ð. 1973) æóðí áééñò, í áðááíá-éé, автор пособий по еврейской традиции.

Ì èõáéé Êéí èéí (ð. 1966) í áðááíá-éé ñ áí æééíéíá è éáðéò á («Пять отцов-основателей сионизма» Бенциона Нетаньяху).

Áéáéíáí áð Êíéøéí (ð. 1950) èñò íðéé Автор статей и публикаций по истории и культуре евреев России и СССР.

Ááðí áðá Í áéáí óá (1914–1986) áí áðééáí ñééé í èñò áéüü автор романов и рассказов. Лауреат Пулитцеровской премии, золотой медали Американской академии искусств и литературы и др. По-русски издано четыре сборника рассказов и роман «Мастер».

Áóáí áñéé Í áí ááíá (ð. 1960) í ðíçáéé, æóðí áééñò. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам».

Áéáéíéé Í íéðíáñá (ð. 1965) èèò áðáò óðí úé è ðááíæáñò ááí í úé éðéò éé, печатается в журналах «Синий диван», «Теория моды».

Áééçáááò à Í íáééíáá éðéò éé è æóðí áééñò, литературный обозреватель портала INFOX.

Áðííí Ðáááçíá (ð. 1966) í èñò áéüü («Одиночество-12»), фотограф («Неочевидный мир», фотобиеннале-2010), деятель медиабизнеса. Автор идеи сообщества community.livejournal.com/mgendelev/.

Èðéí à Ðóááí íáá èéí íéðéò éé, èéí íááí Автор книг «Киноискусство стран социализма», «Польское кино. Фильмы о войне и оккупации. 1945–1965», «Конрад Вольф». Публикуется в журналах «Искусство кино», «Сеанс», «Киноведческие записки», газетах «Известия», «Коммерсантъ» и др.

Èõóáé Ñò ðááøéí ñééé (ð. 1980) áéáéáéñò, í áðááíá-éé автор статей по еврейской истории.

Áéááéí èð Óáçáí (ð. 1952) óééíéíá профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг и публикаций, посвященных различным аспектам русско-еврейских культурных связей.

